This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

+ *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.

+ *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.

+ *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.

+ *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at `http://books.google.com/`

Это цифровая коиия книги, хранящейся для иотомков на библиотечных иолках, ирежде чем ее отсканировали сотрудники комиании Google в рамках ироекта, цель которого - сделать книги со всего мира достуиными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских ирав на эту книгу истек, и она иерешла в свободный достуи. Книга иереходит в свободный достуи, если на нее не были иоданы авторские ирава или срок действия авторских ирав истек. Переход книги в свободный достуи в разных странах осуществляется ио-разному. Книги, иерешедшие в свободный достуи, это наш ключ к ирошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все иометки, иримечания и другие заииси, существующие в оригинальном издании, как наиоминание о том долгом иути, который книга ирошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использовапия

Комиания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы иеревести книги, иерешедшие в свободный достуи, в цифровой формат и сделать их широкодостуиными. Книги, иерешедшие в свободный достуи, иринадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, иоэтому, чтобы и в дальнейшем иредоставлять этот ресурс, мы иредириняли некоторые действия, иредотвращающие коммерческое исиользование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические заиросы.

Мы также иросим Вас о следующем.

- Не исиользуйте файлы в коммерческих целях.
  Мы разработали ирограмму Поиск книг Google для всех иользователей, иоэтому исиользуйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.

- Не отиравляйте автоматические заиросы.
  Не отиравляйте в систему Google автоматические заиросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного иеревода, оитического расиознавания символов или других областей, где достуи к большому количеству текста может оказаться иолезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем исиользовать материалы, иерешедшие в свободный достуи.

- Не удаляйте атрибуты Google.
  В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он иозволяет иользователям узнать об этом ироекте и иомогает им найти доиолнительные материалы ири иомощи ирограммы Поиск книг Google. Не удаляйте его.

- Делайте это законно.
  Независимо от того, что Вы исиользуйте, не забудьте ироверить законность своих действий, за которые Вы несете иолную ответственность. Не думайте, что если книга иерешла в свободный достуи в США, то ее на этом основании могут исиользовать читатели из других стран. Условия для иерехода книги в свободный достуи в разных странах различны, иоэтому нет единых иравил, иозволяющих оиределить, можно ли в оиределенном случае исиользовать оиределенную книгу. Не думайте, что если книга иоявилась в Поиске книг Google, то ее можно исиользовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских ирав может быть очень серьезным.

О программе Поиск кпиг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне достуиной и иолезной. Программа Поиск книг Google иомогает иользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый иоиск ио этой книге можно выиолнить на странице `http://books.google.com/`

IIDI
HL 1PIK 8

A7
Pryanishnikov, M.F.
Russk zemled tsn'ma

HARVARD LAW LIBRARY

Received DEC 29 1932

РУССКАЯ

ЗЕМЛЕДѢЛЬЧЕСКАЯ ТЮРЬМА.

М. Ф. Прянишникова.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія Товарищества «Общественная Польза».
Б. Подъяч. № 39.
1881.

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 19 Ноября 1880 года.

DEC 29 1932

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Настоящее сочиненіе первый разъ, въ половинномъ почти размѣрѣ, было напечатано въ газетѣ «Рускій Міръ» въ маѣ и іюнѣ 1873 года, нумера: 133, 134, 138, 139, 153 и 159—какъ разборъ проекта Высочайше утвержденной 1 февраля 1872 года подъ предсѣдательствомъ тайнаго совѣтника графа Сологуба, коммисіи для составленія общаго систематическаго о тюремномъ въ государствѣ преобразованіи.—Когда, учрежденный взамѣнъ этой коммисіи комитетъ подъ предсѣдательствомъ тайнаго совѣтника Зубова представилъ свои труды въ государственный совѣтъ, настоящее сочиненіе уже въ полномъ составѣ было представлено мною въ тотъ же совѣтъ и нѣсколько ранѣе въ 2 Отдѣленіе Собственной Его Императорскаго Величества Канцеляріи.

Сочиненіе обнимаетъ весь тюремный вопросъ и озаглавлено «Русская Земледѣльче-

ская тюрьма», чтобы указать на самый подходящій видъ для русской тюрьмы. Подобныя тюрьмы, если ихъ расположить по линіи проектируемой желѣзной дороги отъ Оренбурга до Ташкента или между Каспійскимъ и Аральскимъ морями, прочно могли бы колонизовать эту часть пустыни, они въ одно время были бы и крѣпостями возникающаго края и житницами для степныхъ отрядовъ и колыбелью громадныхъ лѣсовъ, разведеніемъ каковыхъ тюрьмы могли бы заняться осенью между дѣломъ.

Чтобы выяснить задачи тюрьмы, жизнь въ ней, отношенія заключенныхъ къ начальству и между собою, мы разбираемъ всѣ существующіе тюремные уставы и труды комисіи графа Сологуба, чтобы открыть такимъ образомъ передъ читателемъ полную картину мрачнаго склепа, куда ежегодно замуравливаютъ сотни тысячъ людей.

Русская земледѣльческая тюрьма.

ГЛАВА I.

Краткое сравненіе дѣйствующихъ нынѣ тюремныхъ уставовъ.

Уложеніе о наказаніяхъ подраздѣляетъ лишеніе свободы какъ и всѣ прочіе наказанія на два главныхъ разряда: наказанія уголовныя и исправительныя; къ первымъ относятся каторжныя работы: въ рудникахъ, крѣпостяхъ и заводахъ (19 ст. Ул. о Нак.), къ исправительнымъ: 1) заключеніе въ арестантскихъ ротахъ, 2) въ рабочемъ домѣ, 3) временное заключеніе въ крѣпости, 4) въ смирительномъ домѣ, 5) временное заключеніе въ тюрьмѣ и 6) кратковременный арестъ.

Сравнивъ въ общихъ чертахъ уставы для содержащихся въ означеныхъ мѣстахъ заключенія, мы не можемъ не усмотрѣть, что строгость принятыхъ въ каждомъ изъ нихъ ограниченій, не вполнѣ соразмѣрена съ ихъ

уголовнымъ значеніемъ. Такъ съ поступленіемъ въ арестантскіе роты не сопряжено, по закону, расторженіе браковъ; но арестантамъ запрещено уставомъ жить вмѣстѣ съ женами, а холостымъ вступать въ бракъ (ст. 1030) тогда какъ присужденнымъ къ каторжныя работы, браки коихъ расторгаются, если пожелаютъ того невинные супруги, по прошествіи отъ 1 да 3 лѣтъ по переводѣ въ разрядъ исправляющихся, дозволяется вновь вступать въ браки, или продолжать не расторгнутые (ст. 577 Уст. о ссыл.) и даже выдается, въ такомъ случаѣ, изъ заработныхъ денегъ не четвертая часть, какъ холостымъ арестантамъ, а половина, а выстроившимъ свои дома—три четверти (ст. 578 Ус. о ссыл.). А между тѣмъ, высшій срокъ заключенія въ арестантскихъ ротахъ простирается до 4 лѣтъ—низшаго срока каторжныхъ работъ и безъ суда можетъ быть за каждое, болѣе одного раза, наказаніе усиленными мѣрами увеличенъ на полгода (ст. 1076); слѣдовательно, разлученіе съ женою можетъ продлиться долѣе самыхъ важныхъ преступниковъ, что (поражая вмѣстѣ съ осужденнымъ и его невинную жену, безнравственно и преступно по нашему церковному ученію о бракѣ).

Въ тюремной жизни, гдѣ существуетъ дѣленіе арестантовъ на разряды, съ нахожденіемъ въ низшемъ разрядѣ сопряжены весьма важныя ограниченія; между тѣмъ порядокъ зачисленія въ этотъ разрядъ и привилегіи высшаго, въ каждой тюрьмѣ подчинены особымъ правиламъ, несходнымъ съ уставами другихъ тюремъ, чрезъ что участь осужденныхъ на менѣе тяжкое наказаніе, вслѣдствіе особенностей того заведенія, въ которомъ они находятся, выходитъ иногда тяжелѣе участи осужденныхъ судомъ на высшее наказаніе Такъ въ арестанскихъ ротахъ 10 мѣсяцевъ пребыванія въ разрядѣ исправляющихся считается за годъ пребыванія въ ротѣ, сокращая, такимъ образомъ, назначенное имъ судомъ наказаніе на $^1/_6$ часть всего пребыванія въ отрядѣ исправляющихся (ст. 1065) — привилегія, которою арестанты высшихъ разрядовъ рабочаго и смирительнаго домовъ не пользуются.

Разрядъ исправляющихся смирительнаго дома, по значенію и привилегіямъ, соотвѣтствуетъ высшему разряду рабочаго дома; между тѣмъ какъ въ рабочемъ домѣ большинство съ разу поступаетъ въ высшій (ст. 274) и переводится въ низшій разрядъ только за со-

верщенныя вновь проступки (ст. 306), въ смирительномъ домѣ, напротивъ, всѣ осужденные прямо зачисляются въ обыновенный (ст. 315), имѣющій значеніе низшаго, какъ и въ арестанскихъ ротахъ, и только впослѣдствіи, въ награду, переводятся въ разрядъ исправляющихся.

Исключенный изъ разряда исправляющихся два раза, по уставу смирительнаго дома, не можетъ уже быть къ оному причисленъ (ст. 319)—исключеніе, неизвѣстное рабочему дому. Работа для заключенныхъ въ смирительномъ домѣ, такъ же, какъ и въ рабочемъ и въ арестантскихъ ротахъ, обязательна, но въ послѣднихъ двухъ заведеніяхъ она вознаградима для всѣхъ безъ исключенія, переведенныхъ въ высшій разрядъ (ст. 1064 и 294), слѣдовательно, для большинства имѣетъ видъ нѣкоторой прибыли, правда, ничтожной, но все-таки большей, чѣмъ ничего; могущей возбудить хотя нѣсколько силу и энергію, необходимыя для того, чтобы не обратить трудъ —эту насущную необходимость человѣка— въ ненавистное и безцѣльное мученіе. Смирительный же домъ, требуя обязательнаго труда, полагаетъ извѣстную часть заработка только тѣмъ, кто не имѣетъ достаточныхъ

средствъ для содержанія себя и своего семейства (ст. 320). Такъ что выходитъ, что работы болѣе важныхъ преступниковъ, каковы содержащіеся въ арестантскихъ ротахъ и рабочемъ домѣ, хоть сколько нибудь оплачиваются, а менѣе важныхъ, въ смирительномъ домѣ, не оплачиваются. И даже привилегія для тѣхъ, кого пожелаетъ начальство считать бѣднымъ, въ смирительномъ домѣ распространяется только на исправляющихся (ст. 329); тогда какъ подобная милость въ арестантскихъ ротахъ и рабочемъ домѣ допущена именно для низшаго разряда (ст. 1014 и 300). Подобное отягченіе положенія арестантовъ смирительнаго дома, особенно непослѣдовательно при дозволеніи работать на себя тѣмъ изъ нихъ, кто, бывъ перечисленъ въ разрядъ исправляющихся, можетъ пріобрѣсти матеріалы на свой счетъ, съ уплатою въ пользу дома только 5% всей стоимости (ст. 321)—слѣдовательно, отягченіе поражаетъ только тѣхъ, кто не имѣетъ средствъ для покупки на свой счетъ матеріаловъ и за кѣмъ не признано начальствомъ права бѣдности. И если оно касается меньшинства, то, дѣлаясь еще несправедливѣе, теряетъ и послѣдній смыслъ извлеченія дохода въ пользу дома.

Содержащимся въ смирительномъ домѣ дозволяется свиданіе только съ родителями, дѣтьми, родными братьями, сестрами и супругами, и то впродолженіи одного только часа въ цѣлый мѣсяцъ, да такъ еще, чтобы этотъ часъ наступилъ не ранѣе 3-хъ недѣль послѣ предъидущаго свиданія (ст. 596 и 597); тогда какъ въ рабочемъ домѣ, который не высказывалъ желанія возвратить содержащихся въ немъ полезными семейству, арестантамъ высшаго разряда дозволяется имѣть свиданіе съ родными безъ всякихъ ограниченій, въ праздники Рождества Христова, первые три дня Пасхи и каждое воскресеніе, и низшаго разряда—въ первый день Рождества, первые три дня Пасхи и въ первое воскресеніе каждаго мѣсяца (ст. 281); слѣдовательно, и арестантамъ низшаго разряда четырьмя днями болѣе, чѣмъ въ смирительномъ домѣ лучшимъ *) при томъ въ такіе торжественные дни, когда свиданіе имѣетъ особое значеніе, въ образцовомъ исправительномъ заведеніи легко можетъ случиться, что не дозволятъ

*) Мы часто, говоря о смирительномъ домѣ, ссылаемся на ст. изъ Устава с.-петербургскаго исправительнаго заведенія, ибо (ст. 267) Уставомъ этимъ повелено руководствоваться во всѣхъ смирительныхъ домахъ.

свиданіе въ первые дни Рождества или Пасху потому только, что не прошло мѣсяца съ послѣдняго свиданія.

Уставы рабочаго и смирительнаго домовъ и тюрьмы подраздѣляютъ содержащихся въ нихъ, на основаніи сословныхъ привилегій, полагая разницу между ними въ содержаніи и дисциплинарныхъ взысканіяхъ. Уставъ рабочаго дома доводитъ разницу эту до того, что допускаетъ для непривилегированныхъ тѣлесное наказаніе отъ 10 до 35 ударовъ розгами, противупоставляя ему для привилегированныхъ заключеніе въ темной комнатѣ отъ 1 до 3 сутокъ (304 и 306).

Если возмущаетъ назначеніе разныхъ наказаній признаннымъ по суду виновными въ одномъ и томъ-же преступленіи и притомъ въ одинаковой мѣрѣ вмѣняемости, то впечатлѣніе это въ судѣ все-таки не можетъ быть такъ сильно и продолжительно, какъ различіе при административныхъ расправахъ; ибо судъ только опредѣляетъ наказанія; большинство присутствующихъ да и самихъ обвиненныхъ можетъ и не понять всего значенія ихъ; при административной-же расправѣ, исполненіе большею частію тотчасъ-же слѣдуетъ за рѣшеніемъ. Случается,

что хорошенько еще и не изслѣдовали, въ чемъ дѣло, а уже розги принесены или явилась стража для отвода подъ арестъ—слѣдовательно, не понять сущности наказанія трудно. Какое-же чувство должно возбудить въ тѣхъ беззащитныхъ, изъ которыхъ каждый можетъ испытать благость розогъ быть, можетъ ранѣе даже того, для кого они принесены, еслибы начальству показалось лицо его протестующимъ противъ справедливости наказанія,—когда въ глазахъ ихъ, при торжественномъ заявленіи самого начальника объ одинаковой виновности двухъ лицъ, одного изъ нихъ тутъ-же отпороли-бы на обѣ корки, а другого отправили въ темную комнату? Одного они видятъ грубо обезчещеннымъ, въ крови и судорогахъ; слышатъ его стонъ и вопли и можетъ быть, даже видятъ замертво отнесеннымъ въ лазаретъ, и другого, случается, главнаго виновника—гордо идущимъ въ темную комнату; а вѣдь и тотъ ихъ-же братъ, арестантъ, одинаково исполняющій всѣ работы и равномѣрно несущій всѣ остальныя тягости и стѣсненія тюремной жизни. С.-Петербургское исправительное заведеніе, а вмѣстѣ съ нимъ, значитъ, и всѣ смирительные дома (съ 267) идутъ еще далѣе въ

поблажкѣ привилегированнымъ, полагая полное различіе между арестантами, смотря по ихъ состоянію (ст. 395), такъ-что, строго говоря, образуютъ изъ себя два особыхъ заведенія, соединенныя только въ одномъ зданіи и порученныя одному общему начальнику, что особенно не практично въ виду того, что смирительный домъ учрежденъ для людей «*продержостныхъ*» (ст. 325), изъ которыхъ однихъ привилегіи могутъ не въ мѣру подкуражить, другихъ—раздражать, и, въ концѣ концовъ, не только не сдѣлаютъ ихъ спокойными и менѣе притязательными, но, пожалуй, разовьютъ еще злобу и ожесточеніе. Но еслибы различіе благородныхъ отъ простыхъ ограничивалось только отдѣленіемъ ихъ въ особую камеру, нѣсколько улучшенной пищей, болѣе тонкой одеждой и иной работой, то все еще можно было-бы объяснить его нежеланіемъ стѣснять жизнь однихъ болѣе, чѣмъ другихъ, такъ-какъ матеріальная обстановка смирительнаго дома, не представляя лишеній для человѣка бѣднаго и давая ему даже подчасъ болѣе, чѣмъ онъ имѣлъ прежде, является, въ то-же время, для человѣка достаточнаго крайне ограниченною.

Но къ чему доводить это различіе до несуще-

ственной крайности: шить, напримѣръ, простымъ людямъ зимнюю одежду навыворотъ—сукномъ внизъ, а парусиной вверхъ? (ст. 397). Одежда отъ этого скорѣе носится, ибо парусина препятствуетъ сукну обсыхать отъ испарины; выходитъ неопрятнѣе, такъ какъ пыль и грязь на парусинѣ замѣтнѣе, чѣмъ на суконѣ, и придаетъ, наконецъ, арестанту слишкомъ странный видъ. (Не достаетъ, чтобъ вырядили ихъ въ шубы—мѣхомъ вверхъ и заставили-бы быть кроткими, не смотря на всеобщія насмѣшки!) Для чего, опять, дѣлать лишнія издержки на перегородки въ кроватяхъ простыхъ людей (ст. 402),—не практичнѣе-ли отдѣлить ихъ, какъ у привилегированныхъ? къ чему давать имъ менѣе прочную столовую посуду? (ст. 415, 416, 417 и 418). Звать по имени, тогда какъ благородныхъ по имени и отчеству,—не практичнѣе-ли, какъ это дѣлается въ другихъ тюрьмахъ, всѣхъ звать по фамиліи? Къ чему всѣми этими пустяками, недоставляющими привилегированнымъ никакого удобства, обнаруживать слабость закона—вѣчную поблажку любимому дѣтищу, если оно даже нарушаетъ его законы, совершаетъ преступленіе.

Кромѣ несоразмѣрности нашихъ тюремныхъ

уставовъ съ ихъ уголовнымъ значеніемъ, они страдаютъ поразительною неопредѣленностію, что стушовываетъ ихъ предъ неограниченной властію начальства до того, что содаржащимся въ арестанскихъ ротахъ можетъ выпасть, благодаря мягкости начальника, жизнь болѣе сносная, чѣмъ арестованнымъ при полицейскихъ частяхъ.

Такъ, напримѣръ, работа въ одномъ только рабочемъ домѣ обусловлена урокомъ (ст. 284), съ обязанностію, впрочемъ, продолжать ее и сверхъ урока, до окончанія положенныхъ для того часовъ (ст. 289), остальные тюремные уставы перечисляютъ только въ общихъ чертахъ, на какія именно работы можно употреблять арестантовъ, предоставляя начальству безконтрольное право наказывать за лѣнь и нерадѣніе къ работѣ. Какія наказанія можно употреблять въ каждой тюрьмѣ — въ уставахъ обозначено, но въ какой мѣрѣ и за какія проступки они должны назначаться и даже что именно слѣдуетъ почитать преступнымъ — не указано. Въ одномъ уставѣ рабочаго дома перечислены проступки, подлежащіе наказанію, безъ обозначенія, опять таки, какому именно; остальные говорятъ объ нихъ въ общихъ, не опредѣленныхъ выраженіяхъ,

оставляя начальству полный произволъ признавать преступнымъ все, что таковымъ ему покажется. Уставъ с.-петербургскаго исправительнаго заведенія лучше всего можетъ показать, до какихъ крайностей можетъ быть расширено понятіе о преступности. Онъ запрещаетъ всякую игру, не исключая и шашекъ (ст. 521); запрещаетъ произносить божбу и заклинанія; укорять другъ друга (ст. 522); разсказывать о поведеніи своемъ и причинахъ отдачи въ заведеніе (ст. 523); соблазнительные разговоры, пѣсни, хохотъ и т. п. (ст. 524) и даже обыкновенные разговоры между людьми, находящимися въ разныхъ отдѣленіяхъ по поведенію (ст. 514); запрещаетъ игру на какомъ бы то ни было инструментѣ (ст. 525) и всѣ вообще рѣзвости (ст. 537). О болѣе важныхъ запрещеніяхъ уставъ ничего не говоритъ; предъидущій-же перечень запрещенныхъ дѣяній даетъ полную возможность наказывать за самые невинные промахи и даже просто за неумѣніе приноровиться къ взглядамъ начальника.

Заведеніе это считается самымъ образцовымъ между нашими тюрьмами, уставомъ котораго, какъ мы не разъ уже говорили, повелѣно руководствоваться во всѣхъ сми-

рительныхъ домахъ; инструкція смотрителямъ губернскихъ тюремъ также не болѣе какъ выписка изъ этого устава, и потому всякій добросовѣстный начальникъ другой тюрьмы будетъ спокоенъ совѣстью, доведя надзоръ за подчиненными ему арестантами до подобной крайности. Съ другой стороны, большинство неспособно дойти до такого бездушнаго педантизма и потому, весьма возможно, что осужденные за маловажныя проступки, благодаря крайности своего начальника, будутъ содержаться суровѣе болѣе важныхъ преступниковъ.

Можетъ быть, подобныя соображенія и были одной изъ причинъ, склонившихъ законодателя къ мысли объ уменьшеніи числа мѣстъ заключенія.

Въ 1866 году смирительный и рабочій дома повелѣно отнести, въ видѣ временной мѣры, впредь до преобразованія тюремной, системы, въ вѣдѣніе губернскихъ правленій съ подчиненіемъ во всемъ постановленіямъ существующимъ для губернскихъ тюремъ (ст. 267, по продолженію 1863 г., вошедшее въ продолженіе Свода Законовъ 1868 г.). Существующія для сихъ домовъ отдѣльныя узаконенія (ст. 268 — 324) отмѣнены; оста-

лось, слѣдовательно, различіе только въ названіяхъ, содержаніи въ отдѣльныхъ зданіяхъ и послѣдствіяхъ по лишенію и ограниченію правъ, какія присвоены Уложеніямъ о наказаніяхъ каждому изъ этихъ родовъ наказанія.

За тѣмъ, указомъ 14 августа 1871 г., положено окончательное соединеніе и находящихся въ С.-Петербургѣ рабочаго и смирительнаго домовъ и исправительнаго заведенія съ работнымъ при немъ домомъ съ тюрьмою на основаніи особой инструкціи, которую мы помѣстимъ здѣсь цѣликомъ, такъ какъ она не вошла еще въ сводъ законовъ.

Инструкція высочайше утвержденному попечительству надъ с.-петербургскою исправительною тюрьмою.

§ 1. Цѣль учрежденія попечительства троякая: а) организація работъ въ исправительной тюрьмѣ; б) изысканіе способовъ къ дѣйствительному достиженію исправленія арестантовъ и в) устройство правильнаго за арестантами надзора по выпускѣ ихъ изъ тюрьмы. § 2. Для организаціи работъ предостав-

ляется попечительству два способа: образованіе изъ арестантовъ рабочихъ артелей и пріемъ заказовъ на хозяйственныхъ началахъ. § 3. Попечительство принимаетъ мѣры къ тому, чтобы работы въ исправительной тюрьмѣ были устроены преимущественно на артельныхъ началахъ. Съ этою цѣлію попечительство пригласитъ для образованія артелей нѣкоторыхъ хозяевъ ремесленныхъ заведеній, войдя съ ними въ соглашеніе относительно размѣра заработанной платы по штучно, за каждую выработную вещь, или поденно, за каждаго постановленнаго въ артель рабочаго. § 4. По устройству нѣкоторыхъ артелей попечительству предоставляется войти съ ходатайствомъ о распространеніи на артельныхъ заказчиковъ правъ и преимуществъ, дарованныхъ артельнымъ попечителямъ московской исправительной тюрьмы. § 5. При каждой образуемой артели долженъ находиться мастеръ отъ заказчика, обязанный учить арестантовъ ремеслу, и надзиратель отъ тюремнаго начальства, наблюдающій за поведеніемъ арестантовъ. § 6. Всѣ деньги, поступающія за работы, получаются попечительствомъ, которое распредѣляетъ ихъ на основаніи закона и данныхъ по исправитель-

ной тюрьмѣ инструкцій. Въ случаѣ необходимости какихъ-либо перемѣнъ въ существующемъ порядкѣ распредѣленія заработанной платы, попечительство представляетъ о томъ министру внутреннихъ дѣлъ. § 7. Стремясь къ достиженію общей, предуказанной для попечительства цѣли исправленія—арестантовъ, попечительство будетъ имѣть въ виду, что главнѣйшими для того средствами представляется пріученіе ихъ къ труду, обученіе какимъ-либо спеціальностямъ, а также умственное и религіозно-нравственное ихъ развитіе. § 8. Пріучая арестантовъ къ труду, попечительство будетъ употреблять всѣ мѣры, чтобы ни одинъ изъ содержащихся въ исправительной тюрьмѣ арестантовъ не оставался праздным. Устройство при тюрьмѣ огорода и необходимость хозяйственной поддержки и сохраненія чистоты въ зданіи дадутъ въ этомъ отношеніи средство занять даже и тѣхъ изъ содержащихся, которые не будутъ принадлежать къ ремесленнымъ артелямъ. § 9. Въ дѣлѣ обученія арестантовъ попечительство будетъ распредѣлять ихъ по артелямъ, руководствуясь, по возможности, ихъ собственными склонностями и тѣми условіями, при которыхъ работа ихъ вообще можетъ быть выгод-

ною. § 10. Независимо обученія ремесламъ, попечительство изыщетъ средства къ возможно-успѣшному преподаванію арестантамъ грамоты и основныхъ началъ религіи. Для заключенныхъ на большіе сроки попечительство постарается устроить школу, въ которой арестанты пріобрѣтали-бы нѣкоторыя свѣдѣнія и изъ реальныхъ наукъ. Программа обученій въ той школѣ должна быть утверждена министромъ внутреннихъ дѣлъ. § 11. Одна изъ важнѣйшихъ обязанностей, возлагаемыхъ на попечительство, заключается въ изысканіи средствъ къ устройству быта арестантовъ по выпускѣ ихъ изъ тюрьмы. Для этого предоставляются два средства: а) снабженіе арестантовъ частію заработанныхъ ими денегъ при выпускѣ изъ тюрьмы и б) организація правильнаго надъ ними патронатства. § 12. Завѣдуя всѣмъ устройствомъ работъ въ тюрьмѣ, попечительство озаботится, что-бы заведенный порядокъ отчисленія въ пользу арестантовъ части заработковъ, по возможности, былъ для нихъ выгоденъ и служилъ-бы дѣйствительнымъ поощреніемъ къ работѣ и обученію. § 13. Употребляемымъ исключительно на хозяйственныя по тюрьмѣ работы и потому неполучающимъ заработанной платы попечи-

тельство можетъ выдавать пособія, при выпускѣ, изъ частныхъ пожертвованій или своихъ экономическихъ средствъ. § 14. Въ дѣлѣ организаціи патронатства попечительство будетъ имѣть въ виду, что первымъ элементомъ для достиженія этой цѣли представляются тѣ лица, которыя будутъ снабжать тюремныя мастерскія заказами и образовывать изъ арестантовъ рабочія артели. Знакомые съ личностью, старательностью и искусствомъ каждаго отдѣльнаго арестанта, заказчики не откажутся способнѣйшихъ и честнѣйшихъ изъ нихъ пристраивать, по выпускѣ ихъ изъ тюрьмы, къ извѣстнымъ имъ промышленнымъ заведеніямъ. § 15. Независимо заказчиковъ, попечительство изыщетъ средства къ привлеченію для достиженія богоудной и человѣколюбивой цѣли патронатства надъ освобожденными арестантами такихъ лицъ, которыя, личнымъ надзоромъ или посильными пожертвованіями, могли-бы принести въ этомъ важномъ дѣлѣ возможную пользу. § 16. С.-петербургскій комитетъ общества попечительнаго о тюрьмахъ представляетъ собою тотъ составъ лицъ, среди которыхъ попечительство можетъ найти содѣйствіе по изложенному въ предъидущемъ пунктѣ предмету. Но незави-

симо того, попечительство можетъ приступить къ организаціи самостоятельнаго общества попеченія надъ освобождаемыми арестантами. § 17. Денежныя средства, которыя откроются попечительству путемъ пожертвованій, должны быть обращаемы преимущественно на устройство такихъ заведеній, въ которыхъ люди, выпускаемые изъ тюрьмы, могли бы найти временное убѣжище и пропитаніе.

§ 18. Въ отношеніяхъ своихъ къ разнымъ лицамъ и учрежденіямъ попечительство будетъ имѣть въ виду, что административно-полицейская и карательная сторона тюремной жизни вполнѣ лежитъ на отвѣтственности начальника тюрьмы, что хозяйство вѣдается тюремнымъ комитетомъ, а судебный надзоръ принадлежитъ судебнымъ и въ особенности прокурорскимъ учрежденіямъ. Поэтому попечительство должно спеціализировать свою дѣятельность исключительно на элементѣ филантропическомъ и исправительномъ. § 19 Суммы, которыя будутъ въ полномъ распоряженіи попечительства, суть слѣдующія: а) образовавшіяся уже отъ заработанныхъ арестантами денегъ остатки (а также и впредь могущіе образоваться), подлежащіе передачѣ попечительству изъ с.-петербургскаго коми-

тета общества попечительнаго о тюрьмахъ, и б) пожертвованія, могущія поступить собственно на тѣ предметы, которые поручены заботливости попечительства. § 20. Въ расходованіи этихъ суммъ попечительство будетъ руководствоваться §§ 50—54 устава общества попечительнаго о тюрьмахъ. Книги на записку прихода и расхода попечительство получитъ отъ спб. комитета означеннаго общества. § 21. Къ 1 января 1873 года попечительство представитъ министру внутреннихъ дѣлъ подробный отчетъ о принятыхъ имъ мѣрахъ и о добытыхъ результатахъ.

Инструкція Высочайше утвержденному попечительству надъ с.-петербургскою исправительною тюрьмою вноситъ въ наше тюремное законодательство два нововведенія: 1) *образованіе изъ арестантовъ рабочихъ артелей*, значенія которыхъ, впрочемъ при всемъ готовомъ содержаніи арестантовъ, готовыхъ заказахъ и цѣнахъ на нихъ, а также храненіи и распредѣленіи заработковъ по усмотрѣнію начальства, мы положительно не понимаемъ и 2) *учрежденіе патронатства надъ освобожденными арестантами съ цѣлію устройства быта*

ихъ по выпускѣ изъ тюрьмы. Отъ практичности рѣшенія этого вопроса дѣйствительно много зависитъ будущая жизнь освобожденныхъ, такъ какъ преступленія происходятъ большею частію отъ нищеты и отчаянія, и потому нельзя не отнестись съ полнымъ сочувствіемъ къ стремленію инструкціи поддержать несчастныхъ въ самую трудную минуту ихъ жизни, когда голодъ и безнадежность будущаго въ состояніи сломить и болѣе сильную и неиспорченную натуру. Насколько, однакоже, въ силахъ способствовать этому учреждаемое инструкціею патронатство? Въ настоящее время, при неопредѣленности его средствъ и характера дѣйствій, предвидѣть трудно, и потому считаемъ удобнѣе оставить этотъ вопросъ до обнаруженія его значенія на практикѣ; при чемъ не можемъ не пожелать, чтобы убѣжище и пропитаніе, а также выдача арестантамъ, при выпускѣ изъ тюрьмы, части заработныхъ денегъ распространены были на всѣхъ безъ исключенія освобождаемыхъ, какъ это дѣлается въ арестантскихъ ротахъ и рабочемъ домѣ, но въ большихъ противъ нихъ размѣрахъ, и срокъ убѣжища и пропитанія былъ, по возможности, увеличенъ, чтобы это дѣйствительно

могло помочь освобожденному до пріисканія постоянныхъ занятій. Нельзя также не упрекнуть инструкцію за излишнюю надежду на помощь лицъ, которыя будутъ снабжать тюремныя мастерскія заказами и образовывать изъ арестантовъ рабочія артели при устройствѣ участи освобожденныхъ, потому что одного сочувствія къ осужденнымъ, которыхъ имъ все-таки не удастся узнать вполнѣ, слишкомъ недостаточно, чтобы предпочесть ихъ испытаннымъ уже мастеровымъ своихъ заведеній. Да, наконецъ, число рабочихъ въ ихъ мастерскихъ ограничено производствомъ—слѣдовательно постоянно пополняться не можетъ. А между тѣмъ, кромѣ надежды на помощь этихъ покровителей, инструкція разсчитываетъ только на заведеніе своихъ мастерскихъ, въ которыхъ выпускаемые изъ тюрьмы могли-бы найти временное убѣжище и пропитаніе; но для этаго нужны средства, и при казенномъ устройствѣ и управленіи подобныя мастерскія навѣрно будутъ стоить гораздо болѣе приносимой ими пользы. И потому средства, придуманныя пока инструкціею для устройства участи освобожденныхъ, едва-ли могутъ серьезно послужить къ осуществленію этой благородной и лучшей ис-

правительной цѣли. Во всякомъ случаѣ, начало сдѣлано, и если первые опыты выйдутъ не совсѣмъ удачными, то остается надежда на осуществленіе цѣли въ будущемъ.

Къ несчастію, при рѣшеніи другихъ вопросовъ тюремной жизни, инструкція не пошла далѣе существующихъ нынѣ тюремныхъ уставовъ и составляетъ скорѣе извлеченіе изъ нихъ, чѣмъ самостоятельный трудъ; причемъ самый выборъ отдѣльныхъ положеній сдѣланъ безъ всякой системы, такъ что одно положеніе ослабляетъ иногда значеніе другого, или, ухудшая участь осужденныхъ, не ведетъ къ ихъ исправленію. Такъ, допуская выборъ работъ, по возможности, по желанію самихъ заключенныхъ, какъ въ с.-петербургскомъ исправительномъ заведеніи (ст. 495) и тюрьмѣ (ст. 204), инструкція въ тоже время даетъ начальству право употреблять непринадлежащихъ къ ремесленнымъ артелямъ на работы въ тюремныхъ огородахъ и по хозяйству, по поддержанію и сохраненію чистоты въ зданіи, заботясь вмѣстѣ съ тѣмъ, чтобы ни одинъ изъ содержащихся не оставался праздникъ какъ то предписано наблюдать въ арестантскихъ ротахъ (1032). Такъ что, на практикѣ

недостатокъ заказовъ съ одной и воля начальства съ другой стороны могутъ устранить отъ занятія мастерствами, т. е. главной цѣли тюрьмы, такое количество осужденныхъ, что для исполненія хозяйственныхъ работъ не потребуется и десятой части ихъ; что же тогда останется дѣлать начальству, чтобы не нарушить требованія инструкціи—не оставлять ни одного празднымъ?—очевидно тоже, что дѣлается для этого въ арестантскихъ ротахъ и спб. исправительномъ заведеніи—обратить трудъ въ безцѣльное мученіе, заставляя по 200—300 разъ вымывать каждую половицу пола, или что нибудь въ этомъ родѣ. Еще въ Петербургѣ, при большемъ контролѣ и запросѣ на трудъ, результатъ не можетъ выдти слишкомъ неутѣшительнымъ, но если бы подобной инструкціи подчинить губернскія и уѣздныя тюрьмы, то смѣло можно сказать, что реформа принесетъ больше вреда, чѣмъ пользы, поселивъ навсегда отвращеніе къ труду; ибо трудъ тогда только можетъ исправить, когда онъ осмысленъ, посиленъ, приноситъ заработокъ въ настоящемъ и обѣщаетъ обезпеченіе въ будущемъ. Въ чемъ же заключаются гарантіи превосходства новой тюрьмы передъ настоящими?—въ ея надеждахъ и кра-

снорѣчивыхъ заявленіяхъ; но развѣ и другіе уставы можно упрекнуть въ недостаткѣ того и другаго? Уставъ с.-петербургскаго исправительнаго заведенія, учрежденнаго «для людей продерзостныхъ, поведеніемъ своимъ повреждающихъ добронравіе, наносящихъ стыдъ и зазоръ обществу» (ст. 325), гораздо рѣшительнѣе и опредѣленнѣе высказываетъ свои надежды: «содержаніемъ такихъ людей въ заключеніи, ограждая, въ отношеніи частномъ, спокойствіе семействъ и споспѣшествуя, въ отношеніи общемъ, къ сохраненію благочинія, исправить порученныхъ емулюдей до того чтобы возвратить ихъ полезными и самимъ себѣ, и семействамъ, и обществу (ст. 326)». И что же?—заведеніе это оказалось хуже всѣхъ другихъ тюрьмъ, что читатель могъ, вѣроятно, замѣтить изъ предыдущихъ сравненій и будетъ имѣть случай убѣдиться при дальнѣйшихъ ссылкахъ, во всякомъ случаѣ, оказалось заведеніемъ, которое законодатель счелъ полезнымъ уничтожить, соединивъ съ новою исправительною тюрьмою.

Итакъ, надежды и краснорѣчивыя заявленія, сами по себѣ, еще плохая гарантія превосходства рекомендуемаго. Но продолжимъ сравненія. Инструкція, не допуская дѣленія

арестантовъ на разряды по поведенію, вводитъ не равномѣрное вознагражденіе ихъ за трудъ, основанное въ арестантскихъ ротахъ, рабочемъ и смирительномъ домахъ на принадлежности ихъ къ тому или другому разряду по поведенію, и въ этомъ случаѣ выходитъ еще несправедливѣе означенныхъ тюремъ, такъ какъ въ новой тюрьмѣ часто можетъ случаться, что хорошій плотникъ, печникъ, столяръ, поваръ, огородникъ и тому подобные люди, употребляясь постоянно на работы по заведенію, получатъ при выходѣ изъ тюрьмы, ничтожное пособіе, зависящее отъ благоусмотрѣнія начальства, тогда какъ посредственный мастеровой, работая по заказу постоянно, будетъ получать порядочное вознагражденіе.

Даже пріученіе къ мастерствамъ, что большинствомъ, незнакомымъ съ тюремными уставами, ставится инструкціи въ особую заслугу, требуется уставами и другихъ тюремъ, а именно: арестантскихъ ротъ (1033, 1034 и 1035 ст.), с.-петербургскаго исправительнаго заведенія (ст. 477) и тюрьмы (ст. 159).

Для опредѣленія размѣра заработной и поденной платы въ новой тюрьмѣ, принятъ порядокъ рабочаго дома (ст. 281 и 292); но

только въ рабочемъ домѣ приглашаются для совѣщанія по этому предмету съ начальствомъ свѣдущіе и опытные люди ремесленнаго и торговаго званія, какъ эксперты; въ с.-петербургской же исправительной тюрьмѣ—хозяева ремесленныхъ заведеній, которые будутъ пользоваться работою арестантовъ, давая имъ заказы, то-есть люди, интересъ которыхъ заключается въ дешевизнѣ платы. Наконецъ, въ рабочемъ домѣ, при назначеніи арестантовъ на работы, предписано сообразоваться съ знаніемъ, навыкомъ и необходимыми для работъ физическими силами арестантовъ, опредѣляя уроки имъ, по высшему, среднему и низшему размѣрамъ (ст. 282). С.-пб. исправительная тюрьма, различія этого не допускаетъ, такъ что хозяева-заказчики будутъ избѣгать менѣе способныхъ работниковъ или требовать отъ нихъ не посильнаго труда.

Въ школьномъ обученіи арестантовъ инструкція также нейдетъ далѣе другихъ тюремъ, предлагая попечительству изыскать средства къ возможно успѣшному преподаванію арестантамъ грамоты и основныхъ началъ религіи. И только для арестантовъ, заключенныхъ на большіе сроки, совѣтуетъ устроить школы,

въ которыхъ они могли бы пріобрѣтать нѣкоторыя свѣдѣнія и изъ реальныхъ наукъ.

Какія именно реальныя науки и на какія средства должны преподаваться — изъ инструкціи не видно, и потому объ успѣшности преподаванія ихъ сказать пока ничего нельзя. Школы же для первоначальнаго обученія пробовали въ послѣднее десятилѣтіе заводить во всѣхъ почти тюрьмахъ, но хорошо онѣ нигдѣ не пошли и теперь существуютъ, можно сказать, только для виду, такъ какъ начальство не придаетъ имъ серьезнаго значенія, тяготясь лишнею обязанностію безплатно возиться съ арестантами. Инструкція также ничѣмъ не гарантируетъ успѣха преподаванія, и ей принадлежитъ въ этомъ дѣлѣ одна заслуга: введеніе требованія школьнаго обученія въ уставъ, тогда какъ въ прочихъ тюрьмахъ это дѣлалось по частнымъ распоряженіямъ комитетовъ. Что же касается объясненія основныхъ началъ религіи, то уставъ с.-петербургскаго исправительнаго заведенія идетъ далѣе инструкціи, полагая его обязательнымъ впродолженіе цѣлаго почти праздничнаго дня, въ видѣ поученій священника и чтенія подъ его руководствомъ священнаго писанія (ст. 455, 457 и 459). Изъ устава арес-

тантскихъ ротъ инструкціи не лишнее было бы принять къ руководству въ тюрьмѣ наставленіе объ обязанностяхъ подданнаго (ст. 1057), такъ какъ законовъ у насъ даже обучающіеся въ гимназіяхъ не знаютъ, а между тѣмъ незнаніемъ ихъ и безграмотный отговариваться не имѣетъ права.

Болѣе же всего слѣдуетъ упрекнуть инструкцію за усиленіе власти начальника тюрьмы, котораго она дѣлаетъ членомъ попечительства, предоставляя на отвѣтственность одного лишь его всю административно-полицейскую и карательную сторону тюремной жизни, тогда какъ во всѣхъ прочихъ тюрьмахъ положено за правило, что смотритель тюрьмы ни въ какомъ случаѣ не можетъ быть директоромъ комитета (ст. 40) и даже не можетъ быть приглашаемъ на совѣщаніе комитета, когда предметомъ совѣщанія будутъ неправильныя его дѣйствія (ст. 69 по продолж. 1868 г.).

Во всѣхъ тюремныхъ уставахъ наказанія усиленными мѣрами изъяты изъ непосредственной власти смотрителя: въ арестантскихъ ротахъ они допускаются съ утвержденія начальника губерніи (ст. 1075); въ рабочемъ домѣ—съ разрѣшенія попечителя, съ запис-

кою въ штрафную книгу, просматриваемую въ извѣстное время прокуроромъ (306); въ с.-петербургскомъ исправительномъ заведеніи—съ утвержденія попечителя, по представленію конторы (534), и, наконецъ, въ тюрьмѣ содержаніе въ карцерѣ—единственное, допущенное уставомъ наказаніе—опредѣляется комитетомъ или отдѣленіями, (ст. 56); слѣдовательно смотрителю не предоставлено никакой карательной власти.

Кромѣ ограниченія карательной власти смотрителя, тюремные уставы смягчили значеніе его подчиненіемъ каждаго заведенія особому директору (ст. 82) и надзоромъ за ними въ лицѣ всѣхъ прочихъ директоровъ, которые о всѣхъ своихъ замѣчаніяхъ должны доводить до свѣдѣнія тюремныхъ комитетовъ (ст. 60), и, въ случаѣ небреженія въ исполненіи обязанностей смотрителя или полицейскихъ служителей, вице-президенту комитета и отдѣленій предоставлено право сообщать мѣстному начальству для принятія мѣръ къ прекращенію безпорядковъ (ст. 62).

Ничего подобнаго, въ огражденіе арестантовъ отъ несправедливости и произвола начальника, не предвидѣла инструкція; попечительству прямо поставлено на видъ, что адми-

нистративно-полицейская и карательная сторона тюремной жизни его вѣденію не принадлежитъ. Тюремному комитету оставлена одна хозяйственная часть, по ремонту, содержанію и продовольствію тюрьмы; а судебнымъ и въ особенности прокурорскимъ учрежденіямъ только судебный надзоръ; слѣдовательно, начальникъ тюрьмы, имѣя единоличную административно-полицейскую власть надъ тюрьмою и вліяніе въ попечительствѣ по званію члена, оставленъ безъ всякаго надзора. Правда, въ инструкціи не указано, какимъ наказаніямъ начальникъ можетъ подвергать провинившихся арестантовъ; но въ виду такого рѣшительнаго сосредоточенія административно-полицейской власти въ лицѣ его одного, скорѣе можно опасаться обширности власти, чѣмъ полагать, что наказанія въ тюрьмѣ вовсе не допущены.

Еслибы начальникъ новой тюрьмы поставленъ былъ къ ней въ отношеніе попечителя, которому поручается особое наблюденіе за одной изъ тюремъ комитета или отдѣленія, то вредъ излишняго значенія его умѣрялся-бы, по крайней мѣрѣ, рѣдкими сношеніями съ тюрьмою, малою отвѣтственностью за поведеніе подчиненныхъ, способною охладить из-

лишнее рвеніе отца-командира до безпристрастія, и наконецъ, въ отношеніяхъ его къ подчиненнымъ не существовало-бы вѣчнаго повода раздора изъ-за расходованія предметовъ довольствія. Но въ новой тюрьмѣ, какъ и во всѣхъ прежнихъ, предметы содержанія арестантовъ доставляются или пріобрѣтаются подъ номинальнымъ наблюденіемъ комитета, расходуются-же смотрителемъ и другими подначальными ему лицами; слѣдовательно поводовъ къ недоразумѣніямъ и претензіямъ арестантовъ къ смотрителю, какъ расходчику, постоянно будетъ много; жаловаться-же на него некому, да и претензію трудно доказать; а начальникъ, между тѣмъ, можетъ карать строптивыхъ и нелюбимыхъ всѣми законными и незаконными мѣрами, ни мало не рискуя за это отвѣчать. Вотъ главная причина такъ-называемыхъ тюремныхъ бунтовъ и покушеній на жизнь и честь начальника, и чѣмъ власть его больше и безконтрольнѣе, тѣмъ чаще бываютъ несчастные подчиненные поставлены въ положеніе, котораго не въ состояніи ухудшить никакой рискъ. Послѣдніе дни стараго суда много разъ пытались застращать арестантовъ военнымъ судомъ и смертною казнью за бунты и оскорб-

ленія своихъ начальниковъ; заключенные въ арестанскихъ ротахъ и военныхъ тюрьмахъ и теперь еще подъ гнетомъ этого страшилища, а между тѣмъ бунты и оскорбленія начальниковъ и даже совершенно невинныхъ караульныхъ офицеровъ съ каждымъ годомъ становятся чаще и рѣшительнѣе, потому что жизнь при настоящей тюремной обстановкѣ сплошь и рядомъ дѣлается невыносимой и смерть является желаннымъ освобожденіемъ отъ этой непредвидѣнной, но и неустраненной закономъ, каторги.

Итакъ, инструкція попечительству надъ с.-петербургскою исправительною тюрьмой на первый разъ внесла въ наше тюремное законодательство одно полезное нововведеніе—устройство патронатства надъ освобожденными изъ тюрьмы; въ остальномъ, какъ мы уже говорили, повторила прежніе тюремные уставы, и такъ какъ повтореніе вышло короче и неопредѣленнѣе подлинниковъ, то, при разборѣ тюремной жизни, намъ по неволѣ придется ссылаться, кромѣ ея, и на прочіе тюремные уставы, и даже на совершенно отмѣненный уставъ рабочаго дома, ибо въ немъ подробнѣе и точнѣе другихъ опредѣлены ра-

бота, проступки арестантовъ и налагаемыя за нихъ наказанія.

Возвращаясь за тѣмъ къ стремленію нашего законодательства уменьшить число мѣстъ заключенія, впервые выразившемуся въ 1866 году, съ отнесеніемъ рабочаго и смирительнаго домовъ въ введеніе губернскаго правленія, съ подчиненіемъ уставу губернскихъ тюремъ, видимъ, что инструкція 14 августа продолжаетъ это стремленіе, соединивъ даже арестантовъ всѣхъ означенныхъ мѣстъ заключенія вмѣстѣ съ арестантами с.-петерб. исправительнаго заведенія въ одно зданіе новоисправительной тюрьмы съ однимъ общимъ начальникомъ.

Вслѣдъ за распубликованіемъ инструкціи 14 августа газеты сообщили, что на разсмотрѣніе государственнаго Совѣта въ непродолжительномъ времени имѣетъ быть внесенъ составленный при министерствѣ внутреннихъ дѣлъ проэктъ исправительныхъ тюремъ съ отдѣльными камерами для помѣщенія арестантовъ на ночь,—проэктъ, имѣющій въ виду замѣнить означенными тюрьмами заключеніе въ рабочемъ и смирительномъ домахъ, тюрьмахъ и даже въ арестанскихъ ротахъ, такъ что, если слухъ этотъ оправдается, то

взамѣнъ всѣхъ нынѣ существующихъ исправительныхъ тюремъ останутся только двѣ: проэктируемая исправительная тюрьма и открытыя указомъ 1866 года мѣста заключенія по приговорамъ мировыхъ судей и ихъ съѣздовъ.

До сихъ поръ мы ничего не говорили объ этихъ мѣстахъ заключенія, во 1-хъ, потому, что инструкція ихъ очень немногимъ разнится отъ устава губернскихъ тюремъ, и, во 2-хъ потому, что думаемъ наказанію этому посвятить, отдѣльную главу.

О содержащихся при полиціи не говорили потому, что они также во всемъ подчиняются инструкціи для губернскихъ тюремъ; а заключенные въ крѣпости содержатся согласно особыхъ инструкцій для каждой крѣпости, что уже относится къ вопросу о военныхъ тюрьмахъ.

ПРОЕКТЪ

Высочайше утвержденной 1-го февраля 1872 года Коммисіи для составленія общаго систематическаго проекта о тюремномъ въ государствѣ преобразованіи.

1-го февраля 1872 года учреждена была особая коммисія для составленія общаго систематическаго проекта о тюремномъ въ государствѣ преобразованіи, подъ предсѣдательствомъ тайнаго совѣтника графа Соллогуба, коей вмѣнено въ обязанность окончить возлагаемый на нея трудъ въ теченіе одного года. 15 апрѣля 1872 года коммисія напечатала проектъ основныхъ положеній тюремнаго преобразованія. Проектъ раздѣляетъ мѣста заключенія на предварительныя и исполнительныя, опредѣляя существенное различіе въ порядкѣ содержанія подслѣдственныхъ и подсудимыхъ арестантовъ отъ преступниковъ, приговоренныхъ судомъ къ наказанію.

Мѣста исполнительнаго заключенія коммисія предположила подраздѣлить, по срокамъ содержанія въ нихъ, на 1) краткосрочныя

2) среднесрочныя и долгосрочныя (§ 5*).— Срокъ содержанія въ тюрьмѣ можно считать вполнѣ пропорціональнымъ виновности осужденнаго и важности совершеннаго имъ преступленія только при совершенно одинаковомъ устройствѣ тюремъ. Отягченія участи осужденнаго, вводимыя при высшихъ срокахъ заключенія, не нарушаютъ пропорціональности наказанія, если служатъ добавленіемъ къ нему, оставляя остальныя условія жизни высшей и низшей тюрьмы одинаковыми; при другихъ условіяхъ—срокъ заключенія будетъ имѣть въ наказаніи значеніе болѣе чѣмъ второстепенное, какъ это было до сихъ поръ въ существующихъ тюрьмахъ, гдѣ вслѣдствіе различія началъ, принятыхъ отдѣльными Уставами, самое высшее изъ наказаній—каторжная работа—выходило болѣе легкимъ, чѣмъ арестанскія роты и с.-петербургское исправительное заведеніе, такъ что, по свидѣтельству самой коммисіи, «совершившіе менѣе тяжкія преступленія и заключенныя въ

*) §, поставленный передъ цифрою, означаетъ параграфъ проекта коммисіи графа Соллогуба, стр. слѣдующія за цифрою—страница разъясненій коммисіи; статьи безъ указанія части Свода Законовъ взяты изъ XIV т. Уст. о содержащихся подъ стражею.

исправительныя арестантскія отдѣленія готовы увеличить свою виновность новымъ преступленіемъ, болѣе тяжкимъ, лишь-бы избавиться отъ наказанія исправительнаго и подвергнуться уголовному» (стр. 5 и 6). Этой ошибки существующихъ тюремныхъ Уставовъ коммисія не только не исправила, но еще усилила принятіемъ трехъ различныхъ цѣлей наказанія: 1) внушеніяи усмиренія для краткосрочныхъ, 2) исправленія-среднесрочныхъ и 3) удаленія изъ среды, въ которой жилъ преступникъ, съ подготовленіемъ для жизни на поселеніи, для долгосрочныхъ тюремъ. Различныя цѣли наказанія, какъ и слѣдовало ожидать, создали три своеобразныя системы не имѣющія между собою связи и послѣдовательности и потому не составляющія степеней одного общаго наказанія. Равномѣрность ихъ вышла противуположною виновности; въ самой низшей степени наказанія—въ смирительныхъ домахъ принята система полнаго разобщенія заключенныхъ, въ исправительныхъ — ночнаго разъединенія въ общихъ залахъ (§ 40) и въ каторжныхъ тюрьмахъ — поголовное заключеніе (§ 101) при одинаково обязательной урочной работѣ. — Предварительное одиночное заключеніе предлагается коммисіею и для

исправительныхъ домовъ (§ 57), съ оговоркою въ примѣчаніи, что оно во всякомъ случаѣ не должно быть слишкомъ продолжительнымъ и для каторжныхъ тюремъ отъ двухъ недѣль до мѣсяца (§ 107) съ освобожденіемъ въ обоихъ заведеніяхъ подвергнутыхъ одиночному заключенію отъ обязательныхъ работъ, тогда какъ въ смирительныхъ домахъ опредѣлено одиночное заключеніе съ обязательною работою во все время заключенія, срокъ котораго можетъ продолжиться до 1 года и 4 мѣсяцевъ, т. е. четырьмя мѣсяцами долѣе низшаго срока (годоваго) исправительнаго дома (§ 45).

Правда, работа опредѣлена въ различныхъ размѣрахъ: въ смирительномъ домѣ въ продолженіи восьми (§ 70), исправительномъ десяти §§) 79, 80, 81) и каторжной тюрьмѣ въ зимнее время десяти и лѣтнее — двѣнадцати часовъ (§ 119), но увеличеніе числа рабочихъ часовъ для болѣе важныхъ преступниковъ, вслѣдствіе характера работъ, не только не ухудшило ихъ положеніе въ сравненіи съ маловажными; но скорѣе и въ этомъ оставило преимущества на ихъ сторонѣ, такъ какъ въ каторжныхъ тюрьмахъ положено производить работы за оградою тюрьмы, въ исправительныхъ до-

махъ—въ общихъ мастерскихъ, и въ смирительныхъ въ келіяхъ, заключающихъ въ себѣ maximum 15 кв. арш. пространства (§ 72).

Сама коммисія признала врѣдъ и жестокость одиночнаго заключенія, повторивъ выводы опыта, что «Пенсильванское затворничество возбудило безчисленные случаи самоубійствъ, умопомѣшательствъ и притворнаго смиренія. Оборнское молчаніе, въ свою очередь, обратилось въ поводъ постоянныхъ возмущеній и ослушаній, принудившихъ къ принятію мѣръ не только строгихъ, но и жестокихъ. Дисциплина, говоритъ коммисія, вынуждавшая отъ человѣка то, что внѣ условій человѣческой природы, возвращалась къ началамъ мстительности, которыхъ прежде всего хотѣла избѣгнуть (стр. 25 и 26) и, не смотря на подобные выводы, коммисія все-таки приняла, и главнымъ образомъ для менѣе важныхъ преступниковъ одиночное заключеніе, вѣроятно, въ видахъ осуществленія главной цѣли ихъ наказанія — усмиренія. Цѣль эта не вполнѣ практична: при усмиреніи думаютъ болѣе объ устрашеніи, чѣмъ исправленіи, и потому смиряютъ только временно, раздражая и ожесточая, быть можетъ, навсегда, что особенно не практично въ виду

того соображенія, что ни одно страшилище не въ силахъ пугать вѣчно. Наша народная пословица: «Не такъ страшенъ чертъ, какъ его малютъ» — заставляетъ серьезно опасаться, что для перенесшаго разъ единочное заключеніе этотъ ужасный склепъ можетъ обратиться не болѣе, какъ въ отдѣльную казенную квартиру; а если послѣ смирительнаго ему придется побывать въ исправительномъ домѣ, то развѣ онъ не правъ будетъ по своему, совѣтуя новичку начать прямо съ грабежа или убійства, какъ дѣяній, наказуемыхъ легче кражи и мошеничества? Если бы комисія опредѣлила для высшихъ тюремъ, какія либо ухудшенія, не приняты въ низшихъ, вопросъ о ихъ строгости остался бы еще спорнымъ; но различія допущены только въ силу главныхъ, указанныхъ выше, особенностей жизни; содержаніе же, дисциплина, право на свиданіе съ родными, наконецъ наказанія приняты во всѣхъ тюрьмахъ одинаковыя. Въ каторжныхъ тюрьмахъ допущены только, не принятыя въ остальныхъ, тѣлесное наказаніе и заковываніе въ кандалы; но, не думаемъ, чтобы, при карцерѣ, имѣющемъ видъ сухаго колодца это было серьезнымъ ухудшеніемъ.

ГЛАВА II.

Раздѣленіе тюремнаго заключенія на роды.

Въ законодательствѣ нашемъ, какъ мы видѣли изъ первой главы выразилось послѣднее время стремленіе къ соединенію всѣхъ существующихъ мѣстъ заключенія въ одно; между тѣмъ въ наукѣ уголовнаго права придается важное значеніе подраздѣленію этого наказанія на нѣсколько видовъ. Спасовичъ, на примѣръ, въ своемъ уголовномъ правѣ (на стр. 271) говоритъ: «какъ въ медицинѣ нѣтъ исцѣляющихъ всѣ болѣзни лекарствъ, такъ и въ наукѣ уголовнаго права нѣтъ системы наказанія, которая непременно бы шла ко всевозможнымъ преступленіямъ. Чѣмъ однообразнѣе средство, тѣмъ менѣе можно ждать отъ него хорошаго». Мнѣніе это слишкомъ вѣско, чтобы пройти его при рѣшеніи вопроса объ устройствѣ мѣстъ заключенія. Но на чемъ можно практично основать раздѣленіе этого наказанія на различные роды, такъ чтобы каждый изъ нихъ одинаково поражалъ преступниковъ одной категоріи?— Разсмотримъ, для разрѣшенія этого вопроса, всѣ виды ухудшеній, которыми пытались

уставы отличать одно мѣсто заключенія отъ другаго, и начнемъ съ рекомендуемаго комисіею одиночнаго заключенія, принятаго у насъ пока только въ военномъ и морскомъ вѣдомствахъ и допущеннаго тюремными уставами, какъ мѣра дисциплинарная.

Одиночное заключеніе въ просторныхъ камерахъ, соотвѣтствующихъ гигіеническимъ требованіямъ, обошлось бы обществу слишкомъ дорого; продолжительное же содержаніе преступниковъ въ тѣсныхъ и темныхъ кельяхъ на столько гибельно дѣйствуетъ на организмъ заключеннаго, что равносильно медленному и самому ужасному убійству. Видъ жертвы, выпущенной даже черезъ нѣсколько мѣсяцевъ изъ этого могильнаго склепа, произвелъ бы въ обществѣ, подобномъ нашему ужасъ и негодованіе. Народъ до сихъ поръ не можетъ простить извергу рода человѣческаго, — Салтычихѣ, подобныхъ замуровываній живыхъ людей, не смотря на ея трагическій конецъ. Честныхъ людей возмущаетъ даже видъ лютаго звѣря въ клѣткѣ открытой вполнѣ для протока свѣжаго воздуха; а вѣдь звѣрь этотъ истребилъ, быть можетъ, не одного человѣка. Филантропическія общества стараются уничтожить всякую не ведущую

къ цѣли жестокость даже на бойняхъ. Для самихъ себя только выдумываютъ люди ужасныя пытки, облагораживая ихъ какими то нравственными требованіями. Если увлекались да и въ настоящее время увлекаются, подобнымъ наказаніемъ честные и великіе умы, такъ это изъ страха предъ растлѣвающимъ вліяніемъ тюремъ съ общимъ помѣщеніемъ—люди, увлекающіеся одной только психической стороною и забывающіе о физической природѣ человѣка, — люди, живущіе, наконецъ, при исключительныхъ условіяхъ, для которыхъ постоянныя умственныя занятія дѣлаютъ жизнь и на свободѣ почти одинокой. Такой человѣкъ, и отдѣленный отъ другихъ, остается съ цѣлымъ міромъ своихъ идеаловъ и умозрѣній. Для него одиночество будетъ благодѣяніемъ предъ необходимостью жить въ одной средѣ съ праздными и развращенными преступниками, и если келья его заключенія будетъ сносна въ гигіеническомъ отношеніи, то наказаніе вызоветъ у него развѣ стыдъ, но отнюдь не стѣсненіе или лишеніе. Но что будетъ съ большинствомъ не способнымъ ни творить, ни читать и даже продолжительно мечтать? Заключите такого человѣка хоть даже въ комфортабель-

ную одиночную келью—и онъ погибнетъ безъ обмѣна своихъ обыденныхъ чувствъ и впечатлѣній; большинство подобныхъ людей не выносятъ темноты и одиночества, дѣлаются нервными и трусливыми, ждутъ чего-то не обыкновеннаго и, ненаходя ни въ самомъ себѣ, ни со стороны никакой поддержки, нерѣдко теряютъ разсудокъ или рѣшаются на самоубійство. Человѣкъ—существо общежительное. Къ чему же насиловать природу искусственнымъ одичаніемъ его? Практично ли это, хотя бы даже въ виду одного того, что послѣ заключенiи онъ опять долженъ жить въ обществѣ людей?

Во Франціи, не смотря на неоднократныя попытки правителей, одиночное заключеніе не привилось и по настоящее время не существуетъ. Въ Англіи убѣдились, что оно не можетъ способствовать исправленію; въ указѣ королевы изъ тайнаго совѣта 22 мая 1840 г. объ измѣненіи устава о ссыльныхъ высказана между прочимъ, мысль, что въ основаніи заключенія должно лежать не исправленіе преступника, которое и недостижимо во многихъ случаяхъ и не можетъ быть узнано по внѣшнимъ признакамъ а только нравственная подготовка ссыльныхъ къ новой

жизни въ колоніяхъ и испытаніе ихъ въ томъ, способны ли они къ этой жизни или нѣтъ. Годовое или полугодовое одиночное заключеніе оставлено въ видѣ испытанія и какъ доказательство, что преступная воля, взятая въ тиски, подчиняется требованію общественнаго порядка, такъ что преступникъ, безъ вреда для общества, можетъ быть опять введенъ въ его среду на новой почвѣ, при совершенно другой обстановкѣ, не имѣющей ничего общаго съ его порочнымъ прошедшимъ. Вотъ къ какимъ грустнымъ выводамъ привели почти столѣтніе опыты одиночнаго заключенія въ практичной Англіи, потеряна вѣра въ возможность исправленія преступника, и за клѣткой его полу и годоваго заключенія признано значеніе лишь тисковъ для преступной воли. Годится ли подобное наказательное средство для законодательства, поставившаго, подобно нашему, главною цѣлію наказанія исправленіе осужденнаго.

Размѣръ статьи не позволяетъ развить подробнѣе этотъ вопросъ и потому ограничусь общимъ выводомъ: одиночныя тюрьмы дороги, несовмѣстны съ общежительной природой человѣка и до того неравномѣрно дѣйствуютъ,

что для одного будутъ величайшимъ облегченіемъ предъ необходимостію жить вмѣстѣ съ развращенными товарищами, а другаго, наоборотъ, уединеніе можетъ довести до отчаянія, сумасшествія и даже самоубійства.

Болѣе или менѣе суровое обращеніе, ограниченія въ пищѣ и одеждѣ такъ-же не равномѣрны, какъ не одинакова жизнь преступниковъ до заключенія. Запрещеніе видѣться съ родными, или ограниченіе этого права, ослабляя родственныя отношенія, служитъ препятствіемъ къ осуществленію надежды законодателя «возвратить преступника полезнымъ семьѣ». Наконецъ, ограниченіе это и не для всѣхъ можетъ быть стѣсненіемъ, такъ какъ многіе вовсе не имѣютъ родныхъ или не посѣщаются ими; для иныхъ запрещеніе это будетъ высшимъ несчастіемъ, лишая ихъ матеріальной и нравственной поддержки; другихъ, напротивъ, избавитъ отъ непріятности выслушивать жалобы и упреки, для третьихъ безразлично.—Запрещеніе прогулки пагубно дѣйствуетъ на здоровье и при томъ на одного болѣе, другого менѣе сильно. Продолжительное молчаніе отъучая говорить, парализируетъ лучшую способность человѣка — даръ слова, и въ тоже время для человѣка молча-

ливаго и сосредоточеннаго отъ природы составляетъ незначительное ограниченіе; для большинства же выходитъ такимъ ужаснымъ мученіемъ, выносить которое, какъ доказалъ опытъ, они не въ силахъ даже подъ угрозою плети. Наконецъ и самый позоръ тюремной обстановки одного убиваетъ болѣе всѣхъ матеріальныхъ неудобствъ и лишеній, на другого не производитъ никакого впечатлѣнія, а третьему доставляетъ даже удовольствіе разыгрывать роль героя, вызывая страхъ и удивленіе робкихъ, или несчастненькаго, выпрашивая тѣмъ подаянія сердобольныхъ.

Словомъ, насколько люди не похожи другъ на друга по характеру и образу предшествовавшей жизни, настолько различно дѣйствуютъ на нихъ виды всевозможныхъ лишеній и ограниченій. Ни судъ, ни тюремное начальство не въ состояніи вполнѣ изучить особенности каждаго настолько, чтобы сдѣлать наказаніе это равномѣрнымъ, и ошибками своими могутъ еще болѣе озлобить и развратить преступника. Одно только лишеніе свободы можно считать, по крайней мѣрѣ, лишеніемъ для каждаго, такъ какъ даръ этотъ присущъ каждому человѣку, не смотря на его общественное положеніе, и потому чѣмъ

Уставъ менѣе будетъ содержать въ себѣ всевозможныхъ притѣсненій, не вытекающихъ непосредственно изъ лишенія свободы въ самомъ тѣсномъ смыслѣ этого понятія, тѣмъ будетъ онъ справедливѣе и вѣрнѣе достигнетъ цѣли смягченія и исправленія преступниковъ. Онъ будетъ и характеристичнѣе и равномѣрнѣе въ примѣненіи къ осужденнымъ, мѣру вины которыхъ судъ имѣетъ возможность оцѣнить срокомъ заключенія.

Принудительная работа, какъ и разсмотрѣнныя нами ухудшенія, не составляетъ необходимой принадлежности тюремнаго заключенія; но, благоразумно направленная, она можетъ дать тюрьмѣ хорошій доходъ, пріучить арестантовъ къ труду и дать въ будущемъ надежное средство къ существованію. Наоборотъ, работа тяжкая, ничему не научающая, не могущая обезпечить въ будущемъ и особенно безцѣльная и мучительная, озлобляетъ и можетъ поселить въ осужденныхъ на нее навсегда отвращеніе къ труду и честнымъ занятіямъ.

Какъ бы разнообразны ни были принятыя въ извѣстномъ тюремномъ заведеніи работы, все-таки найдется много осужденныхъ, которымъ придется учиться, чтобы можно было

впослѣдствіи жить этой работой. Если срокъ заключенія достаточенъ для полнаго изученія какого либо мастерства, работа обезпечена въ будущемъ сбытомъ, то всякій примется за обученіе съ благодарностію и надеждой. Даже люди не привычные къ работѣ или считавшіе ее прежде неподходящимъ для себя занятіемъ только первое время будутъ роптать на принудительность работы; когда же она пойдетъ у нихъ на ладъ, то и они навѣрно помирятся съ мыслію пріобрѣсти лишнее средство къ добыванію насущнаго хлѣба.

Съ другой стороны, обративъ чиновника на два, на три мѣсяца въ мастероваго, мастерству его не выучишь, а между тѣмъ возбудишь этимъ въ немъ справедливый ропотъ и отягчишь участь его болѣе тѣхъ, кто привыкъ ранѣе къ работѣ. Всѣхъ исключеній въ этомъ родѣ никакой составитель устава предвидѣть не можетъ; допустить же въ тюрьмѣ обязательность работы только для лицъ не привилегированныхъ или раздѣлить ее, по примѣру с.-петербургскаго исправительнаго заведенія, на приличествующую чиновнымъ и людямъ простаго званія—значитъ допустить неравенство передъ закономъ для провинившихся въ одномъ и томъ же пре-

ступленіи и признанныхъ судомъ виновными въ одинаковой мѣрѣ, узаконивъ такимъ образомъ безнравственный предразсудокъ о черноте и постыдности труда. Устранить подобныя затрудненія удобнѣе всего подраздѣленіемъ тюремнаго заключенія на два рода: 1) съ обязательною работою и 2) безъ нея, съ правомъ трудиться по желанію и въ свою пользу. Въ основу дѣленія практичнѣе всего принять срокъ, въ какой можетъ менѣе способный выучиться самому трудному мастерству. Если срокъ этотъ довести до годоваго, или года и 4 мѣсяцевъ, принятаго коммисіею для смирительныхъ домовъ, то онъ совпалъ бы съ настоящимъ заключеніемъ въ тюрьмѣ, то есть съ наказаніемъ, не влекущимъ за собою лишенія или ограниченія правъ, по состоянію или званію принадлежавшихъ осужденному до наказанія; тогда бы и вопросъ о привилегіяхъ устранился самъ собою, да и, кромѣ того, небыло бы надобности устраивать особыя отдѣленія въ смирительныхъ домахъ для лицъ, приговоренныхъ къ содержанію въ арестныхъ домахъ (§ 66), или особыя для нихъ мѣста заключенія. Слѣдуя этому выводу, пришлось бы смирительные дома обратить въ тюрьмы безъ обязятельной работы, что, впрочемъ, въ смы-

слѣ дохода съ нихъ не составило бы никакой разницы, такъ какъ они признаны коммисіею тюрьмами непроизводительными (§ 145). Признать же за работою значеніе наказанія, какъ это дѣлаетъ коммисія (прим. § 41), значило бы подорвать ея нравственно-исправительное значеніе, сдѣлать ненавистною и по выходѣ изъ тюрьмы—потому что, кто же добровольно станетъ продолжать наказаніе? — и, наконецъ, трудно было бы согласовать подобное значеніе съ воспитательнымъ (прим. § 41). При старомъ взглядѣ на воспитаніе это было бы понятно: тогда «за битаго 10 небитыхъ давали»—въ настоящее же время надъ подобными соображеніями едва ли удобно и останавливаться. Мы думаемъ, что избѣжать подобныхъ противорѣчій возможно только строгимъ разграниченіемъ различныхъ цѣлей тюрьмы судъ опредѣляетъ преступнику наказаніе, которое должно заключаться только въ лишеніи свободы въ самомъ тѣсномъ смыслѣ этого слова. Тюрьма, исполняя въ точности опредѣленіе суда, должна видѣть въ преступникѣ человѣка, котораго нужно исправить до возможности продолжать честную жизнь по выходѣ на свободу; съ этою цѣлію она занимается его воспитаніемъ, безъ всякой задней

мысли, какъ-бы воспитаніемъ неразвитаго, незнающаго и, пожалуй, слабаго волею, человѣка (объ этомъ, впрочемъ мы поговоримъ впослѣдствіи подробнѣе), и, наконецъ, тюрьма должна позаботиться обезспечить его настолько, чтобы по выходѣ на свободу онъ могъ начать честную жизнь, и съ этою цѣлію должна пріучать порученныхъ ей къ работѣ, какъ самому надежному средству добыванія хлѣба, убѣдивъ въ возможности этого выгоднымъ заработкомъ въ тюрьмѣ. Все, это, думаемъ, имѣла въ виду и коммисія, и только смѣшеніе не совсѣмъ совмѣстимыхъ цѣлей въ одну съ излишнимъ преобладаніемъ карательнаго начала, помѣшало ей достигнуть желаемыхъ результатовъ. Такъ коммисія не разъ высказывала, «что работа должна быть доходною не только для тюрьмы, но и для самихъ заключенныхъ» (прим. § 41), что «исправленіе арестантовъ достигается тѣмъ, что въ нихъ возбуждается охота къ труду посредствомъ надежды на будущее обезпеченіе заработанными въ тюрьмѣ деньгами» (прим. § 80). Наконецъ, важность заработка она доводитъ до того, что» переходъ въ разрядъ исправляющихся въ каторжной тюрьмѣ (безъ чего они непереводятся въ колонію, оставаясь на весь

срокъ въ тюрьмѣ § 136) допускаетъ только тогда, когда заработокъ каторжника достигнетъ извѣстной суммы, «такъ какъ одно хорошее поведеніе, по мнѣнію коммисіи, служитъ только отрицательнымъ доказательствомъ исправленія» (прим. § 105). Несмотря на подобные выходы, комисія такъ неблагопріятно обставила заработокъ, что онъ серьозно возможенъ только въ смирительномъ домѣ, и то въ размѣрѣ $^1/_3$ задѣльной платы за обязательную (§ 70) и полный сверхъ 8 часовой обязателвной работы (§ 74), то есть въ томъ же размѣрѣ, какъ то назначено для арестантовъ разряда исправляющихся въ арестанскихъ ротахъ (1,064) и рабочаго дома (289) и менѣе исправляющихся каторжной работы, гдѣ положено выдавать: холостымъ $^1/_4$, женатымъ $^1/_2$ и выстроившимъ свои дома $^3/_4$ заработка (578 уст. о ссылк.) и всѣхъ безъисключенія арестантовъ тюрьмы, которымъ опредѣлено выдавать полный заработокъ (160).

Въ исправительныхъ домахъ коммисія раздѣлила работы на *черныя* (домашнія), *сѣрыя* (легкія, механическія, не требующія особой подготовки; трепаніе пеньки, выдѣлка мочалокъ, метелъ, гильзъ, корзинъ и т. п.) *и бѣлыя* (различныя мастерства). Бѣлыми дозво-

лено заниматься въ продолженіи 8 часовъ изъявившему на то желаніе, съ тѣмъ чтобы остальные 2 часа онъ исполнялъ черныя работы; сѣрыми—по преимуществу слабымъ и устарѣлымъ, не имѣющимъ въ виду будущности, въ продолженіи 6 часовъ, съ обязанностію остальные 4 исполнять черныя работы, и остальные всѣ обязаны заниматься черными работами, при чемъ бѣлыя и черныя работы должны исполняться безплатно, исключая тѣхъ, кто изъ занимающихся бѣлою работою будетъ признанъ заказчикомъ тѣхъ работъ мастеромъ (по всей вѣроятности, очень не многіе, потому что подобное признаніе потребуетъ лишней платы со стороны признавшаго), такъ что въ исправительномъ домѣ вполнѣ оплачиваемою можно считать лишь сѣрую работу въ количествѣ 2 рабочихъ часовъ, то-есть $^1/_3$ часть 6 рабочихъ часовъ (обезпеченіе людей, не имѣющихъ въ виду будущности) и работу знавшихъ до поступленія въ тюрьму какое либо мастерство въ размѣрѣ $^1/_2$ восьми часовой заработной платы (§§ 79, 80, 81, 82 и 83).

Въ каторжной тюрьмѣ (гдѣ, какъ мы говорили, нельзя быть переведеннымъ безъ извѣстнаго заработка въ рязрядъ исправляю-

щихся и въ колонію) плата опредѣлена только за льготныя (старательскія) работы (§ 123), каковыя имъ дозволяются производить по выполненіи урочной работы—10-часовой въ зимнее и 12 въ лѣтнее время. Невозможность подобной работы, не говоря уже о непосильности ея, очевидна изъ распредѣленія времени. Такъ, если къ 12-часовой работѣ прибавить 7 часовъ сна, часъ на вставаніе и отходъ ко сну и 3 на обѣдъ, ужинъ и ходьбу на работу и съ нея, около 10 верстъ въ оба конца, то останется всего одинъ часъ въ сутки. Какой хозяинъ согласится продолжать работу на часъ для нѣсколькихъ несчастныхъ, которые рѣшились бы надрываться 13-й часъ въ сутки надъ каторжной работой, чтобы сколотить необходимую для перевода въ разрядъ исправляющихся сумму денегъ».

Итакъ, одна изъ главныхъ задачъ коммисіи—обезпеченіе арестантовъ заработкомъ—останется неисполнимою.

О доходахъ самой тюрьмы судить невозможно, такъ какъ коммисія не указала опредѣленно даже производствъ ея, хотя и пришла къ заключенію, что «къ издерживаемымъ нынѣ 8 мил. (съ средствами комитетовъ и частными пожертвованіями) не только не предвидится

прибавлять, но представляется возможность воспользоваться даже остатками и сбереженіями» (прим. § 144), но надеждъ этихъ, къ несчастію, ничѣмъ не подкрѣпила; напротивъ—указанный ею опытъ, произведенный въ одной среднесрочной и одной краткосрочной тюрьмахъ (въ Москвѣ), гдѣ въ продолженіе 6 лѣтъ образовался капиталъ въ 60,000 руб. сер. (прим. § 13), заставляетъ серьозно сомнѣваться въ доходности проектируемыхъ тюремъ, потому что если въ Москвѣ, фабричномъ, ремесленномъ и торговомъ центрѣ, государства, двѣ тюрьмы (приблизительно, человѣкъ въ 400 въ обѣихъ), при всемъ казенномъ содержаніи, дали въ 6 лѣтъ только 60 т. руб., то-есть по 20—25 р. въ годъ на арестанта, то чего можно ожидать отъ тюремъ въ губернскихъ городахъ, гдѣ едва могутъ существовать по нѣскольку частныхъ мастеркихъ? Между тѣмъ осуществленіе проекта-коммисіи, не смотря на ея убѣжденіе, что «если бы состояніе государственныхъ финансовъ и дозволило большія правительственныя затраты, то и въ такомъ случаѣ затраты эти были бы нежелательны, потому что преступникъ, принесшій уже вредъ своимъ преступленіемъ не долженъ быть еще источникомъ дру-

таго вреда и отягощать своимъ содержаніемъ государственное хозяйство» (прим. § 142) все-таки требуетъ по меньшей мѣрѣ 25 м. р. а именно: передѣлка съ извѣстными приспособленіями 53,400 помѣщеній для непроизводительныхъ губернскихъ тюремъ 10 мил. и 15,000 помѣщеній для центральныхъ производительныхъ тюремъ 7.500,000 р. (прим. § 145), да милліоновъ 8—9 для устройства мастерскихъ, заведенія машинъ, инструментовъ и проч. Впрочемъ, коммисія утѣшаетъ, что это можно сдѣлать въ 10 лѣтъ; для частнаго человѣка, у котораго дѣла не въ порядкѣ, и это недурно.

ГЛАВА III.

Тюрьмы съ обязательной работой.

Расходы на устройство и содержаніе тюремъ во всѣхъ современныхъ европейскихъ государствахъ составляетъ весьма солидарную цифру и все-таки по всюду раздаются голоса за улучшеніе участи заключенныхъ даже въ матеріальномъ отношеніи; слѣдовательно желанными тюрьмами будутъ тѣ, которыя при

лучшемъ устройствѣ быта арестантовъ, будутъ дешевле стоить государству. Матеріальное улучшеніе безъ затратъ болѣе всего зависитъ отъ прибыльности и хорошаго сбыта тюремныхъ производствъ. Чѣмъ болѣе тюрьма въ состояніи будетъ извлекать изъ собственныхъ трудовъ, средствъ для ремонтированія, отопленія, и даже постройки зданій. Чѣмъ менѣе будетъ нуждаться въ покупкахъ на свое содержаніе, чѣмъ вѣрнѣе и дороже будетъ сбывать излишки, тѣмъ дешевле будетъ стоить государству, которому эти предметы обходятся дорого; между тѣмъ, работы арестантовъ, вслѣдствіи непрактичнаго выбора и избытка предложенія передъ спросомъ, продаются почти за ничто. Когда же тюрьма будетъ производить большую часть предметовъ для своего потребленія, количество предложеній на продажу уменьшится и вмѣстѣ съ этимъ облегчится сбытъ и возвысится цѣнность ихъ.

Посмотримъ насколько удовлетворяютъ этому выводу работы, принятыя въ настоящее время въ нашихъ тюрьмахъ. Присужденныхъ къ содержанію въ арестанскихъ ротахъ опредѣлено употреблять на городскія и всякія другія работы (ст. 45 Улож. о нак.) преимущественно въ тѣхъ городахъ, въ которыхъ учреждены ро-

ты, и при недостаткѣ такихъ работъ или особенной надобности дозволено, съ разрѣшенія начальника губерніи, употреблять и на другія, работы внѣгорода, если для сего не требуется переводить роту далѣе 10-верстнаго разстоянія. Къ работамъ арестантовъ отнесены также содержаніе въ порядкѣ занимаемаго ротою зданія, отправленіе необходимой хозяйственной службы, обработываніе ротныхъ огородовъ, а гдѣ представится возможность и занятіе мастерствами по частнымъ заказамъ, причемъ строго запрещено употреблять ихъ къ письменнымъ дѣламъ (ст. 1,031). Поденная плата за работы арестантовъ устанавливается ежегодно строительною коммисіею или тюремнымъ комитетомъ съ утвержденія начальника губерніи и пониженіемъ мѣстной цѣны обыкновеннаго рабочаго дня на 30—40% (ст. 1,014), при чемъ на строительную коммисію, или комитетъ, возложено попеченіе о безпрерывномъ занятіи арестантовъ работами (ст. 1,032).

И такъ, работа арестантовъ вдвое почти дешевле обыкновеннаго заработка, не достаточнаго часто и въ цѣломъ на скудное содержаніе рабочаго, а тутъ изъ него нужно расчитывать, кромѣ содержанія самихъ арестан-

товъ, еще на содержаніе конвоя, начальства и служителей и поддержку тюремныхъ зданій; она случайна и измѣнчива, что не дозволяетъ арестантамъ ни чему научиться, слишкомъ ограничена мѣстомъ производства, что, при попеченіи о безпрерывности, дѣлаетъ ее часто безцѣльною, заставляя города и земства платить за совершенно ненужную работу. Сплошь и рядомъ, чтобы занимать арестантовъ какою-бы то ни было работою, придумываютъ росчиску никому не нужнаго мѣста, устройство спуска съ горы, съ которой не кому и не для чего спускаться, собираніе по улицамъ въ кучи снѣгу, котораго никто не свозитъ и проч. въ этомъ родѣ, что пріучаетъ арестантовъ смотрѣть на трудъ, какъ ни къ чему не ведущее мученіе, и при томъ мученіе, достающееся не всѣмъ въ одинаковой мѣрѣ, такъ какъ вполнѣ отъ усмотрѣнія начальства зависитъ назначать одного постоянно для уборки камеръ, въ лазаретъ, на кухню, въ услуженіе, а другого—гранить мостовую, устраивать административные спуски въ овраги и т. п. Легко можетъ случиться, что 17-лѣтняго неразвитаго ребенка, отданнаго обществомъ за одну дѣтскую распущенность, будутъ употреблять на самыя тяжкія работы а

здоровеннаго 30-лѣтняго дѣтину «со взглядомъ, въ душѣ начальника теплоту производящимъ» на уходъ за больными или что нибудь въ этомъ родѣ, — ибо въ основаніе распредѣленія работъ принято въ ротѣ такое скользкое начало: «заслуги по поведенію и успѣхи» (1035 ст.), которое не можетъ подлежать ни какому контролю. Даже слабость силъ (ст. 1035 же), послѣ освидѣтельствованія въ рекрутскомъ присутствіи при поступленіи въ роту (ст. 1008), серьезно можетъ относиться развѣ къ выздоравливающимъ, въ большинствѣ-же случаевъ опять-таки будетъ дѣломъ ничѣмъ нестѣсняемаго произвола. Наконецъ, отъ начальства-же зависитъ назначать на казенную или частную работу, гдѣ все-таки что нибудь, хотя изъ пищи, да перепадетъ арестанту. Одинъ можетъ научиться мастерству, которымъ будетъ доставать себѣ потомъ кусокъ хлѣба, а другой, не научась ничему, отвыкнетъ и отъ прежняго своего промысла — что особенно важно въ виду того, что большинство арестантовъ, какъ и всего народонаселенія, у насъ крестьяне, занимавшіеся до ареста и долженствующіе обратиться и послѣ него къ хлѣбопашеству, отъ котораго они совершенно отвыкаютъ во время заключенія.

Осужденныхъ на заключеніе въ рабочемъ и смирительномъ домахъ дозволено употреблять только на опредѣленныя Уставомъ сихъ домовъ работы (ст. 53 Уст. о нак.).

Всѣ работы должны производиться въ самыхъ домахъ, или принадлежащихъ къ нимъ зданіяхъ, дворѣ и садѣ (ст. 282). Цѣна рабочаго дня и цѣны частныя на отдѣльныя производства утверждаются попечителемъ по совѣту со свѣдущими и опытными людьми (ст. 292) 10% ниже обыкновенной мѣстной цѣны (ст. 293).

Какъ непрактиченъ можетъ быть выборъ работъ, укажемъ на с.-петербургское исправительное заведеніе. Тамъ занятія и работы раздѣляются на приличествующія всѣмъ состояніямъ, полу и возрасту и каждому изъ нихъ особо (ст. 473). Занятія, приличествующія всѣмъ вообще состояніямъ, по мѣрѣ познаній, способности и силѣ каждаго, суть чтеніе и переписка молитвъ и бумагъ, относящихся къ ученымъ и нравственнымъ предметамъ, составленіе выписокъ изъ этихъ книгъ, графленіе книгъ и бумагъ, копировка географическихъ картъ, живопись и клееніе пакетовъ, картоновъ и другихъ общеупотребительныхъ вещей (ст. 474). Ну, можно-ли подоб-

нымъ трудомъ доставать въ губернскомъ или уѣздномъ городѣ или въ деревнѣ хоть даже скудное пропитаніе себѣ, не говоря уже о семействѣ, а между тѣмъ другія работы признаны Уставомъ унизительными для благородныхъ мужчинъ (ст. 475)? Относительно благородныхъ женщинъ Уставъ идетъ не много далѣе институтскаго вязанія и вышиванія ничего изъ нитокъ, бумаги и шелку, именно — дозволяетъ имъ шить и чинить бѣлье и платье, сучить бумагу, шерсть, шолкъ и нитки (ст. 474); занятія заимствованы Уставомъ, надо полагать, изъ пріютовъ «для бѣдныхъ но благородныхъ дѣвицъ». Одной только неблагородной работой угрожаетъ Уставъ этимъ воздушнымъ созданіямъ свѣтскаго бездѣлья — пряденіемъ льна, пеньки и шерсти, — работами, обходящимися дороже издѣлья даже и крестьянкамъ, не покупающимъ для нихъ матеріаловъ. Рекомендуемъ представить себѣ такую оригинальную даму, которая, выйдя изъ исправительнаго заведенія, стала-бы соперничать съ машинами въ производствѣ шерстяныхъ и бумажныхъ издѣлій.

Между работами, приличествующими людямъ простаго званія (ст. 476, 477 и 478), хотя и попадаются портное, сапожное, сто-

лярное, слесарное и токарное мастерства, но такъ какъ объ обязательности обученія имъ каждаго, или даже кого бы то ни было, не говорится, то вѣрнѣе всего, что этими мастерствами занимаются люди, знавшіе ихъ до поступленія въ заведеніе, такъ какъ, при скудости средствъ тюрьмы, она едва ли рѣшится на затраты по обученію мастерствамъ и особенно изъ заключенныхъ по двумъ низшимъ степенямъ этого наказанія въ виду короткаго срока ихъ заключенія (отъ 2—4 и отъ 4—8 мѣсяцевъ), едва ли и достаточнаго для изученія какого бы то ни было мастерства.

Затѣмъ слѣдуютъ:

«Треніе сандала и бакаута, растираніе красокъ на маслѣ и скипидарѣ, трепаніе пеньки и льна, приготовленіе шерсти и хлопчатой бумаги, расщипываніе стараго каната въ пеньку, разбираніе шерсти и волоса»—все работы подготовительныя, не составляющія цѣлаго производства или самостоятельнаго промысла, могущаго обезпечить жизнь по выходѣ изъ тюрьмы.

«Употребленіе ручныхъ мельницъ или жернововъ для перемола зерноваго хлѣба или перетерки въ крупу» — работа неблагодарнѣе пряденія льна и шерсти.

«Дѣланіе изъ смоленаго каната матъ, камышевыхъ и деревянныхъ корзинокъ, вязаніе сторъ, дѣланіе изъ покромки ковриковъ, матъ, теплыхъ калошъ и корпій для больницъ—издѣлія малораспространенныя и настолько дешевыя, какъ и «дѣланіе лаптей», что пригодны развѣ какъ занятіе между дѣломъ, для человѣка живущаго другимъ промысломъ.

«Шлифованіе мрамора, гранита и другихъ твердыхъ камней и плитъ, какъ работы рѣдкія въ губернскихъ городахъ и производящіяся по преимуществу изъ матеріаловъ мастера, требуютъ значительныхъ затратъ и потому едва ли удобны для тюремъ.

«Приготовленіе сухихъ красокъ», чтобы заниматься этимъ самостоятельно по выходѣ изъ тюрьмы, требуетъ значительныхъ затратъ; въ мастерскую же съ однимъ подобнымъ знаніемъ едва ли примутъ; фабрикъ же, занимающихся спеціально приготовленіемъ сухихъ красокъ, въ провинціи почти нѣтъ.

Наконецъ, «пиленіе досокъ, пиленіе и рубка дровъ, плотничныя и земляныя работы на дворахъ тюремъ органичиваются, по всей вѣроятности, только нуждами самаго заведенія, ибо, чтобы сдѣлать изъ этого промы-

сель, необходимы затраты на покупку машинъ и инструментовъ и заведеніе перевозочныхъ средствъ; иначе трудно будетъ конкурировать съ частными лѣсными и дровяными дворами, откуда лѣсъ и дрова доставляютъ прямо на домъ.

Мы не пропустили ни одной изъ принятыхъ въ с.-петербургскомъ исправительномъ заведеніи работъ, за исключеніемъ обыденныхъ домашнихъ службъ. И что же?—въ большинствѣ онѣ вовсѣ не пригодны для губернскихъ тюремъ, да и для петербургскихъ не въ состояніи дать порядочныхъ средствъ для содержанія самой тюрьмы и, кромѣ того, не могутъ обезпечить хотя кое-какъ осужденнаго по выходѣ изъ тюрьмы, и по распространеніи подобнаго устава на всѣ губернскія тюрьмы, работы въ нихъ, по всей вѣроятности, ограничились бы однѣми домашними службами съ мучительнымъ и безполезнымъ щипаніемъ пеньки или расщипываніемъ каната, какъ болѣе дешевыхъ причудъ, что не принося никакой пользы самимъ тюрьмамъ и арестантамъ, озлобило бы несчастныхъ и вселило въ нихъ на всегда отвращеніе къ труду, обративъ въ развращенныхъ лѣнтяевъ, годныхъ лишь на новыя преступленія. Да ес-

ли бы даже устроить мастерскія и на началахъ инструкціи для с.-петербург. исправительной тюрьмы и пойти даже далѣе ея, обязавъ непременно каждаго изъ осужденныхъ обучаться какому либо мастерству—въ состояніи ли это обезпечить будущую жизнь ихъ хотя кое-какимъ существованіемъ?

Чтобы изучить какое либо мастерство, какъ мы уже говорили выше, необходимо время, приблизительно около года; затѣмъ и обучавшійся ему арестантъ рискуетъ, благодаря своему волчьему паспорту быть непринятымъ ни въ одну частную мастерскую. Допустимъ даже, что законодатель нашелъ возможнымъ отмѣнить отмѣтку на паспортѣ о содержаніи въ тюрьмѣ, что вполнѣ не обходимо. Допустимъ, что всюду устроились на основаніи правилъ 14 августа, патронатства, заботящіяся объ устройствѣ участи освобожденныхъ изъ тюрьмы арестантовъ; но въ состояніи ли патронатства и даже цѣлая губернія доставлять постоянно работу нѣсколькимъ тысячамъ мастеровыхъ? Въ настоящее время въ каждомъ губернскомъ городѣ по 4 тюрьмы (арестанскіе роты, рабочій и смирительный дома и тюремный замокъ), да въ уѣздномъ по одной, что при 10—11 уѣздахъ составить отъ 14 до

15 тюремъ на губернію; считая только по 200 человѣкъ въ каждой, выйдетъ около 3,000 арестантовъ, большинство которыхъ ежегодно освобождается. Слѣдовательно, если бы покровительство распространить на каждаго освобожденнаго въ продолженіе одного только года—меньшій срокъ не принесетъ существенной пользы—то патронатству пришлось бы отыскивать работу 6 тысячамъ мастеровыхъ (3 тысячи заключенныхъ и 3 освобожденныхъ) тамъ, гдѣ въ настоящее время едва хватаетъ на пропитаніе существующимъ уже частнымъ мастерскимъ.

Да едва ли возможно и самое устройство такихъ обширныхъ мастерскихъ при тюрьмахъ, за исключеніемъ Петербурга, Москвы, Одессы и еще не многихъ городовъ, при повсемѣстной почти затруднительности у насъ сбыта ремесленныхъ произведеній и конкуренціи, правильно-устроенныхъ существующихъ частныхъ мастерскихъ. На заказы хозяевъ этихъ мастерскихъ, также, кромѣ столицъ, едва ли можно разсчитывать, такъ какъ они сами нуждаются болѣе въ работѣ, чѣмъ въ рабочихъ. Наконецъ, и принявши участіе въ этомъ благотворительномъ дѣлѣ, упустятъ ли они, за исключеніемъ очень не

многихъ, случай эксплуатировать тюремный трудъ, такъ чтобы вся выгода перешла въ ихъ руки, а безправнымъ арестантамъ остались-бы одинъ непосильный трудъ и оскорбленія отъ богачей-благотворителей, поддерживаемыхъ администраціею изъ боязни потерять сбытъ своихъ произведеній. Чтобы обойтись безъ этихъ благотворителей, т. е. завести свои мастерскія, тюрьмы должны были бы истратить большія суммы денегъ, встрѣтясь въ тоже время съ конкуренціею частныхъ мастерскихъ. Если бы онѣ и выдержали эту конкуренцію, то могли бы убить частную производительность, разоривъ хозяевъ и лишивъ мастеровыхъ ихъ заведеній куска хлѣба, т. е. обезпечивая порученныхъ имъ преступниковъ, подготовили бы новыхъ изъ пущенныхъ по-міру мастеровыхъ, ибо ни что не способствуетъ такъ преступленію какъ нищета и озлобленіе.

Мы думаемъ, что въ Россіи, гдѣ три четверти народонаселенія, вмѣсто сапогъ, носятъ лапти обходятся безъ портныхъ и другихъ ремесленниковъ, приготовляя все необходимое собственными средствами, мастерскимъ въ нѣсколько тысячъ работниковъ существовать нельзя; онѣ, не принося себѣ существенной

пользы, могли бы убить нашу скромную промышленность и породить отбившихся отъ своихъ деревень пролетаріевъ безъ надежды на работы; обращеніе тюрьмы въ фабрику или заводъ обошлось бы слишкомъ дорого, отягчило бы участь осужденныхъ, ибо работа на заводахъ составляетъ, по «Уложенію о наказаніяхъ»—высшій противу тюрьмы родъ наказанія—каторжныя работы, и, наконецъ, расплодило бы фабричныхъ безъ работъ, т. е. тѣхъ же пролетаріевъ съ другими только надеждами.

У насъ много земли, и большинство народонаселенія занимается хлѣбопашествомъ, но сельское хозяйство находится почти въ первобытномъ состояніи. Не практичнѣе ли тюрьмы съ обязательной работой устроить въ видѣ образцовой сельско-хозяйственной фермы? Подобныя тюрьмы могли бы впослѣдствіи, безъ постороннихъ затратъ, развить различныя сельскія производства, усовершенствовать сельское хозяйство такъ, что были бы для края образцовыми сельско-хозяйственными школами, обходились бы безъ всякой помощи отъ правительства и общества, извлекая изъ своего хозяйства всѣ предметы по содержанію, одеждѣ и поддержкѣ зданій,

по выходѣ изъ тюрьмы, осужденнымъ не пришлось бы искать работы: большинство изъ нихъ, принадлежа къ сельскимъ обществамъ, и слѣдовательно имѣя уже землю, прямо могло бы отправиться въ свои деревни продолжать прежнія занятія и даже, быть можетъ, улучшить ихъ, благодаря пріобрѣтенныхъ въ тюрьмѣ знаніямъ. Наконецъ и тѣхъ изъ нихъ, кого не приняло бы общество въ свою среду, или они сами, вслѣдствіе стыда и другихъ причинъ, не пожелали бы туда возвратиться, или кто не имѣлъ вовсе прежде земли, при подобномъ направленіи тюрьмы, легче было бы обезпечить въ будущемъ, чѣмъ ремесленниковъ, поселивъ ихъ на казенныхъ земляхъ; какъ то дѣлается настоящее время. (Объ этомъ, впрочемъ, мы поговоримъ ниже подробнѣе). Да и кромѣ того, при тюрьмѣ съ сельско-хозяйственнымъ устройствомъ необходимы разныя мастерскія для своихъ потребностей, но только мастерскія, не нуждающіяся въ сбытѣ своихъ произведеній и необращающія всѣхъ поголовно въ мастеровыхъ; слѣдовательно люди, не принадлежащіе къ сельскому сословію или желающіе или могущіе по своимъ познаніямъ

остаться ремесленниками, могли бы быть ими и въ подобной тюрьмѣ.

Россія, какъ мы уже сказали, по преимуществу страна земледѣльческая; трудъ-же земледѣльца, вслѣдствіе рутиннаго хозяйства и податной неурядицы, въ ней самый почти неблагодарный, такъ-что ни солдатъ и никто другой, временно жившій иною жизнью, узнавшій болѣе выгодный заработокъ и другой образъ жизни, почти никогда не возвращается къ земледѣлію, и потому самое практичное средство избавить общество отъ опасныхъ тунеядцевъ, готовыхъ съ голоду, нужды и безучастія ближнихъ на новыя преступленія — это привязать ихъ къ сельскимъ занятіямъ, убѣдивъ тюремною практикою, что правильно направленный трудъ этотъ вовсе не такъ неблагодаренъ, какимъ выходилъ онъ при старыхъ деревенскихъ порядкахъ и что онъ осуществимъ для нихъ единственно при ихъ собственномъ желаніи, помимо всякой зависимости отъ нанимателей и другихъ случайностей,—и переходъ изъ тюрьмы, имѣющей, по характеру занятія значеніе сельской колоніи, на собственное сельское хозяйство сдѣлался-бы легкимъ и желаннымъ, избавилъ-бы его отъ безвыходнаго положенія пролетарія,

незнающаго, гдѣ преклонить на завтра голову, чѣмъ утолить голодъ, во что одѣться,— человѣка находящагося подъ гнетомъ ужасной мысли выпрашивать крохи и лохмотья, выпрашивать работу и пристанище Христомъ Богомъ и встрѣчать, вмѣсто состраданія, упреки и равнодушіе. Даже общественная благотворительность мало уменьшаетъ безвыходность подобнаго положенія, потому, во первыхъ, что она слишкомъ долго продолжаться не можетъ и, во вторыхъ, все таки имѣетъ видъ милостыни, а всякому-ли здоровому человѣку легко пользоваться милостынею, когда онъ чувствуетъ, что самъ могъ-бы и желалъ заработывать себѣ честный кусокъ хлѣба; тюремные заработки такъ-же не надолго отдаляютъ ужасы бездомнаго скитанія по мѣстамъ и людямъ. Откуда-же почерпнуть несчастному во время заключенія энергію для борьбы съ своими порочными наклонностями, когда онъ знаетъ, что по выходѣ изъ тюрьмы ни чего другого не остается, какъ снова попасть въ нее?

У насъ уже сдѣлана попытка къ открытію земледѣльческой тюрьмы близъ Петербурга для несовершеннолѣтнихъ преступниковъ и дѣтей, не имѣющихъ пріюта, съ обученіемъ

ихъ разнымъ производствамъ въ сферѣ сельскаго хозяйства и ремесламъ, непосредственно съ нимъ связаннымъ.

Въ Англіи существуетъ двѣ подобныя колоніи для дѣтей: одна устроена правительствомъ въ Паркгерстъ на островѣ Уайтъ, гдѣ ихъ обучаютъ чтенію, письму и земледѣльческимъ работамъ, и другая въ Ридгиль, въ 20 миляхъ отъ Лондона, основанная лондонскимъ филантропическимъ обществомъ, куда отдаются правительствомъ самыя испорченныя дѣти, попавшіяся въ Паркгерстъ и другія тюрьмы*).

Во Франціи для преступниковъ моложе 16 лѣтъ устроено 9 земледѣльческихъ колоній правительствомъ и 47 трудами и средствами частныхъ лицъ и благотворительныхъ обществъ, куда правительство помѣщаетъ дѣтей за извѣстную плату. Колоніи эти самымъ блистательнымъ образомъ оправдали возлагавшіяся на нихъ надежды по исправленію порученныхъ имъ дѣтей, изъ которыхъ не

*) Свѣдѣнія объ иностранныхъ земледѣльческихъ тюрьмахъ и колоніяхъ заимствованы нами изъ учебника уголовнаго права Спасовича и потому предупреждаемъ читателя, что цифровыя данныя относятся къ концу 50-хъ годовъ.

болѣе $^1/_{10}$ части попадались снова въ руки правосудія, тогда какъ побывавшій въ прежнихъ тюрьмахъ ребенокъ почти неизбѣжно дѣлался кандидатомъ на каторгу.

Благотворное вліяніе полевыхъ работъ замѣтили такъ-же и на взрослыхъ преступникахъ: въ Соединенныхъ Американскихъ Штатахъ признали полезнымъ въ тюрьмахъ полевыя и вообще работы на открытомъ воздухѣ. Во Франціи устроены 3 земледѣльческія тюрьмы: въ Chiavari, въ Корсикѣ и св. Лаврентія и св. Людовика—въ Гвіанѣ, по рѣкѣ Морани. Въ Пруссіи воспользовались примѣненіемъ земледѣльческихъ работъ въ тюрьмахъ во избѣжаніе огромнаго накопленія преступниковъ въ тюрьмахъ; закономъ 11 Апрѣля 1854 года ихъ дозволили употреблять на работы внѣ тюрьмы: на постройки дорогъ, зданій и обработку полей.

Наконецъ, въ Ирландіи, и наподобіе ея въ Фехтенской тюрьмѣ въ Ольденбургѣ, всѣхъ арестантовъ, по исполненіи ими извѣстнаго срока одиночнаго заключенія и каторжныхъ работъ, употребляютъ на земледѣльческія работы внѣ тюрьмы. Въ Ирландіи опытъ этотъ далъ изумительные результаты: до 1854 года, т. е. до преобразованія тюремъ особою дирек-

ціею подъ предсѣдательствомъ Вальтера Крофтонъ, онѣ находились въ самомъ неутѣшительномъ состояніи, и отправляемые изъ нихъ въ ссылку въ западную Австралію пользовались такою дурною репутаціею, что колонія настоятельно просила присылать англичанъ, но отнюдь не ирландцевъ; послѣ-же реформы тюрьмы эти стали считаться лучшими въ свѣтѣ, и мы вполнѣ убѣждены, что славой этой онѣ обязаны главнымъ образомъ переходнымъ земледѣльческимъ тюрьмамъ, ибо первые два періода заключенія въ нихъ (одиночное заключеніе и каторжная работа) вполнѣ совпадаютъ съ двумя періодами англійской системы и вообще мало рознятся отъ всѣхъ прочихъ тюремныхъ системъ съ одиночнымъ заключеніемъ. Слѣдовательно, если одиночное заключеніе и каторжная работа вездѣ оказались неудовлетворительными, а въ Англіи даже поколебали вѣру въ возможность исправленія преступниковъ, но нѣтъ основанія приписывать имъ лучшее значеніе и въ Ирландскихъ тюрьмахъ.

Никто, думаемъ, не будетъ оспаривать, что земледѣльческія работы болѣе всякихъ другихъ способны смягчить душу и освѣжить и укрѣпить организмъ человѣка. Работы въ

душныхъ мастерскихъ или на пыльныхъ городскихъ мостовыхъ сушатъ и раздражаютъ организмъ. Видъ работающихъ въ городѣ арестантовъ тяжело дѣйствуетъ на обывателей, прибавляя въ то же время горечь къ заключенію и притомъ настолько неравномѣрно, что одного эта публичная выставка въ состояніи довести до отчаянія, другаго развратить до презрительной насмѣшки, и тѣмъ и другимъ навсегда закрыть путь къ сближенію съ обществомъ, видѣвшимъ ихъ позоръ и униженіе. Близость тюрьмы къ городу наводитъ страхъ на городскихъ и окрестныхъ жителей, такъ что въ видахъ одного этого приходится ухудшать участь осужденныхъ усиленіемъ караула и заковываніемъ въ кандалы, что въ безлюдныхъ и удаленныхъ отъ жилья поляхъ будетъ совершенно излишнимъ. Если въ степяхъ, во время полевыхъ работъ, побѣгъ и кажется какъ будто бы болѣе возможнымъ, то, во первыхъ, онъ не можетъ быть тамъ такъ страшенъ для окрестныхъ жителей и, во-вторыхъ, только кажется болѣе легкимъ и можетъ быть вполнѣ предупрежденъ замѣною пѣшаго казачьимъ конвоемъ.

Государства Западной Европы, при ихъ относительной населенности и развитіи ре-

месленной и фабричной промышленности предпочтительно передъ земледѣліемъ, не могутъ вполнѣ воспользоваться примѣненіемъ земледѣльческихъ тюремъ, въ большинствѣ ихъ, не смотря на все исправительное значеніе подобныхъ заведеній они могли бы даже затруднить устройство жизни арестантовъ по освобожденіи изъ тюрьмы, такъ какъ свободныхъ земель для надѣла освобожденныхъ не имѣется, запросъ на земледѣльческія работы у нихъ гораздо ограниченнѣе спроса на фабричныя и ремесленныя работы, да и кромѣ того, отводъ или покупка земель подъ тюрьмы и устройство ихъ обошлись бы имъ гораздо дороже настоящихъ. Лучшимъ доказательствомъ этого могутъ служить тѣ же ирландскія переходныя тюрьмы, которыя устраиваются всего на 50—60 человѣкъ и состоятъ изъ складнаго желѣзнаго строенія, удобнаго для переноски съ мѣста на мѣсто. Другое положеніе представляетъ Россія съ своими необозримыми и — мѣстами — совершенно пустынными степями, гдѣ отводъ земель подъ тюремныя колоніи въ самарской или оренбургской, напримѣръ, губерніяхъ нетолько ничего не стоилъ бы, но могъ бы еще впослѣдствіи, при хорошемъ направленіи тю-

ремныхъ работъ, приносить доходъ въ видѣ поземельной платы за отведенные участки, да и самая постройка тюремъ обошлась бы почти въ ничто въ сравненіи съ городскими, особенно если ее производить посредствомъ арестантовъ, какъ предлагаетъ для проектируемыхъ ею тюремъ коммисія 1 февраля 1872 г. Постройка эта уже потому обошлась бы дешевле городскихъ, что ее пришлось бы производить преимущественно изъ мѣстныхъ матеріаловъ, платя только за работы; а въ подобныхъ случаяхъ, и особенно въ безлюдной мѣстности, гдѣ не такъ легко продавать казенное за свое и переплачивать по счетамъ подрядчиковъ, строители умѣютъ быть необыкновенно экономными. Пришлось бы покупать только желѣзо и стекло. Расходъ на желѣзо, правда, могъ бы выйти довольно значительнымъ, особенно если бы при дороговизнѣ въ предлагаемой мѣстности дерева, пришлось бы дѣлать желѣзныя балки, двери и оконныя рамы, но, можетъ быть, этому можно помочь замѣною балокъ сводами и устройствомъ цементныхъ или асфальтовыхъ половъ. Это, впрочемъ, вопросы, касающіеся спеціалистовъ, и потому не будемъ о нихъ распространяться и укажемъ на другія средства

сокращенія расходовъ: во-первыхъ, въ первое же лѣто, вмѣстѣ съ заготовленіемъ кирпича, можно сдѣлать посѣвъ, производя заготовку кирпича въ свободное отъ уборки хлѣба время; во-вторыхъ, облегчить подвозъ матеріаловъ устройствомъ тюремъ невдалекѣ отъ Волги или мѣстъ нахожденія желѣзныхъ заводовъ, и въ третьихъ, постепеннымъ устройствомъ тюремъ, такъ чтобы ранѣе основанныя подготовляли матеріалы для послѣдующихъ и такъ-сказать устраивали бы другъ друга. Въ сравнительной дешевизнѣ подобныхъ построекъ можетъ убѣдить устройство станицъ и штабъ-квартиръ на Кавказѣ, Амурѣ и ташкентскомъ краѣ, а въ доходности—сельское хозяйство частныхъ лицъ. Для того же, чтобы доходъ не получилъ другаго назначенія, слѣдуетъ заинтересовать въ немъ не одну тюрьму, какъ учрежденіе, а все начальство, конвой и арестантовъ извѣстнымъ процентомъ чистой прибыли, какъ это принято относительно чиновниковъ акцизнаго и удѣльнаго вѣдомствъ. Во всякомъ случаѣ, если тюрьма только прокормитъ, одѣнетъ арестантовъ и поможетъ имъ заплатить лежащія на нихъ казенныя и общественныя подати (а въ этомъ, думаемъ, сомнѣваться

трудно, то и это было бы уже большимъ сбереженіемъ для казны и общества. При хорошихъ же доходахъ земледѣльческія тюрьмы будутъ въ состояніи платить даже поземельныя деньги за отведенныя участки и отдѣлять часть доходовъ на содержаніе губернскихъ (непроизводительныхъ) тюремъ. Наконецъ, при большемъ производствѣ хлѣба, сбытъ его не встрѣтитъ затрудненія, и даже въ проектируемой мѣстности казна съ значительною выгодою можетъ воспользоваться имъ для продовольствія войскъ въ оренбургскомъ и ташкентскомъ краѣ.

Чтобы увеличить доходъ и придать тюрьмѣ значеніе образцовой сельско-хозяйственной школы, слѣдуетъ къ общему составу администраціи прибавить особаго директора съ надсмотрщиками за работами и мастерами, спеціально знакомыми съ сельскимъ хозяйствомъ, на обязанность которыхъ, кромѣ направленія и присмотра за работами, возложить заботу объ усовершенствованіи всѣхъ отраслей хозяйства, пріуроченіе возможныхъ по климату и могущихъ дать хорошій доходъ растеній, устройство, насколько позволятъ средства тюрьмы, фабрикъ и заводовъ, введеніе въ хозяйствѣ земледѣльческихъ ма-

шинъ и прочихъ усовершенствованій,—словомъ устроить тюрьму такъ, чтобы, кромѣ извлеченія возможно большихъ доходовъ, она научила бы и арестантовъ извлекать доходы изъ всѣхъ предметовъ ихъ будущаго хозяйства, для чего, кромѣ практическаго руководства хозяйствомъ означенные спеціалисты должны удобопонятными разъясненіями знакомить арестантовъ съ значеніемъ каждаго усовершенствованія.

Подобная тюрьма, то-есть тюрьма съ научно-хозяйственнымъ направленіемъ, навѣрно скоро привлечетъ въ этотъ непочатый край капиталистовъ и предпринимателей, и облегчитъ этимъ правительству продажу земель, не приносящихъ въ настоящее время никакихъ доходовъ. Сошлемся въ этомъ на примѣръ заселенія англійскими преступниками Австраліи. Первый транспортъ, каторжниковъ высадился на берега Австраліи 20 января 1788 года при полномъ разочарованіи въ прелестяхъ и богатствѣ этой расхваленной Кукомъ страны. Не смотря однако же на разочарованіе, англичане удержались въ новой странѣ, стараясь заселить ее освобожденными преступниками и свободными поселенцами, привлекая ихъ безплатною раздачею земель,

и вскорѣ наплывъ изъ метрополіи сдѣлался такимъ значительнымъ, что съ 1824 г. стали уже продавать земельные участки его по заранѣе опредѣленной, очень умеренной таксѣ, а съ 1830 года, вслѣдствіе громаднаго спроса на землю, съ аукціоннаго торга, такъ что малоудобная для заселенія пустыня, какъ думали объ Австраліи послѣ неудачной попытки 1788 г. обратилась въ одну изъ лучшихъ колоній Англіи.

Обращаясь затѣмъ къ осужденнымъ, мы вполнѣ убѣждены, что извѣстный процентъ съ чистаго дохода тюрьмы настолько будетъ значителенъ, что дастъ имъ возможность вполнѣ устроить первое свое хозяйство по выходѣ на свободу; воспитаніе, гуманное обращеніе (о чемъ мы поговоримъ впослѣдствіи) и работа на открытомъ воздухѣ въ привольныхъ поляхъ и лугахъ смягчитъ до возможности сдѣлаться честными и спокойными людьми, а возможность основать осѣдлость въ томъ же краѣ докончитъ остальное, избавивъ общество отъ людей бездомныхъ и порочныхъ.

Тюрьма, направляя всѣ усилія для пробужденія нравственныхъ силъ осужденныхъ и являясь всегда и вовсемъ ихъ покровителемъ,

можетъ помочь имъ и при устройствѣ жизни на свободѣ, обезпечивъ на первое время хлѣбомъ, платьемъ и даже матеріаломъ для постройки и обзаведенія хозяйствомъ въ счетъ заработанныхъ ими денегъ; можетъ даже дозволить оканчивающимъ сроки заключенія исподволь, въ свободное отъ тюремныхъ занятій время, выстроить дома или остаться на осеннее и зимнее время и по выпускѣ въ тюрьмѣ на заработкахъ, на правахъ вольно-наемнаго работника, такъ чтобы, поселяясь на новомъ мѣстѣ, они могли прямо сдѣлаться исправными хозяевами. Государству и тюрьмѣ это ни чего не стоило бы, а между тѣмъ смягченный предшествовавшею тюремною жизнью освобожденный имѣлъ-бы полную возможность сдѣлаться честнымъ человѣкомъ. Пріобрѣтя собственность, достаточную для обезпеченія всей послѣдующей жизни, они по неволѣ будутъ уважать и собственность другихъ, а цѣня гуманное обращеніе съ ними въ тюрьмѣ, научатся уважать и личность другихъ. Сосланные въ Австралію самымъ убѣдительнымъ образомъ доказали возможность подобнаго перерожденія; они долгое время до болѣе обширной колонизаціи края пользовались большимъ противу свободныхъ поселен-

цевъ кредитомъ въ званіи коммисіонеровъ, купцовъ и банкировъ; злодѣй, проведшій всю жизнь въ войнѣ противъ чужой собственности (какъ краснорѣчиво выражается Спасовичъ въ учеб. уг. права), какъ только представлялась ему возможность достичь самостоятельности и матеріальнаго благосостоянія, дѣлался самымъ бережливымъ и непреклоннымъ въ защитѣ собственныхъ правъ и интересовъ; зная, что ему не довѣряютъ, онъ всячески старался устранить въ своихъ дѣйствіяхъ всякую тѣнь недобросовѣстности, изъ кожи лѣзъ, чтобы сдѣлать болѣе, чѣмъ отъ него ожидали, и никогда, ни прежде, ни послѣ, ссылка не достигала такихъ изумительныхъ результатовъ исправленія, какъ въ первой четверти настоящаго столѣтія въ Австраліи, пока наплывъ свободныхъ поселенцевъ не отбилъ у ссыльныхъ земли и кредитъ.

У насъ не скоро можетъ истощиться запасъ свободныхъ земель до того, чтобы пришлось отказывать въ нѣсколькихъ десятинахъ человѣку, желающему возвратиться на честный путь, и особенно когда, вмѣстѣ съ исправленіемъ преступника, государству представляется возможность извлекать поземельный доходъ съ участковъ, не приносившихъ

до того никакой пользы. Кто же не пожелалъ бы или не могъ воспользоваться поселеніемъ, могъ-бы возвратившись въ прежнее мѣсто жительства, обратиться къ покровительству мѣстнаго патронатства, которое, освободясь отъ огромнаго большинства арестантовъ, воспользовавшихся правомъ поселенія, легче могло-бы содѣйствовать устройству участи остальныхъ освобожденныхъ.

ГЛАВА IV.

Каторжныя тюрьмы.

Въ соображеніяхъ, предпосланныхъ проекту, коммисія «не могла не признать, что въ общей мысли русскихъ карательныхъ законовъ лежитъ глубокая основа христіанскаго милосердія, и что въ этомъ отношеніи Россія можетъ даже служить образцомъ другимъ государствамъ» (ст. 1). Нельзя не замѣтить другой высоко-христіанской черты нашего законодательства—теплой вѣры въ возможность исправленія даже самыхъ тяжкихъ преступниковъ, во имя чего оно не допускаетъ поч-

ти смертной казни, оставляя ее лишь какъ самое рѣдкое исключеніе, безсрочную каторжную работу дозволяетъ, «*по удостовѣреніи въ нравственномъ исправленіи осужденнаго*», *сокращаетъ на 20 лѣтъ* (602 ст. Уст. о ссыл.); вѣчное поселеніе до десяти, сокращая и этотъ срокъ до 6-лѣтняго для тѣхъ, кто въ теченіи этого времени велъ себя совершенно одобрительно, занимался полезнымъ трудомъ и пріобрѣлъ осѣдлость (731 ст. Уст. о ссыл.). *При малѣйшей* только надеждѣ на исправленіе, доказанной покорностію начальству, воздержностію, опрятностію и трудолюбіемъ, законодатель старается поддержать кающагося, дозволяя переводить его въ разрядъ исправляющихся: отдѣленіе безсрочныхъ черезъ 8 лѣтъ, осужденныхъ къ заключенію отъ 15 до 20 л.— черезъ 4, отъ 12 до 15—черезъ два, отъ 6 до 8—черезъ полтара и остальныхъ черезъ годъ (ст. 569 и 570 Уст. о ссыл.), освобождая ихъ вмѣстѣ съ тѣмъ отъ оковъ (ст. 572 Уст. о сс.), выдавая въ ихъ пользу часть заработка и дозволяя даже каторжникамъ 1-го разряда черезъ три и третьяго черезъ годъ жить внѣ острога, въ комнатахъ заводскихъ мастеровъ, строить себѣ особые домики и продолжать прежніе или вступать въ новые браки (ст. 577 Уст. о

ссыл.). Даже и въ первый періодъ ихъ заключенія, когда они считаются совершенно безправными, законодатель всячески старается ободрить несчастныхъ, натолкнуть на исправленіе, обязывая духовное начальство въ торжественные и большіе праздничные дни употреблять часъ или болѣе на чтеніе поученій и назидательныхъ книгъ (ст. 566 Уст. о ссыл.).

Коммисія не только ничего подобнаго (не исключая и поученій священника) не рекомендуетъ, но рѣшительно заявляетъ, что, «не задаваясь мыслію объ исправленіи преступника, каторга должна лишь обуздать его настолько, чтобы онъ былъ способенъ къ свободной жизни (обуздать для способности къ свободной жизни) въ новомъ обществѣ, и въ то же время заготовить ему для этой жизни нѣкоторое денежное обезпеченіе посредствомъ заработка» (мы говорили уже, какъ она этого достигаетъ). Исправительное начало коммисія, впрочемъ отвергаетъ и въ арестныхъ и смирительныхъ домахъ, опредѣляя цѣлію арестныхъ домовъ одно лишь взысканіе (§ 34 лит. а) и смирительныхъ — краткое усмирительное наказаніе, съ общей цѣлію внушенія благотворной острастки (!?) (§ 34, лит. б.), такъ что изъ 47,000 арестантовъ, мѣстъ исполнитель-

нало заключенія—2 тыс. въ арестныхъ домахъ, 30 т. въ смирительныхъ, 8 т. въ исправительныхъ и 7 т. въ каторжныхъ (пр. § 144)— она рекомендуетъ заняться исправленіемъ только восьми тысячъ заключенныхъ въ исправительныя тюрьмы. Въ арестныхъ и смирительныхъ домахъ коммисія пожертвовала, впрочемъ, этою главною цѣлію наказанія, «не находя возможности перевоспитать краткосрочныхъ арестантовъ», съ чѣмъ однако же не соглашается наше дѣйствующее законодательство, которое, начиная съ императрицы Екатерины II, всегда исправленіе становило въ основу всѣхъ родовъ наказанія, называя ихъ, за исключеніемъ каторжной работы и ссылки на поселеніе, наказаніями исправительными. Да и можно ли допустить иначе въ христіанскомъ государствѣ XIX вѣка и особенно въ государствѣ, подобномъ нашему, въ которомъ, по мнѣнію самой коммисіи, душевныя свойства и привычки народа, и наконецъ, органическія начала уголовнаго права указываютъ, что нѣтъ въ мірѣ государства болѣе приспособленнаго, какъ Россія, къ учрежденію образцовой тюремной системы (пр. § 33), и соображенія эти подтверждаются слѣдующими доводами: «Большинство европейскихъ

государствъ, по свойству своей территоріи, лишены всякой возможности ввести у себя колонизацію, какъ дополненіе къ наказанію. Въ Германіи, Бельгіи, Швейцаріи, Италіи—преступники, содержавшіеся въ долгорочномъ заключеніи, по необходимости возвращаются въ общество, къ его несомнѣнному вреду; во Франціи каторжныя работы устроены безъ всякой цѣлесообразности: онѣ производятся въ городѣ Тулонѣ на понтонахъ, т. е. на отслужившихъ кораблякъ, и отличаются совершенной своей безполезностью, стало быть, не приносятъ государству пользы, а виновному—заработка. По мииованіи срока, каторжники снова возвращаются въ среду общества, но оно продолжаетъ недовѣрять имъ, выражая это недовѣріе установленіемъ надъ ними тяжкаго полицейскаго надзора, малѣйшее нарушеніе котораго (rupture de ban) французскимъ закономъ карается какъ рецедивъ. Эта прискорбная система, возбуждаетъ справедливое негодованіе французскаго образованнаго общества. Въ Англіи депортація отмѣнена нѣсколько лѣтъ тому назадъ, вслѣдствіе постоянныхъ жалобъ колоніальнаго населенія на присылку къ нему преступниковъ. Преступники, выпущенные изъ тюрьмы, пользу-

ются правами свободныхъ гражданъ. Такимъ образомъ, съ одной стороны, обществу грозитъ постоянная опасность отъ покушеній выпущенныхъ изъ тюрьмы злодѣевъ, полное исправленіе которыхъ нисколько не обезпечено; съ другой—общество не только не устанавливаетъ надъ послѣдующею судьбою наказанныхъ никакой опеки, но еще, по необходимости, должно смотрѣть на нихъ съ постояннымъ недовѣріемъ и тѣмъ самымъ лишать ихъ возможности обратиться къ честной и обезпеченной жизни (пр. къ § 101).

Желая создать для Россіи своеобразную народную систему наказанія, коммисія основала ее главнымъ образомъ «на благотворной острасткѣ и усмирѣніи» (§ 34), не задаваясь мыслію объ исправленіи» (пр. § 101). Давая даже льготы каторжникамъ въ видѣ заработка», она опасается, чтобы это не было истолковано какъ премія преступнику» (пр. § 123) напоминая при этомъ осужденнымъ, что въ исправленіе ихъ не вѣримъ. «Одно хорошее поведеніе, говоритъ она, служитъ только отрицательнымъ доказательствомъ исправленія (пр. § 105), и потому льготу она рѣшается дать скорѣе за усиленную работу, чѣмъ за хорошое поведеніе, не скрывая въ тоже

время, «что даетъ тѣмъ преимущество людятъ сильнымъ» (пр. § 105).

Какой ужасный разладъ можетъ ввести это основаніе между нравственностью религіи и законодательства! Въ церкви несчастныхъ будутъ поучать, что раскаянія искупаетъ самый тяжкій грѣхъ; что разбойникъ исповѣдавшій на крестѣ Спасителя, въ тотъ же день былъ съ нимъ въ раю; что блудный сынъ, оставившій отца и расточившій его имѣніе, съ торжествомъ былъ принятъ, лишь только раскаялся въ своихъ дѣлахъ—и въ то же время начальство будетъ говорить, что о раскаяніи и исправленіи не стоитъ и думать, будетъ поддразнивать приманкою за усиленный трудъ (пр. §§ 102, 103 и 104), почти невозможный, какъ мы указали выше, въ ихъ положеніи и во всякомъ случаѣ дающій примущество не нравственно лучшему, а физически сильному. Неужели преступники, прошедшіе черезъ такую нравственную школу, будутъ угрожать обществу менѣе выпущенныхъ изъ тюремъ остальныхъ европейскихъ государствъ?

Въ чемъ же заключается сила системы отвергающей исправленіе $^5/_6$ преступниковъ?— Единственно въ надеждѣ обезпеченія ихъ вы-

годнымъ заработкомъ. Этотъ вопросъ коммисія горячо отстаиваетъ въ теоріи. Осуждая существующее мнѣніе, что «наказаніе не должно быть выгоднымъ», коммисія возражаетъ, что «если наказаніе представляетъ мечтательную, но сопряженную съ безвыходнымъ раззореніемъ, выпущенника выгоду исправленія, то главная не выгода падетъ на общество, не допускающее практической опеки въ своихъ мѣстахъ заключенія» (пр. § 33). Необходимость заработка даже для каторжниковъ она незатрудняется подерживать требованіемъ исправительныхъ цѣлей, которыми прежде не желала задаваться». Тамъ, гдѣ исправленіе не выгодно, говоритъ она, тамъ оно немедленно исчезаетъ, и всѣ старанія всѣ издержки остаются безплодными» (пр. § 34). И не смотря на подобную коренную уступку, противорѣчія въ принципахъ и непрактичный выборъ работъ сдѣлали почти невозможнымъ осуществленіе и этой завѣтной мысли коммисіи. Къ исправленію преступника, какъ «желанной, конечно цѣли наказанія» (§§ 102, 103 и 104), коммисіи пришлось обратиться также въ вопросѣ о сокращеніи сроковъ заключенія каторжниковъ, назначенныхъ ею въ размѣрѣ отъ 6 лѣтъ, до пожизненной (§ 45), такъ

какъ, по свидѣтельству ея самой, «опытъ доказалъ, что большинство каторжниковъ въ состояніи переносить работы только въ теченіи 10—14 лѣтъ, послѣ чего онѣ дѣлаются дряхлыми и неспособны къ работѣ» (пр. §§ 102, 103 и 104); но и допуская эту льготу, въ силу исправленія, она все-таки признала необходимымъ оговориться, что «въ каторгѣ справедливое возмездіе за вину всегда должно преобладать, и потому для каторжника не можетъ быть и рѣчи о дарованіи ему какой либо награды и поощренія» (пр. §§ 102, 103 и 104). Хотя въ настоящемъ случаѣ практичнѣе было бы обойтись безъ противорѣчій, опредѣливъ прямо высшій срокъ наказанія въ 14 лѣтъ, принятыя коммисіею за крайній предѣлъ, допускаемый человѣческими силами при каторжныхъ работахъ, тѣмъ болѣе, что и непереведенныхъ въ разрядъ исправляющихся но одряхлѣвшихъ, больныхъ и престарѣлыхъ она предположила помѣщать на остальной срокъ въ богадѣльню (пр. § 136). Размѣръ статьи недозволяетъ намъ продолжать указанія на всѣ противорѣчія и оговорки, которыми переполненъ проектъ, и потому ограничимся указанными, вполнѣ характеризующими его направленіе, тѣмъ болѣе, что это

еще не уставъ, а проектъ устава, который можетъ быть измѣненъ при дальнѣйшемъ ходѣ, и затѣмъ скажемъ нѣсколько словъ объ устройствѣ и работахъ тюрьмы. «Дѣйствительно, число ссыльно-каторжныхъ далеко не соотвѣтствуетъ числительности приговоровъ къ каторжной ссылкѣ. Въ рудничныхъ шахтахъ производство работъ прекращено; крѣпости перешли въ исключительное завѣдываніе военнаго министерства, и работы для каторжныхъ въ нихъ упразднились; наконецъ заводы, по распоряженію министерства финансовъ, перешли въ руки частныхъ арендаторовъ. На нерчинскихъ промыслахъ, на которыхъ работали осѣдлые каторжники въ значительный убытокъ кабинета Его Величества, и на карійскихъ золотыхъ пріискахъ, оказывается въ настоящее время возможнымъ помѣщать лишь весьма незначительное число каторжниковъ, а потому прибывающій контингентъ каторжнаго населенія задерживается по распоряженію министерства внутреннихъ дѣлъ въ предѣлахъ Европейской Россіи, въ особыхъ центральныхъ тюрьмахъ, учрежденныхъ въ Симбирскѣ, Елецкѣ, Ново-Бѣлгородѣ, Ново-Борисоглѣбскѣ (харьковской губерніи) и въ Вильно. Въ виду этого воз-

никло предположеніе соорудить помѣщеніе на 1,300 каторжниковъ при нерчинскихъ рудникахъ и воспользоваться упраздненіемъ турьинскаго казеннаго завода въ пермской губерніи, для размѣщенія 500 каторжниковъ въ зданіяхъ, остающихся нынѣ безъ употребленія; кромѣ того, въ настоящее время разработывается проекъ объ отводѣ русской части острова Сахалина для устройства каторжныхъ работъ при тамошнихъ каменноугольныхъ копяхъ и вѣчной затѣмъ ссылкѣ туда окончившихъ сроки наказанія».

По поводу вышеизложеннаго коммисія пришла къ слѣдующимъ соображеніямъ:

«1) Размѣщеніе 1,800 каторжниковъ въ Нерчинскѣ и Туринскѣ будетъ только мѣрою временною, такъ какъ общая численность каторжныхъ помѣщеній, при ежегодномъ приращеніи преступниковъ, можетъ быть опредѣлена отъ 7 до 12 тысячъ человѣкъ (тогда какъ при исчисленіи издержекъ на постройку тюремъ коммисія считала каторжныхъ всего только 7,000 человѣкъ (пр. § 144), значитъ и издержки ея должно увеличить почти вдвое.

«2) Ссылка каторжныхъ на крайне отдаленный островъ Сахалинъ скроетъ, отъ населенія государства исполненіе высшаго уго-

ловнаго наказанія (развѣ изъ Сибири не такъ же «до Бога высоко, а до царя далеко», какъ и изъ Сахалина?) и крайнее проявленіе правосудія ограничить однимъ позорнымъ эшафотомъ, что врядъ-ли можно почитать достаточнымъ для обузданія человѣческой порочности: наказаніе имѣетъ въ виду не одно только возмездіе преступнику, но должно имѣть и характеръ предостереженія (объ исправленіи и тутъ ни слова).

«3) Каторжники образуютъ рабочую силу, драгоцѣнную особенно у насъ, въ виду почвенныхъ богатствъ государства и недостатка рабочихъ рукъ для ихъ разработки. Такая сила нуждается въ правильной организаціи, а не въ изгнаніи на окраины государства».

Затѣмъ коммисія находитъ, что «работы на золотыхъ пріискахъ представляютъ то неудобство, что возбуждаютъ постоянное искушеніе присвоенія золота и не представляютъ обезпеченія относительно продолжительности работъ, а слѣдовательно и прочности тюремныхъ учрежденій», тогда какъ «самая оплатность каторжныхъ тюремъ, какъ по основному капиталу, затраченному на устройство зданія, такъ и по издержкамъ, на содержаніе заключенныхъ, мыслима только тамъ, гдѣ

эксплоатація представляетъ постоянную, никакимъ случайностямъ неподвергающуюся выгоду», и, не находя въ законѣ указанія, чтобы «каторжныя работы должны непремѣнно отбываться въ Сибири», находитъ возможнымъ учреждать каторжныя тюрьмы и въ предѣлахъ Европейской Россіи, если встрѣтится возможность въ постоянно обезпеченныхъ работахъ» (пр. § 23); только въ виду главнаго условія наказанія — «тяжести работъ»—находитъ, что каторгѣ наиболѣе соотвѣтствуютъ «рудничныя и вообще минеральныя работы» (пр. § 109).

Наука уголовнаго права въ основу наказанія полагаетъ однѣ и тѣже цѣли, и самая справедливая, и практичная изъ нихъ — исправленіе преступника до возможности примиренія съ обществомъ. Мы думаемъ, что наказаніе лишеніемъ свободы было-бы равномѣрнѣе въ примѣненіи къ преступленіямъ; если-бы оно во всѣхъ степеняхъ было одно и тоже и различалось-бы только сроками заключенія; но мы допустили, въ видахъ полезности для самихъ преступниковъ и общества, отягченіе этого наказанія обязательной работой, высказали такъ-же, въ видѣ общаго вывода, что отягченіе участи осужденнаго, вводимое

при высшихъ срокахъ заключенія, не нарушаетъ пропорціональности наказанія, если служитъ только добавленіемъ къ нему, оставляя остальныя условія высшей и низшей тюрьмы одинаковыми, и потому не будемъ отрицать справедливости требованія для самыхъ высшихъ преступниковъ, каковы арестанты каторжныхъ тюремъ, болѣе тяжкихъ и продолжительныхъ работъ, съ тѣмъ однако же, чтобы работы эти были осмысленными и прибыльными для тюрьмы и арестантовъ; чтобы всѣ прочія условія ихъ жизни подчинялись одному общему для всѣхъ тюремъ уставу и чтобы, наконецъ, исправленіе и обезпеченіе по выходѣ изъ тюрьмы считались и для нихъ главными цѣлями. Затѣмъ, соглашаясь съ коммисіею, что человѣкъ не въ состояніи вѣчно выносить каторжныя работы, и въ виду того, что каторжники, по нашему законодательству, не могутъ возвращаться въ прежнюю общественную среду, а предназначаются къ поселенію на свободныхъ земляхъ въ отдаленной мѣстности—думаемъ, что практичнѣе всего ограничить закономъ срокъ каторги до возможнаго, или, по исполненіи ими $^1/_2$—$^1/_3$ срока заключенія, переводить на остальное время въ земледѣльческія тюрьмы,

устроенныя по образцу описанныхъ нами въ предыдущей статьѣ, въ мѣстности ихъ будущаго поселенія, откуда они должны быть обязательно поселены въ мѣстахъ новаго жительства, и чтобы срокъ содержанія ихъ въ каторжныхъ и земледѣльческихъ тюрьмахъ точно опредѣлялся въ приговорѣ суда и по волѣ начальства отнюдь не могъ быть увеличенъ или уменьшенъ, справедливость чего мы постараемся подтвердить при разсмотрѣніи «отношенія тюремнаго начальства къ арестантамъ».

Предложеніе это имѣетъ мѣсто, разумѣется, въ томъ лишь случаѣ, если бы удалось каторжныя работы пріурочить къ какому либо минеральному или заводскому производству, которое на долго обѣщало бы быть выгоднымъ для тюрьмы и арестантовъ, иначе трудно согласиться на огромныя затраты по устройству тюрьмы, которую черезъ нѣсколько лѣтъ придется упразднить. Въ такомъ случаѣ, то-есть если бы неудалось пріискать подобнаго производства, практичнѣе и каторжныя тюрьмы устроить наподобіе описанныхъ выше земледѣльческихъ, ухудшивъ положеніе арестантовъ лишними часами работы. Такъ, въ земледѣльческой назначить

10, напримѣръ, часовъ въ лѣтнее время (то-есть время полевыхъ работъ) и въ зимнее 8, а въ каторжныхъ 12 въ лѣтнее и 10 въ зимнее, посвятивъ 2 часа въ зимнее время во всѣхъ безъ исключенія тюрьмахъ на обязательное школьное занятіе, о чемъ мы поговоримъ впослѣдствіи, и, наконецъ, въ зимнее время можно употреблять каторжниковъ на работу, на устроенныхъ при тюрьмахъ фабрикахъ или заводахъ съ обезпеченнымъ на продолжительное время производствомъ—и тогда, разумѣется, не будетъ надобности переводить ихъ въ колонію ранѣе опредѣленнаго судомъ срока, такъ что, кромѣ отягченія работою, наказаніе болѣе тяжкихъ преступниковъ, арестантовъ каторжныхъ тюремъ, будетъ отличаться значительнымъ срокомъ заключенія.

ГЛАВА V.

Пріюты для состоящихъ подъ слѣдствіемъ.

Тюремная коммисія, какъ мы указали уже, предположила раздѣлить мѣста заключенія на предварительныя и исправительныя, съ установленіемъ существенныхъ различій въ

порядкѣ содержанія подслѣдственныхъ и подсудимыхъ арестантовъ и приговоренныхъ судомъ къ наказанію преступниковъ (§ 1). Подобное дѣленіе вполнѣ вытекаетъ изъ предшествовавшаго законодательства, справедливо и практично; но мы думаемъ, что отдѣляя людей непризнанныхъ еще виновными въ особыя мѣста заключенія и улучшая ихъ матеріальное положеніе, не слѣдовало бы упускать изъ виду и позора, сопряженнаго съ нахожденіемъ въ тюрьмѣ, подъ какимъ бы именемъ она ни существовала. Самыя названія—*тюрьма* и *арестантъ*—имѣетъ въ нашемъ обществѣ такое ужасное значеніе, что даже сочувственно встрѣченный обществомъ оправдательный приговоръ, не всегда въ состояніи примирить съ прошедшимъ. Позорныя воспоминанія нерѣдко преслѣдуютъ несчастнаго всю жизнь, и чѣмъ болѣе изглаживаются впечатлѣнія его невинности, тѣмъ безсердечнѣй вспоминаютъ, что онъ былъ въ тюрьмѣ, клеймятъ именемъ арестанта. Цѣль содержанія подслѣдственныхъ подъ стражею, какъ соглашается и коммисія, вызывается *въ видахъ прегражденія имъ возможности уклоняться отъ слѣдствія и суда, скрывать слѣды преступленія, сговариваться съ сообщ-*

никами, *подкупать и подставлять свидѣтелей* (пр. § 1). Къ чему же идти далѣе этихъ цѣлей? За что прибавлять горечь къ несчастію позорными—быть можетъ, не заслуженными—именами! Несправедливѣе ли называть тѣмъ, что они на самомъ дѣлѣ, есть т. е. *состоящими* подъ слѣдствіемъ, а мѣста ихъ заключенія *пріютами состоящихъ подъ слѣдствіемъ*.

Имя—не пустой звукъ; оно такъ сильно дѣйствуетъ на воображеніе, что даже люди умудренные лѣтами и опытомъ службы, каковы члены коммисіи, не въ силахъ были вполнѣ освободиться отъ обоянія этихъ роковыхъ именъ при подробной редакціи статей устава о содержащихся въ мѣстахъ предварительнаго заключенія. Задавшись высокогуманною мыслью: «*довести необходимое зло предварительнаго заключенія до наименьшихъ размѣровъ*» (пр. § 34), коммисія допустила въ мѣстахъ предварительнаго, также какъ и исполнительнаго, заключенія *наказаніе безъ суда* содержаніемъ въ карцерѣ съ постепенной строгостью и продолжительностью (§ 44); ограничила свиданія съ родственниками и посѣтителями разрѣшеніемъ прокурорскаго надзора, представивъ ему право опредѣлять и самыя условія свиданія (§ 62); запретила заключеннымъ раз-

говаривать другъ съ другомъ (пр. § 61) и, наконецъ, опредѣлила всѣхъ безъ исключенія арестантовъ содержать въ одиночномъ заключеніи, въ 15 кв. аршинъ пространства, при 3-хъ сажен. кубическ. содержанія воздуха (§ 56). Быть можетъ, 3-хъ саженей кубическ. содержанія воздуха и будетъ достаточно, если, впрочемъ, при вычисленіи принято амосовское, или паровое, отопленіе (такъ какъ иное при подобныхъ комнаткахъ немыслимо) и присутствіе въ комнаткѣ судна для испражненій; но нельзя не видѣть, что комнатка въ 4 арш. длины и $3^3/_3$ ширины, вмѣщающая притомъ кровать, судно, столикъ и умывальникъ, имѣющая, значитъ, свободнаго пространства не болѣе 3 арш. длины и $2^1/_2$ ширины, настолько стѣснитъ движеніе, что едва ли не отзовется пагубно на организмѣ заключеннаго. Правда, коммисія приняла этотъ minimum размѣра какъ крайность, обусловленную объемомъ предназначенныхъ къ передѣлкѣ зданій, высказавъ при этомъ, что «чѣмъ удобнѣе по пространству и кубическому содержанію воздуха будетъ помѣщеніе, тѣмъ правильнѣе будутъ соблюдены требованія справедливости (пр. § 56). Но существуетъ ли подобная крайность въ дѣй-

ствительности? Зданій съ комнатками въ 15 кв. арш. пространства у насъ до сихъ поръ несуществовало; наименьшая ширина обыкновеннаго дома отъ 4 до 6 саженей. Домъ, раздѣленный на такія мелкія клѣтки, представляя почти сплошную массу кирпича, обошелся-бы въ 10—15 разъ дороже обыкновеннаго; значитъ о необходимости въ имя экономіи тутъ не можетъ быть и рѣчи.

Другой вопросъ: дѣйствительно-ли необходимо всѣхъ находящихся подъ слѣдствіемъ содержать въ особыхъ комнатахъ? Въ примѣчаніи къ 419 ст. «Уст. уг. судопр.» (изданія государственной канцеляріи) сказано: «главнымъ основаніемъ опредѣленія мѣры пресѣченія обвиняемому способовъ уклоняться отъ слѣдствія должны служить: свойство преступленія, въ которомъ онъ обвиняется, и родъ наказанія, которому онъ можетъ подвергнуться; всѣ же другія соображенія могутъ быть принимаемы во вниманіе лишь въ извѣстныхъ предѣлахъ». Слѣдовательно. *Сокрытіе слѣдовъ преступленія, возможность сговариваться и подкупать свидѣтелей и тому подобное* признаны закономъ не настолько существенными, чтобы во имя однихъ лишь этихъ соображеній подвергать заключеннаго такому

тяжкому мученію, какъ одиночное заключеніе въ клѣткѣ въ 15 к. арш. пространства. Что подобныя мѣры предосторожности несущественны и для самаго производства слѣдствія, убѣждаютъ 417 и 418 ст. «Уст. угол. судопр.», которыя высшею мѣрою обезпеченія противу обвиняемыхъ въ преступленіяхъ, подвергающихъ заключенію въ тюрьмѣ, смирительномъ домѣ и крѣпости, допускаютъ отдачу на поруки, а при ограниченіи правъ и преимуществъ требованіе залога; даже противу обвиняемыхъ въ самыхъ тяжкихъ преступленіяхъ, влекущихъ за собою ссылку въ Сибирь на поселеніе, или въ каторжныя работы, содержаніе подъ стражею не признано непремѣнною, а только высшею мѣрою обезпеченія. Изъ этихъ общихъ положеній нельзя не усмотрѣть, что законодатель не опасается гадательныхъ предположеній о возможности сокрытія слѣдовъ преступленія настолько даже, чтобы лишить обвиняемаго свободы и безъ отягченія участи его одиночнымъ заключеніемъ. Но если и возможно допустить въ нѣкоторыхъ случаяхъ необходимость подобной мѣры, то какъ исключеніе, крайность, и притомъ лишь въ началѣ слѣдствія, пока дѣло невыяснилось до возможности преслѣдованія; продол-

жать-же эту мѣру еще нѣсколько мѣсяцевъ до суда, *съ воспрещеніемъ разговора, даже во время прогулокъ*, (§ 61) *и ограниченіемъ права на свиданіе съ родственниками* (§ 62), было-бы безполезно для дѣла и безчеловѣчно.

Что же касается наказанія заключенныхъ *безъ суда*, то въ этомъ не имѣется необходимости ни въ первый, ни въ послѣдующіе періоды заключенія, такъ какъ они все время находятся въ раіонѣ мѣстныхъ судебныхъ учрежденій и не лишены еще гражданскихъ правъ. Такъ во имя чего же ставить ихъ внѣ общаго закона, по которому «никто не можетъ быть наказанъ за преступленіе, или проступокъ, подлежащіе вѣдѣнію судебныхъ учрежденій, не бывъ присужденъ къ наказанію приговоромъ подлежащаго суда, вошедшимъ въ законную силу (ст. I Уст. угол. судопр.)?

Несправедливость и непрактичность подобнаго изъятія, а равно и то, что въ тюрьмѣ не существуетъ проступковъ и преступленій, непредвидѣнныхъ общими уголовными законами, мы постараемся доказать при разсмотрѣніи «жизни заключенныхъ и отношеній ихъ къ начальству». Ограничимся лишь указаніемъ на то неестественно возбужденное состояніе, въ какомъ находится большинство

состоящихъ подъ слѣдствіемъ; одного этого, думаемъ, уже достаточно, чтобы желать болѣе спокойнаго и безпристрастнаго отношенія къ ихъ поступкамъ, чѣмъ можно ожидать отъ смотрителя, или слѣдователя, которые такъ привыкли къ подобному положенію, что едва ли въ состояніи придать ему должное значеніе при наложеніи взысканія. Наконецъ, не опытный и рьяный слѣдователь можетъ пользоваться правомъ заключенія въ карцеръ, какъ лучшимъ средствомъ побѣдить упорство запирающагося или отмстить дерзкому за ловкую защиту, подвергая такимъ образомъ, по своему капризному усмотрѣнію, пыткѣ ужаснымъ карцеромъ, быть можетъ, совершенно невинныхъ людей, которыхъ комисія имѣла въ виду, кромѣ лишенія свободы, не подвергать никакимъ другимъ стѣсненіямъ (пр. § 41).

Нужно отдать, впрочемъ, полную справедливость коммисіи: кромѣ указанныхъ стѣсненій, она всячески старалась облегчить участь подслѣдственныхъ арестантовъ, дозволивъ желающимъ носить собственную одежду (§ 53), имѣть постель, мебель, книги и письменныя принадлежности (§ 57), продовольствоваться на собственный счетъ (§ 59), курить табакъ

(§ 60); для прогулокъ ихъ, такъ же какъ и для заключенныхъ въ арестные и смирительные дома, проектировала имѣть небольшіе садики (§ 29) и дозволила заниматься работами только по желанію (§ 41)—заслуга тѣмъ болѣе важная, что въ этомъ случаѣ она совершенно справедливо пошла въ разрѣзъ съ дѣйствующимъ тюремнымъ уставамъ, который подобныя льготы давалъ содержащимся въ тюрьмѣ по приговорамъ суда за проступки и преступленія, не дозволяя въ то же время подслѣдственнымъ арестантамъ никакихъ улучшеній въ содержаніи и обязывая ихъ заниматься приличными ихъ полу, званію и возрасту работами по распоряженію тюремнаго начальства (ст. 159 и 201).

Наконецъ, «имѣя въ виду благотворное вліяніе, какое производитъ на человѣка религія, и особенно во время скорби, коммисія признала необходимымъ, чтобы служащій при домѣ священникъ носѣщалъ заключенныхъ, какъ для надлежащихъ духовныхъ увѣщаній, такъ и вообще для бесѣды съ ними, не менѣе двухъ разъ въ недѣлю и вообще смотря по надобности» (§ 63). Эти любящимъ сердцемъ написанныя статьи устава лишній разъ заставляютъ пожалѣть, что коммисія не отне-

слась такъ же примирительно къ арестантамъ мѣстъ исполнительнаго заключенія; тогда навѣрно ей удалось бы создать образцовый тюремный уставъ для государства, болѣе другихъ приспособленнаго, по ея словамъ, къ учрежденію образцовой тюремной системы (пр. § 33).

Нельзя не пожалѣть также, что коммисія лишила всѣхъ этихъ льготъ и преимуществъ лицъ, о которыхъ состоялись окончательные приговоры, но ожидающихъ послѣдствій поданныхъ ими кассаціонныхъ жалобъ, или обращенія приговора къ исполненію (§ 65), «не видя основанія предоставлять осужденнымъ, хотя и не окончательно, тѣ льготы и преимущества, которыми должны пользоваться, до постановленія судомъ приговора, лица, которыхъ судебная власть *только подозрѣваетъ* въ совершеніи преступленія (пр. § 65). Нельзя, не согласиться съ коммисіею, что по произнесеніи приговора *подозрѣнія въ преступленіи, дѣлаются вѣсче*, какъ подкрѣпленныя новымъ и болѣе компетентнымъ авторитетомъ, но не слѣдуетъ упускать изъ виду и того, что законъ допускаетъ въ извѣстныхъ случаяхъ отмѣну приговора и оправданнаго новымъ судомъ считаетъ такимъ же невиннымъ, какъ и оправ-

даннаго первымъ судомъ. Къ чему же торопиться лишать его льготъ, которыя, строго говоря, не сдѣлали бы помѣхи правосудію, если бы были распространены и на арестантовъ мѣстъ исполнительнаго заключенія? А между тѣмъ лишеніе этихъ невинныхъ льготъ въ тюрьмѣ, гдѣ онѣ допущены для остальныхъ, тяжелѣе подѣйствуетъ на исключенныхъ, чѣмъ въ послѣдующей тюрьмѣ, гдѣ онѣ вовсе не допускаются, раздражитъ и ожесточитъ ихъ безъ всякой пользы для правосудія. Дѣйствующее законодательство также предписываетъ отдѣлять подобныхъ людей отъ сообщества съ прочими арестантами, такъ какъ въ существующихъ тюрьмахъ, большая часть подслѣдственныхъ находится въ общихъ камерахъ; но отдѣленіе это мотивируетъ лишь желаніемъ, «дабы духовный отецъ наединѣ приготовилъ ихъ назиданіемъ къ достойному принятію св. таинъ и къ перенесенію заслуженнаго наказанія съ христіанскою покорностію и раскаяніемъ» (ст. 54, Уст. о сод. подъ стр., п. 6).

«Лицъ, содержащихся въ мѣстахъ предварительнаго заключенія, коммисія подраздѣляетъ на три категоріи: 1) состоящихъ подъ судомъ и слѣдствіемъ, 2) обвиненныхъ су-

домъ и ожидающихъ исполненія надъ ними приговора и 3) задерживаемыхъ полиціею (§ 2). Лицъ первыхъ двухъ категорій она предположила содержать въ описанныхъ выше *домахъ судебнаго заключенія*, а послѣдней — *въ мѣстахъ предварительнаго полицейскаго задержанія* (§ 4), такъ какъ задерживаемые полиціею *(обыкновенно только на нѣсколько часовъ)* по подозрѣнію въ совершеніи преступленія, до составленія о нихъ подлежащею властію постановленія о взятіи подъ стражу, принятіи какой либо другой мѣры пресѣченія, или о совершенномъ освобожденіи отъ прослѣдованія, не могутъ быть, по мнѣнію коммисіи, помѣщаемы въ домахъ предварительнаго заключенія. Въ мѣстахъ предварительнаго полицейскаго задержанія она опредѣляетъ также содержать (отдѣльно отъ вышеозначенныхъ лицъ) взятыхъ на улицахъ и площадяхъ: пьяныхъ—до вытрезвленія, а развратныхъ женщинъ—до отправленія во врачебно-полицейскій комитетъ, для освидѣтельствованія (пр. § 2). Мѣста предварительнаго судебнаго заключенія коммисія совѣтуетъ устраивать въ губернскихъ и уѣздныхъ городахъ и другихъ мѣстностяхъ по мѣрѣ надобности (§ 17), а полицейскія въ уѣздахъ—при воло-

стныхъ управленіяхъ, а въ городахъ — при полицейскихъ управленіяхъ и частяхъ, гдѣ должны помѣщаться и лица задержанныя полиціею административнымъ порядкомъ» (§ 16).

Отъ задержанія до явки на судъ, подозрѣваемый въ преступленіи является въ трехъ совершенно различныхъ отношеніяхъ къ производящемуся о немъ слѣдствію. Въ началѣ встрѣчается необходимость присутствія его при производствѣ слѣдствія на мѣстѣ совершенія преступленія; требуется въ отношеніи къ нему усиленная предосторожность для воспрепятствованія сокрытія слѣдовъ преступленія, возможности сговариваться, подкупать и подставлять свидѣтелей. Затѣмъ, когда исполнены всѣ первоначальныя формальности слѣдствія, дѣло разъяснилось до того, что личное присутствіе обвиняемаго на мѣстѣ преступленія не считается необходимымъ,— главные свидѣтели спрошены, такъ что разногласія ихъ, если-бы они и перемѣнили впослѣдствіи свои показанія, могли-бы обнаружиться,—усиленная предосторожность противу обвиняемаго дѣлается уже излишнею (думая иначе, можно было бы дойти до необходимости арестовать и родственниковъ, и пріятелей находящагося подъ слѣдствіемъ

чтобы и они не могли повліять на свидѣтелей). Когда же слѣдствіе совершенно окончится, то единственною цѣлью задержанія остается предосторожность противу уклоненія обвиняемаго отъ суда. На основаніи подобныхъ соображеній, *пріюты для подслѣдственныхъ, присутствіе которыхъ на мѣстѣ совершенія преступленія не требуется, слѣдуетъ устраивать въ мѣстахъ постояннаго или временнаго пребыванія окружныхъ судовъ; для тѣхъ же, чье присутствіе почитается необходимымъ на мѣстѣ преступленія, въ городѣ—гдѣ будутъ устроены пріюты, помѣщать въ нихъ; въ остальныхъ же мѣстахъ, и особенно въ деревняхъ, практичнѣе всего пользоваться мѣстными средствами, помѣщая задержанныхъ въ особомъ отдѣленіи сборной избы, или даже въ частномъ жилищѣ.* Устройство особыхъ помѣщеній при волостяхъ (которыхъ по указанію коммисіи, считается въ Имперіи не менѣе 10 т. (пр. §§ 48, 49 и 50), потребовало бы значительныхъ затратъ, и все-таки не удовлетворило бы необходимости имѣть обвиненнаго на мѣстѣ преступленія, такъ какъ многія деревни отстоятъ отъ волости на 15—25 верстъ; съ другой стороны, отсутствіе въ волостяхъ правильнаго судебнаго надзора грозитъ обратить эти пріюты въ

опасные вертепы, гдѣ писаря стараго закала или опытные проходимцы успѣютъ направить дѣло такъ, что самый опытный слѣдователь окажется безсильнымъ для отысканія истины. Наконецъ, слѣдователю пришлось бы терять много времени на доставку обвиняемаго изъ волости въ мѣсто совершенія преступленія, особенно если въ этомъ встрѣтится необходимость нѣсколько разъ, и на мѣстѣ преступленія все-таки нельзя было бы обойтись безъ особаго помѣщенія, такъ какая же надобность въ помѣщеніяхъ при волостяхъ? Устройство предварительныхъ мѣстъ задержанія при полицейскихъ частяхъ въ городахъ неудобно допустить потому, что въ большинствѣ подобныхъ городовъ будутъ устроены пріюты для подслѣдственныхъ (для чего удобно было бы воспользоватся упраздняемыми тюрьмами); слѣдовательно, въ лишнемъ мѣстѣ заключенія не представляется надобности. Да и тамъ, гдѣ не будетъ пріютовъ, удобнѣе устраивать особыя помѣщенія, такъ какъ полицейскія чиновники, при безпрерывности и подвижности ихъ службы рѣдко находятся въ частяхъ; особыхъ смотрителей для подобныхъ помѣщеній, кромѣ столицъ, почти нигдѣ нѣтъ; да и практично ли бы было, вмѣсто одного

въ пріютѣ, содержать 3—4 въ частяхъ, такъ что надзоръ за арестованными, особенно въ уѣздныхъ городахъ, de facto находится въ рукахъ полицейскихъ служителей, которые въ свою очередь не придаютъ этому занятію особаго значенія, какъ дѣлу второстепенному въ ихъ обязанности? Кромѣ того, части въ продолженіе цѣлаго дня посѣщаются многими посторонними, такъ что позоръ ареста можетъ скорѣе огласиться, что весьма неудобно, какъ въ интересахъ слѣдствія, такъ особенно для самихъ обвиняемыхъ. При постоянномъ наплывѣ въ частяхъ народа, труднѣе отстранить недозволенныя сношенія съ заключенными, и, наконецъ, въ частяхъ подъ арестантскія, какъ учрежденія побочныя, отводятся обыкновенно самыя дурныя помѣщенія. Всѣ подобныя неудобства, при полномъ отсутствіи контроля, и обратили арестантскія при частяхъ въ самыя ужасныя тюрьмы, которыя можно только упразднить, но не исправить. Сошлемся въ этомъ, между прочимъ, на описаніе этихъ мѣстъ заключенія при с.-петербургскихъ частяхъ въ сочиненіи г. Никитина.

Съ упраздненіемъ мѣстъ задержанія при полицейскихъ частяхъ, облегчилась бы и доставка задержаннаго въ пріютъ, такъ какъ,

при предлагаемомъ коммисіею арестованіи, его пришлось бы доставить сначала въ часть и потомъ въ тюрьму—здѣсь же прямо въ пріютъ; уменьшились бы случаи неправильнаго задержанія, такъ какъ полиція, не имѣя спеціальныхъ познаній о важности уликъ и въ то же время опасаясь ошибокъ, нерѣдко арестовываетъ такихъ людей, которыхъ слѣдователю приходится освобождать. Наконецъ, предназначаемые коммисіею къ содержанію при полицейскихъ частяхъ задерживаются, по ея свидѣтельству, *«обыкновенно только на нѣсколько часовъ»* (§ 2). Практично ли для подобной цѣли устраивать нѣсколько тысячъ особыхъ мѣсть задержанія въ городахъ и болѣе 10 тысячъ при волостяхъ, когда возможно обойтись и безъ этого? Намъ могутъ возразить, что мѣста эти уже существуютъ при частяхъ; но, во 1-хъ, коммисія требуетъ для задержанныхъ по подозрѣнію въ совершеніи преступленій мѣста отдѣльныя отъ арестованныхъ административнымъ порядкомъ (пр. § 2); а во всѣхъ ли частяхъ губернскихъ и уѣздныхъ городовъ имѣется такое большое помѣщеніе, чтобы, кромѣ своихъ надобностей, устраивать еще по двѣ тюрьмы съ проектируемыми приспособленіями? Да и во 2-хъ,

затрачивая 25 м. для арестантовъ мѣстъ исполнительнаго заключенія, справедливо ли содержать людей — быть можетъ и неправильно задержанныхъ—въ такихъ ужасныхъ вертепахъ, какъ арестантскія при полицейскихъ частяхъ? Думаемъ, что и нищихъ, пьяныхъ, развратныхъ женщинъ и другихъ, временно-задерживаемыхъ полиціею, гораздо удобнѣе поручать надзору благотворительныхъ обществъ, или городскихъ управленій, приспособивъ къ тому одну или нѣсколько полицейскихъ частей; это могло бы устранить много ошибокъ и злоупотребленій при арестѣ, сдѣлало бы фактъ ареста доказательнымъ, такъ какъ арестованный сдавался бы въ пріютъ подъ росписку, тогда какъ въ настоящее время подобной гарантіи не существуетъ, и, во 2-хъ, установился бы лишній контроль надъ арестовывающими, такъ какъ пріютъ могъ бы, въ случаѣ надобности, засвидѣтельствовать, въ какомъ положеніи былъ доставленъ задержанный, и, наконецъ, полиція навѣрно рѣже стала бы при задержаніи «*просить честію*», такъ какъ фонарь-другой не такъ легко исчезаетъ, чтобы этого не замѣтили при скорой доставкѣ въ пріютъ.

Пріюты, для состоящихъ подъ слѣдствіемъ

не имѣя значенія тюрьмы, во всемъ должны имѣть видъ частнаго жилища. Въ нихъ не слѣдуетъ допускать никакихъ стѣсненій въ жизни и привычкахъ, кромѣ лишенія свободы. Не должно подвергать провинившихся безъ суда никакому наказанію. Въ отдѣльныя камеры помѣщать, кромѣ желающихъ, если бы не встрѣтились въ томъ затрудненія, только лицъ, слѣды преступленія которыхъ еще не открыты и представляется вѣроятность опасаться, что сообщество съ другими поможетъ ихъ скрыть. Такихъ людей ежедневно должны навѣщать священникъ, докторъ и смотритель, какъ для назиданія, такъ и для отвращенія и предупрежденія возможнаго въ подобномъ положеніи умопомѣшательства. О помѣщеніи въ отдѣльную камеру слѣдователь обязанъ составить немедленно протоколъ, копію съ котораго представить не позже 24 часовъ въ окружный судъ, отъ усмотрѣнія котораго зависитъ продолженіе этой мѣры. Камеры для одиночнаго заключенія не могутъ заключать въ себѣ менѣе 36 кубич. арш., 6 арш. въ длину и 6 арш. въ ширину, при высотѣ не менѣе 4 арш. Остальные заключенные должны помѣщаться въ просторныхъ и высокихъ комнатахъ, устроенныхъ на 5—10

человѣкъ. Надзоръ надъ пріютами практичнѣе всего поручить окружнымъ судамъ, а гдѣ таковыхъ не имѣется—съѣздамъ мировыхъ судей; прокурорскому же надзору предоставить право, наравнѣ съ защитникомъ и тюремными комитетами, обращаться въ судъ съ просьбами о принятіи извѣстныхъ мѣръ въ интересахъ слѣдствія и обвиненія. Подчиненіе надзора надъ пріютами прокурорской власти, какъ предлагаетъ это коммисія (пр. § 1), несправедливо и непрактично, въ виду того, что прокуроръ является на судѣ обвинителемъ, и потому арестованные недовѣрчиво относятся къ подобному покровителю. Прокуроръ, въ свою очередь, неохотно ссорится съ начальствомъ за людей, за которыхъ, быть можетъ, придется потерпѣть публичное пораженіе отъ защиты. Власть и положеніе не настолько мѣняютъ человѣка, чтобы изгладить въ немъ даже ложное самолюбіе. Удачное обвиненіе можетъ составить прокурору имя и репутацію вѣрнѣе всякой другой его дѣятельности, и потому — хотя это и грустно, однако же весьма возможно—что онъ не только сквозь пальцы будетъ смотрѣть на нѣкоторыя недозволенныя закономъ стѣсненія арестованныхъ, но, пожалуй, даже

и поощрить это, если бы показалось выгоднымъ въ видахъ обвиненія. Наконецъ, нельзя не согласиться, что судъ компетентнѣе прокурора въ подобномъ дѣлѣ, уже какъ учрежденіе коллегіальное, слѣдовательно имѣющее болѣе возможности разностороннѣе и безпристрастнѣе обсудить принимаемую въ извѣстномъ случаѣ мѣру.

ГЛАВА VI.

Временныя правила для лицъ, подвергаемыхъ аресту по приговорамъ мировыхъ судей и ихъ съѣздовъ.

4-го іюля 1866 года опубликовано Высочайше утвержденное мнѣніе государственнаго совѣта о временныхъ правилахъ для лицъ, подвергаемыхъ аресту по приговорамъ мировыхъ судей и ихъ съѣздовъ, въ силу котораго повелѣно учредить особыя помѣщенія, по одному или болѣе для каждаго мирового участка, или же по одному для двухъ и болѣе участковъ, смотря по числу осуждаемыхъ и по разстояніямъ между мировыми участками (ст. 5). Устройство и содержаніе этихъ помѣ-

щеній отнесено на счетъ земства (ст. 1). Завѣдываніе ими, всѣ хозяйственныя распоряженія и назначеніе должностныхъ лицъ возложено на уѣздныя земскія управы (ст. 2). Для общаго надзора за содержаніемъ заключенныхъ, согласно установленнымъ въ законѣ правиламъ, мировому съѣзду вмѣнено избирать изъ своей среды или изъ посторонних благонадежныхъ лицъ особаго попечителя для каждаго помѣщенія, который о всѣхъ замѣченныхъ имъ неисправностяхъ обязанъ сообщать управѣ (ст. 3). Подобная-же обязанность возложена также на мѣстнаго товарища прокурора, начальника мѣстной полиціи и командируемыхъ для сего губернаторомъ другихъ должностныхъ лицъ, которымъ открытъ въ помѣщеніе свободный доступъ во всякое время, и о всѣхъ замѣченныхъ ими несоблюденіяхъ предписанныхъ закономъ правилъ опредѣлено доводить до свѣдѣнія губернатора, который, если признаетъ ихъ справедливыми, поступаетъ на основаніи 10 ст. положенія о земскихъ учрежденіяхъ (ст. 4).

Не смотря на вполнѣ справедливое основаніе—отдѣлить менѣе важныхъ преступниковъ отъ болѣе испорченныхъ и закоренѣлыхъ, мы не можемъ, однакожь, не остановиться на пра-

ктической сторонѣ вопроса: объ учрежденіи такого множества новыхъ мѣстъ заключенія. Во многихъ губерніяхъ ихъ учредили при каждомъ волостномъ правленіи, то-есть отъ 100 до 150 въ губерніи, руководствуясь совершенно основательными соображеніями, что отправка того, кому опредѣленъ арестъ на нѣсколько дней въ станъ или уѣздъ, отстоящій иногда отъ деревни на 50—100 верстъ, отняла-бы у арестованнаго, а иногда съ нимъ и сотника или разсыльнаго, 4—5 дней пути въ оба конца. Не говоря уже о дороговизнѣ подобнаго нововведенія, возможенъ-ли за такимъ множествомъ мѣстъ заключенія надзоръ, какого желалъ законодатель? Въ противномъ случаѣ, что мѣшаетъ имъ, при непросвѣщенномъ надзорѣ волостныхъ старшинъ, обратиться въ вертепы болѣе ужасные, чѣмъ каторжная работа? Учрежденіе это существуетъ 3—4 года, а ужь сколько самыхъ желчныхъ жалобъ слышится повсюду на произволъ и стѣсненія, происходящія въ нихъ вопреки закона! Еслибы ихъ сократить даже до 50 на губернію, сколько потребовалось-бы особыхъ попечителей, смотрителей, сторожей и прочихъ надзирателей; какихъ они стоили-бы денегъ, чтобы не походить на полицейскіе

вертепы, подобные описаннымъ у г. Никитина въ его обзорѣ петербургскихъ мѣстъ заключенія? Наконецъ, и безъ нихъ у насъ тьма-темъ мѣстъ заключеній: въ губернскихъ городахъ по четыре тюрьмы (арестантскія роты, рабочій и смирительный дома и острогъ) да 2—3 полицейскія части; въ уѣздномъ — острогъ да одно-два помѣщенія при полицейскихъ частяхъ; въ уѣздахъ: при каждомъ волостномъ и сельскомъ правленіи, становыхъ квартирахъ и полицейскомъ управленіи. Многочисленность и разнохарактерность этихъ благихъ притоновъ устраняетъ всякую возможность правильнаго надзора за ними, чрезъ что характеръ ихъ измѣняется лицами, коимъ порученъ надзоръ, до того, что заключеннымъ, положеніе которыхъ законъ желалъ смягчить даже до тѣхъ гуманныхъ размѣровъ, какъ содержащимся по приговорамъ мировыхъ судей, — наказаніе это можетъ выдти болѣе тяжкимъ и оскорбительнымъ, чѣмъ самымъ тяжкимъ преступникамъ, находящимся подъ управленіемъ болѣе образованныхъ и честныхъ начальниковъ, которые у насъ, правда, большая рѣдкость, но все-таки же могутъ быть скорѣе въ тюрьмахъ болѣе важ-

ныхъ преступниковъ, такъ какъ тѣ мѣста выше по службѣ и болѣе обезпечены.

Съ другой стороны, въ уставѣ о наказаніяхъ, налагаемыхъ мировыми судьями, попадается много такихъ маловажныхъ или происходящихъ часто единственно отъ незнанія или непониманія спеціальныхъ полицейскихъ постановленій проступковъ, за которые, однакожъ, полагается арестъ, что могущихъ подвергнуться этому наказанію, не только несправедливо и безчеловѣчно содержать со строгостію важныхъ преступниковъ, но несправедливо даже опозоривать однимъ названіемъ «содержащихся въ тюрьмѣ».

Согласовать эти два совершенно противоположныя требованія мы не видимъ никакой возможности; но прежде, чѣмъ подать свой голосъ за или противъ вполнѣ гуманнаго нововведенія 4-го іюля 1866 года, позволимъ себѣ коснуться тѣхъ проступковъ, за которые опредѣляется арестъ во вновь учреждаемыхъ помѣщеніяхъ при мировыхъ участкахъ, хотя, должны сознаться, это выйдетъ нѣсколько изъ тѣсной рамки разбора уставовъ о содержащихся подъ стражею.

Въ Уставѣ о наказаніяхъ, налагаемыхъ мировыми судьями, предвидѣны проступки,

за которые опредѣленъ арестъ безъ замѣны его какимъ-либо другимъ наказаніемъ, и такіе, за кои назначенъ арестъ или денежное взысканіе. Къ первой категоріи отнесены 1) обиды дѣйствіемъ полицейскихъ и другихъ стражей во время отправленія ими должности (2 пр. 31 ст.) *); 2) обиды на словахъ или письмѣ родственнику по восходящей линіи (ст. 132); 3) обиды дѣйствіемъ безъ всякаго повода со стороны обиженнаго (ст. 134); 4) обиды дѣйствіемъ съ обдуманнымъ заранѣе намѣреніемъ или же въ публичномъ мѣстѣ или многолюдномъ собраніи, а равно лицу, хотя и несостоящему съ обидчикомъ въ родствѣ по восходящей линіи, но имѣющему, по особымъ къ нему отношеніямъ, право на особое уваженіе или же лицу женскаго пола (ст. 135); 5) за клевету на словахъ или на письмѣ (ст. 146); 6) за самоуправство, а равно за употребленіе насилія, однако безъ нанесенія тяжкихъ побоевъ, ранъ, и увѣчья (ст. 142); 7) за отказъ въ доставленіи нуждающимся родителямъ необходимыхъ для жизни пособій, при имѣніи достаточныхъ къ тому средствъ

*) Въ этой главѣ статьи изъ устава о наказаніяхъ налагаемыхъ мировыми судьями будутъ означены одною цифрою, безъ дальнѣйшихъ указаній.

(ст. 143); 8) за подкинутіе или оставленіе ребенка, однако не въ такихъ мѣстахъ, гдѣ нельзя ожидать, что онъ будетъ найденъ другими, если это сдѣлано родителями или вообще лицами, обязанными имѣть попеченіе о ребенкѣ (ст. 144); 9) за ослушаніе или неповиновеніе, однако безъ насилія (ст. 28), оказанное лѣснымъ чинамъ или стражѣ, виновные въ похищеніи или самовольной порубкѣ, независимо отъ слѣдующаго съ нихъ денежнаго взысканія (ст. 167), и 10) за присвоеніе или растрату чужаго движимаго имущества, ввѣреннаго для храненія, переноски или перевозки или же опредѣленнаго употребленія; если, при этомъ, растрата совершена только по легкомыслію, то виновные добровольно обязываются вознаградить потерпѣвшаго убытокъ.

Проступки, предвидѣнные въ статьяхъ: 31 (по 2 пр.), 132, 134, 135 и 142, какъ нельзя ближе подходятъ подъ прекрасно-охарактеризованное законодателемъ, въ уставѣ с.-петербургскаго исправительнаго заведенія, понятіе «о людяхъ продерзостныхъ, поведеніемъ своимъ повреждающихъ добронравіе, наносящихъ стыдъ и зазоръ обществу», и потому подобныхъ людей справедливѣе, быть можетъ

многихъ другихъ, несущихъ за поступки свои тюремное заключеніе, помѣщать въ тюрьмѣ. Личность частнаго человѣка, въ противоположность служащему, всегда у насъ такъ слабо была гарантирована закономъ даже отъ тяжкихъ оскорбленій дѣйствіемъ, что въ большинствѣ подобныхъ оскорбленій обиженные рѣшались лучше прибѣгать къ личной кулачной расправѣ или дуэли, нежели искать защиты въ законѣ. Только строгое и позорное наказаніе обидчиковъ, и при томъ наказаніе, основанное не на произвольномъ толкованіи фактовъ, въ силу 119 ст., по внутреннему убѣжденію судьи, а безразличное примѣненіе ареста къ каждой кулачной расправѣ хотя бы вызванной словесной обидою, чтобы тѣмъ рѣзче положить границу между оскорбленіями словомъ и дѣйствіемъ,—можетъ успокоить самолюбіе оскорбленнаго на столько, чтобы не выдти самому изъ предѣловъ сдержанности и должнаго уваженія, въ лицѣ обидчика, ко всему человѣчеству.

Подъ клеветою (ст. 136) подразумѣвается сознаніе ложности взводимаго на оклеветаннаго обвиненія. Какъ часто, при непростительной, но, тѣмъ не менѣе, почти обще-человѣческой слабости поразсказать кое-что о

ближнемъ, мѣшая слышанное съ предполагаемымъ, самый скромный и незлобивый человѣкъ, единственно лишь чтобы повторить слышанное ранѣе другихъ, разсказываетъ про пріятеля оскорбительные и вредные для него слухи, не подозрѣвая даже вреда и оскорбительности, и въ концѣ концовъ немогущій дать себѣ отчета, что слышалъ отъ другихъ и кого именно и что прибавлено его собственными соображеніями и предположеніями. Въ какое же положеніе будетъ поставленъ судья, видящій предъ собою, съ одной стороны, сознающагося и, быть можетъ, даже излишнимъ раскаяніемъ усиливающаго значеніе клеветы простяка, и, съ другой, сильно взволнованнаго и оскорбленнаго гласностію клеветы обвинителя, указывающаго на 136 ст., недопускающую никакого другаго наказанія, кромѣ ареста, или, при болѣе опытномъ обвиненномъ, ссылку на множество лицъ, отъ которыхъ онъ слышалъ разсказанное имъ— ссылку, угрожающую принять размѣры процесса чуть ли не противъ цѣлой мѣстности?

Достигаетъ ли, въ подобныхъ случаяхъ, наказаніе цѣли хоть разъясненія ложныхъ слуховъ про оклеветаннаго? Большинство слышавшихъ ложь, легко случиться, и не

узнаетъ о возбужденномъ противъ клеветника процессѣ и его послѣдствіяхъ, многіе отнесутся къ обвиненію недовѣрчиво или будутъ сожалѣть, поплатившагося слишкомъ серьезно за то, что они всѣ сами слышали и повторяли. Иногда даже и судья, не имѣя права перейти съ ареста къ болѣе легкому взысканію, въ виду мелочности и неумышленности клеветы, оправдаетъ вовсе обвиняемаго и тѣмъ поставитъ оклеветаннаго еще въ болѣе невыгодное положеніе человѣка, немогшаго доказать, что распущенный про него слухъ былъ клеветою.

Мы думаемъ, самою раціональною мѣрою противъ клеветниковъ было бы опубликованіе въ мѣстныхъ газетахъ приговора суда по обвиненію ихъ въ клеветѣ и, наконецъ, денежное взысканіе и вознагражденіе за убытки, если вслѣдствіе ихъ клеветы оклеветанный лишился мѣста или кредита.

За отказъ въ доставленіи нуждающимся родителямъ необходимыхъ для жизни пособій при имѣніи достаточныхъ къ тому средствъ (ст. 143) практичнѣе ограничиться предписаннымъ сею статьею, сверхъ ареста, однимъ лишь обязательствомъ къ производству соразмѣрнаго съ средствами пособія, такъ какъ, не говоря,

уже о спорномъ понятіи, о достаточности средствъ, арестъ можетъ лишить обвиненнаго мѣста и вмѣстѣ съ нимъ средствъ не только помогать родителямъ, но и содержать себя съ семьею, своихъ дѣтей, отъ чего существенная часть постановленія суда о пособіи можетъ сдѣлаться невыполнимою отъ добавочной. Отмѣна карательной мѣры, въ подобномъ случаѣ, тѣмъ болѣе у насъ не опасна, что большинство крестьянъ и мѣщанъ отдаютъ обыкновенно родителямъ почти весь свой заработокъ, въ чемъ можно убѣдиться изъ книгъ любой почтовой конторы. Въ болѣе же цивилизованныхъ классахъ общества, оставленіе родителей и даже другихъ бѣдныхъ родственниковъ безъ помощи, когда имѣются на это средства, кладетъ такой позоръ на репутацію человѣка, что и безъ угрозы наказаніемъ этого почти не случается. Гораздо чаще подобные процессы возникаютъ вслѣдствіе излишней требовательности родителей, желающихъ часто руководить дѣтьми по гробъ жизни, не смотря на то, что они, быть можетъ, и сами уже отцы и дѣды. Наконецъ, въ нашъ практически-матеріальный вѣкъ опасно такъ рѣзко ставить вопросы патріархальнаго значенія, чтобы не возбудить

тѣмъ до отвѣта о невыгодѣ имѣть родителей; гораздо практичнѣе закону порѣже переступать завѣтный порогъ семьи: пусть одна любовь и естественныя привязанности освящаютъ и соединяютъ родителей съ дѣтьми; чувства эти такъ святы и долгъ къ родителямъ такъ присущъ человѣку, что вмѣшательство закона, полагая имъ границы, скорѣе можетъ разъединить семью, возбудивъ собою жгучіе вопросы, чѣмъ водворить счастіе и покой между любящими.

Подкинутіе или оставленіе ребенка, однако не въ такихъ мѣстахъ, гдѣ нельзя ожидать, что онъ будетъ найденъ другими (ст. 144), чаще всего бываетъ въ крайней бѣдности, угрожающей подчасъ самому ребенку голодною смертію или истощеніемъ, если бы онъ остался у родителей, съ надеждою на перемѣну его будущности къ лучшему. Въ подобномъ случаѣ можно только сожалѣть о несчастномъ, рѣшающемся разстаться, быть можетъ, съ единственнымъ утѣшеніемъ его жизни, а отнюдь не наказывать его. Если же это сдѣлано изъ какихъ либо безнравственныхъ побужденій, то тюрьма едва ли будетъ жестокимъ наказаніемъ за такой безчеловѣчный поступокъ, тѣмъ болѣе, что за подкинутіе или оставле-

ніе ребенка съ намѣреніемъ въ такихъ мѣстахъ, гдѣ нельзя было ожидать, что онъ будетъ найденъ другими, виновные подвергаются, если ребенку было менѣе 3 лѣтъ, лишенію всѣхъ правъ состоянія и ссылкѣ въ Сибирь на поселеніе, или же лишенію всѣхъ особенныхъ лично и по состоянію присвоенныхъ правъ и преимуществъ и ссылкѣ въ Сибирь на житье или отдачѣ въ исправительныя арестантскія роты по 1-й степ. 31 ст. Ул. о нак., то-есть на срокъ отъ $3^1/_2$ до 4 лѣтъ (ст. 1513 Ул. о нак.). Если ребенку отъ 3 до 7 лѣтъ—лишенію всѣхъ особенныхъ правъ и ссылкѣ на житье въ Сибирь или отдачѣ въ арестантскія роты по 3 степ. 31 ст. Ул. о нак. то-есть на срокъ отъ $2^1/_2$ до 3 лѣтъ (ст. 1514 Ул. о нак.). Тому же наказанію подвергаются и тѣ, которые, будучи обязаны по званію или долгу природы или данному обѣщанію имѣть попеченіе о малолѣтнемъ, хотя имѣющемъ и болѣе 7 лѣтъ, но недостигшемъ еще того возраста, въ коемъ онъ можетъ собственными силами снискивать себѣ пропитаніе, или же о больномъ или по иной причинѣ лишеннымъ силъ или умственныхъ способностей человѣка, которые съ намѣреніемъ оставятъ его безъ всякой помощи и

чрезъ то подвергнутъ жизнь его большей или меньшей опасности (ст. 1516 Ул. о нак.).

1516 ст. Ул. о нак., неупоминающая «о такихъ мѣстахъ, гдѣ нельзя было ожидать, что оставленный будетъ найденъ другими», несмотря на ужасающую оговорку «о большей или меньшей опасности жизни покинутаго», гораздо болѣе подходитъ къ 144 ст. Уст. о нак. нал. мир. суд., чѣмъ ссылка на поселеніе или житье въ Сибирь и арестантскія роты—къ простому аресту, ибо развѣ ребенку, оставленному, напримѣръ, во время общественнаго гулянья въ рощѣ, посѣщаемой только въ извѣстное время, не угрожаетъ даже смерть, если онъ, разыгравшись или проспавъ во время гулянья, очнулся тогда, когда некого уже будетъ тронуть слезами. А между тѣмъ оставившій его прямо разсчитывалъ на людность мѣста, гдѣ, по этому, не можетъ покинутому угрожать серьезное несчастіе. И потому, думаемъ, что за подобное преступленіе, если имъ руководила не крайность, а безнравственное желаніе отдѣлаться отъ ребенка, тюрьма была бы болѣе подходящимъ наказаніемъ, чѣмъ простой арестъ.

За похищеніе изъ лѣса деревъ, какъ стоящихъ на корню, такъ буреломныхъ и валеж-

ныхъ, или частей ихъ, а равно и самовольную порубку въ лѣсахъ, хотя и безъ вывоза срубленныхъ деревъ, виновные подвергаются отобранію похищеннаго и въ первый и во второй разъ денежному взысканію, равному двойной цѣнѣ похищеннаго (ст. 153). Между тѣмъ *за ослушаніе или неповиновеніе однако же безъ насилія* (ст. 28), *оказанное при этомъ лѣснымъ чинамъ или стражѣ*, виновные въ похищеніи или самовольной порубкѣ подвергаются, независимо отъ слѣдующаго съ нихъ денежнаго взысканія, аресту не свыше одного мѣсяца (ст. 167).

Не входя въ разсмотрѣніе мотива, заставившаго законодателя за кражу лѣса, вмѣсто тюрьмы, какъ опредѣлено за кражу всякаго другого имущества, назначить денежное взысканіе, обратимъ вниманіе собственно на несообразность наказанія, опредѣляемаго 167 ст. За кражу опредѣлено денежное взысканіе, а за ослушаніе и неповиновеніе лѣсному сторожу, оказанное при этой кражѣ, — арестъ. За ослушаніе и неповиновеніе закону, воспрещающему кражу (подобное толкованіе кражи, разумѣется, мы позволяемъ себѣ единственно для рѣзкости сравненія) — денежное взысканіе, а за ослушаніе и неповиновеніе сторожу—

арестъ. Тогда какъ для выполненія требованій закона не нужно производить никакихъ дѣйствій, не нужно быть только воромъ, для исполненія-же приказаній сторожа потребуется, быть можетъ, порядочный трудъ, особенно если ему вздумается поглумиться надъ пойманнымъ и приказать развести дрова по мѣстамъ; откуда что взято, или еще что-нибудь и того мудренѣе. Если на наказаніе это смотрѣть какъ на послѣдствіе совокупности преступленій, то и въ такомъ случаѣ, по смыслу 8 пар. 152 ст. ул. о нак., слѣдовалобы опредѣлить наибольшее по количеству денежное взысканіе, причитающееся за главный изъ сихъ проступковъ, ибо за кражу лѣса полагается денежное взысканіе (ст. 153), и за ослушаніе полицейскимъ и другимъ стражамъ, при отправленіи ими должности, и когда, при этомъ, требованія ихъ были законны, тоже денежное взысканіе (1 пар. ст. 30). Какой-же другой мотивъ можно пріискать въ данномъ случаѣ для перехода къ другому роду наказанія?

За присвоеніе или растрату чужаго движимаго имущества, ввѣреннаго для сохраненія, переноски или перевозки или же опредѣленнаго употребленія, если цѣна его не превышаетъ

300 р. сер., опредѣляется заключеніе въ тюрьмѣ отъ 3 мѣсяцевъ до одного года (ст. 177); если же цѣна присвоеннаго или растраченнаго превыситъ сумму 300 р. с., то лишенію всѣхъ особенныхъ, лично и по состоянію присвоенныхъ, правъ и преимуществъ и ссылкѣ на житье въ Сибирь или отдачѣ въ арестантскія роты, первый разъ по 5 степ. 31 ст. Ул. о нак., то-есть на срокъ отъ 1—1½ года (ст. 1681, по ссылкѣ ея на 1666 ст. Ул. о нак.). Такое-же наказаніе положено и за присвоеніе и растрату ввѣреннаго по службѣ казеннаго имущества, съ увеличеніемъ еще срока заключенія въ арестантскихъ ротахъ отъ 1½ до 2½ лѣтъ, то-есть какъ за присвоеніе и растрату частнаго имущества, совершонныя во второй разъ (ст. 351 Ул. о нак.). Если-же виновный въ присвоеніи или растратѣ казеннаго имущества возвратитъ вполнѣ все самовольно имъ взятое, присвоенное или растраченное прежде открытія сего злоупотребленія, то подвергается лишь одному денежному взысканію, не свыше цѣны взятаго, присвоеннаго или растраченнаго, и отрешается отъ должности. Если сдѣлаетъ это уже послѣ открытія сего злоупотребленія, то, сверхъ опредѣленнаго выше денежнаго взысканія, исключается вовсе изъ

службы (ст. 351-же). Между тѣмъ за присвоеніе и растрату частнаго имущества, если она совершена только по легкомыслію и виновные добровольно обязываются вознаградить потерпѣвшаго убытокъ, полагается арестъ не свыше трехъ мѣсяцевъ (ст. 177 Уст. о нак. нал. мир. суд. и 1681 по Ул. о нак.). Смягченія редактированы, въ обоихъ случаяхъ, не совсемъ тождественно: ст. 351 требуетъ возврата всего присвоеннаго или растраченнаго, ст. 177 и 1681 довольствуются однимъ лишь добровольнымъ обязательствомъ вознаградить потерпѣвшаго убытокъ, но подъ непремѣннымъ условіемъ—когда преступленіе совершено по легкомыслію. Очевидно, мотивъ смягченія 177 и 1681 ст. несравненно нравственнѣе и выше 351 ст.; при чемъ практическое значеніе возврата присвоеннаго или растраченнаго, сила 351 ст., признано законодателемъ не столь существеннымъ при растратѣ частнаго имущества, ибо хотя на основаніи 5 п. 13 ст. добровольное, до постановленія приговора, вознагражденіе донесшаго вредъ и убытки служитъ обстоятельствомъ, уменьшающимъ вину подсудимаго, но все таки, по 177 и 1681 ст., переходъ къ денежному взысканію не допущенъ, такъ-какъ арестъ назначенъ, при смяг-

чающихъ обстоятельствахъ, единственнымъ наказаніемъ; слѣдовательно и вознагражденіе понесшаго вредъ и убытки до постановленія приговора можетъ только послужить къ уменьшенію срока ареста, а не замѣнѣ его денежнымъ взысканіемъ, какъ дѣлаетъ практичная 351 ст. при отсутствіи легкомыслія и другихъ нравственныхъ мотивовъ.

Затѣмъ, при сравненіи 177 съ 1681 ст., мы замѣчаемъ громадную разницу въ наказаніяхъ, когда присвоеніе или растрата произведена не по легкомыслію и виновный не обязывается добровольно вознаградить убытки. Разница эта отъ тюрьмы, отъ 3 мѣс. до 1 года, доходитъ до ссылки въ Сибирь на житье или заключенія въ арестантскихъ ротахъ отъ на 1—$1^1/_2$ года. Если-же преступленія совершены по легкомыслію, то въ обоихъ случаяхъ—арестъ не свыше 3 мѣсяцевъ; подобная неравномѣрность смягченія и ограниченіе наказанія по 351 ст. до денежнаго взысканія, краснорѣчиво говорятъ въ пользу отмѣны ареста по 177 ст. въ томъ случаѣ, когда присвоеніе совершено по легкомыслію и виновный обязуется вознаградить потерпѣвшаго съ замѣною его денежнымъ взысканіемъ. Итакъ, проступки, за которые по уставу о

наказаніяхъ налагаемыхъ мировыми судьями назначенъ арестъ безъ замѣны его какимъ-либо другимъ наказаніемъ, за незначительнымъ исключеніемъ, принадлежатъ къ такимъ, за кои арестъ совершенно справедливо можетъ быть замѣненъ тюремнымъ заключеніемъ. Затѣмъ слѣдуетъ цѣлый рядъ проступковъ, за которые уставомъ опредѣленъ арестъ или денежное взысканіе (ст. 30 (2 п.), 31 (1 п.), 32, 33, 34, 35, 36, 37, 38, 39, 42, 43, 44, 45, 46, 51, 63, 64, 72, 79, 80, 83, 87, 98, 100, 102, 103, 104, 107, 111, 112, 113, 114, 115, 120, 122, 123, 128, 129, 130, 131, 133, 137, 139, 140, 141, 153 и 180). Практично-ли давать мировому судьѣ такую обширную власть въ выборѣ при наложеніи наказанія между денежнымъ взысканіемъ и арестомъ, и особенно въ тѣхъ случаяхъ, когда на приговоръ его не допускается апеляціи, то-есть при арестѣ менѣе 3 дней? Да даже и при правѣ апеляціи, развѣ мировой съѣздъ, состоя изъ тѣхъ же самыхъ мировыхъ судей, можетъ вполнѣ гарантировать непогрѣшимость рѣшенія? Съѣздъ составляется изъ людей, которымъ поочередно приходится разсматривать жалобы на рѣшенія другъ друга, и хотя тотъ, на чье рѣшеніе принесена жалоба, при разборѣ

ея не участвуетъ, но находится часто въ сосѣдней комнатѣ, въ ожиданіи сдѣлаться судьею дѣйствій одного изъ тѣхъ, которые рѣшаютъ дѣло по жалобѣ на него. Одного этого достаточно, чтобъ повліять на внутреннее убѣжденіе товарищей, особенно при нашей обидчивости въ случаѣ несогласія съ нашимъ внутреннимъ убѣжденіемъ или непризнанія за нами опытности и безпристрастія, на каковыя мы всѣ имѣемъ такія страшныя притязанія.

Лишéніе свободы, съ отмѣною тѣлеснаго наказанія, остается самымъ тяжкимъ наказаніемъ во всѣхъ современныхъ кодексахъ, смертная казнь почти не имѣетъ уже защитниковъ и большинство относится къ ней въ настоящее время какъ къ убійству,—по безстрастности, отсутствію одуряющаго преступника мотива, возмутительной торжественности и нечеловѣческому спокойствію, съ какимъ ее совершаютъ,—равному, развѣ только убійству на дуэли за невѣжливое слово. Большая часть европейскихъ кодексовъ сильно ограничила ея примѣненіе. Въ Пруссіи и Соединенныхъ Штатахъ она производится при совершенно разбойницкой обстановкѣ, подъ покровомъ полумрака едва занявшейся ут-

ренней зари и крѣпостныхъ или тюремныхъ стѣнъ, въ присутствіи очень немногихъ, на скромность которыхъ вполнѣ можно положиться. У насъ смертная казнь долгое время, начиная съ императрицы Елизаветы Петровны, почти не существовала и въ настоящее время оставлена Уложеніемъ о наказаніяхъ исключительно за преступленія политическія и нѣкоторыя карантинныя. Тогда какъ въ другихъ европейскихъ государствахъ, она за политическія-то именно преступленія ни въ какомъ случаѣ не допускается, если не совершено при этомъ убійства, за которое полагается казнь. Итакъ, лишеніе свободы остается и у насъ самымъ тяжкимъ и позорнымъ наказаніемъ. Правда, наказаніе это имѣетъ множество подраздѣленій, начиная отъ каторжной работы до простаго ареста; но изъ обзора тюремныхъ уставовъ мы видѣли что, при громадной и совершенно безотвѣтной власти тюремнаго начальства, подраздѣленія эти не имѣютъ серьезнаго практическаго значенія. Да если бы законодательству и удалось ограничить произволъ начальства и добиться полнаго примѣненія закона къ тюремной жизни, то и тогда, чтобы сдѣлать это наказаніе дѣйствительно страшнымъ и позор-

нымъ, необходимо уменьшить случаи его примѣненія, ибо то, что дѣлается обыденнымъ, теряетъ силу позора и устрашенія. Между лишеніемъ свободы и денежнымъ взысканіемъ слѣдуетъ поставить прочную и ни въ какомъ случаѣ не преступаемую грань, иначе общество, встрѣчая между заключенными ослушавшихся приказаній сторожа или жандарма (30, п. 2) и, въ то-же время, лѣснаго вора, на свободѣ, по старому, съ сочувствіемъ будетъ относиться ко всѣмъ вообще арестантамъ, считая ихъ несчастненькими.

Вопросъ слѣдовательно въ томъ: на какомъ изъ этихъ наказаній слѣдуетъ остановиться при наложеніи взысканія за проступки, за которые опредѣленъ арестъ или денежное взысканіе? Если на арестѣ, то денежное взысканіе сдѣлается наказаніемъ слишкомъ исключительнымъ, почти непримѣнимымъ. Съ другой стороны, проступки, за которые опредѣлены денежное взысканіе или арестъ, такъ маловажны и происходятъ большею частью отъ незнанія или непониманія требуемаго закономъ, такъ что арестъ выйдетъ слишкомъ строгимъ за нихъ взысканіемъ. Мы не будемъ разсматривать всѣхъ проступковъ этой категоріи,—это заняло-бы слишкомъ много мѣ-

ста,—а укажемъ лишь на нѣкоторыя изъ нихъ, показывающіе, на какихъ скользкихъ и случайныхъ началахъ основано подраздѣленіе важности этихъ проступковъ. Такъ за ослушаніе полицейскимъ и другимъ сторожамъ, а также волостнымъ и сельскимъ начальникамъ, при отправленіи ими должности и когда при этомъ требованіи ихъ были законны, опредѣлено взысканіе не свыше 15 р. Если-же ослушаніе оказано жандармамъ или другимъ полицейскимъ служителямъ, наряженнымъ для соблюденія порядка, при многочисленномъ стеченіи народа, то арестъ не свыше 7 дней или денежное взысканія не свыше 25 руб. (ст. 30). Многочисленность стеченія народа—понятіе слишкомъ растяжимое и неопредѣленное, и потому ослушившійся жандарма или полицейскаго не всегда съ разу можетъ понять усиливающей важности ослушанія, тѣмъ болѣе, что стеченіе народа происходитъ часто неожиданно, такъ что прибытіе наряда не всегда съ разу отличишь отъ обыденнаго присутствованія мѣстной полиціи. Подобное ослушаніе нижнихъ полицейскихъ чиновъ не такъ важно въ смыслѣ нарушенія общественной тишины и порядка, чтобы усиленіе наказанія доводить съ денежнаго взы-

сканія не свыше 15 руб. до ареста, тѣмъ болѣе, что въ особенно важныхъ случаяхъ, оно можетъ быть безъ всякаго шуму устранено удаленіемъ нарушающаго тишину и спокойствіе изъ мѣста стеченія народа. И, наконецъ, приказанія полицейскаго, въ подобныхъ случаяхъ, чаще всего бываютъ: удалиться съ мѣста, разступиться и прочее въ этомъ родѣ, исполненію коихъ иногда мѣшаетъ и самая давка. Кромѣ того взволнованный полицейскій рѣдко бываетъ въ такихъ случаяхъ вѣжливъ, сдержанъ, такъ что раздражаетъ того, къ кому вздумаетъ обратиться, крикливымъ голосомъ, рѣзкостію, грубостью и безъапелляціонностію часто и не совсѣмъ необходимыхъ и законныхъ требованій. Выбираетъ изъ толпы, одинаково участвующей въ безпорядкѣ, лишь нѣкоторыхъ, что, вмѣстѣ со всею остальной обстановкою, при которой отдаются подобныя приказанія, обижаетъ и раздражаетъ того, на кого вздумается ему особенно приналечь, уже не говоря о злоупотребленіяхъ, какія дозволяютъ себѣ при этомъ полицейскіе. Всѣ подобныя соображенія скорѣе вызываютъ смягченіе, а не усиленіе наказанія, а между тѣмъ они-то именно и поставлены какъ обстоятель-

ства, увеличивающія наказаніе отъ денежнаго взысканія до ареста.

Другой случай: объявленія чего-либо во всеобщее извѣстіе безъ надлежащаго разрѣшенія, если не было при этомъ какой-либо политической цѣли (ст. 34). Не подойдетъ-ли сюда напримѣръ слухъ о театрѣ, не разрѣшенномъ еще начальствомъ, если-бы полиція захотѣла придать ему важность, ибо объявленіе объ открытіи театровъ требуетъ разрѣшенія начальства? Да и сколько подобныхъ пустяковъ можно подвести подъ эту статью, особенно съ помощью 119 ст., равно какъ и подъ 31 ст., карающую за распространеніе ложныхъ слуховъ, неимѣющихъ политической цѣли, но возбуждающихъ безпокойство въ умахъ. Чѣмъ, напримѣръ, будетъ виноватъ человѣкъ, напугавшійся появленіемъ въ сосѣднихъ губерніяхъ холеры и предупредившій кое-кого изъ друзей, напугавшихъ, въ свою очередь цѣлый городъ, еслибы оказалось, что слухъ этотъ былъ ложный? Быть можетъ, онъ сдѣлалъ это съ благою цѣлью предупредить друзей, что бы тѣ своевременно приняли противъ эпидеміи мѣры или изъ трусости, желая отъ многихъ услышать опроверженіе слуховъ; за что сажать его подъ арестъ, оставляя лѣ-

наго вора на свободѣ? «Нарушеніе порядка въ театрѣ» (ст. 40) громкими вызовами нелюбимой, напримѣръ, полиціею актрисы.

По примѣчанію къ 102 ст., можетъ быть назначенъ арестъ не свыше одного мѣсяца за неисполненіе законныхъ требованій полиціи относительно соблюденія чистоты во дворахъ въ мѣстности, въ которой свирѣпствуютъ эпидемическія болѣзни. Нечистота во дворахъ часто происходитъ отъ недостаточности средствъ къ уборкѣ. Сегодня распубликовываютъ о появленіи болѣзни и завтра за нечистоту опредѣляютъ арестъ людямъ, которые-бы и желали, да не имѣютъ средствъ очистить своихъ дворовъ. Не справедливѣе-ли произвести только безотлагательную очистку и потомъ взыскать эти деньги съ хозяина?

Всегда-ли можно знать, принимая на день, на два къ себѣ въ квартиру пріятеля, что онъ укрывается отъ суда или ареста? (ст. 64). Чѣмъ можно руководствоваться при наймѣ кучера въ его способностяхъ; а между тѣмъ, за порученіе управленія лицу неспособному или пьяному (развѣ всегда можно замѣтить, что кучеръ выпивши?) по 123 ст., можетъ быть опредѣленъ арестъ.

Наконецъ, въ силу 98 ст., за совершеніе

проступковъ, означенныхъ въ 88—95 ст., если отъ сего произошелъ пожаръ, и по 128—означенныхъ въ 66, 72, 76, 106, 111, 117—119 и 121—127, если причинены тѣмъ кому-либо раны или поврежденія въ здоровьѣ, вмѣсто денежнаго взысканія, за одну несчастную случайность, исправимую скорѣе вознагражденіемъ, можетъ быть назначенъ арестъ.

Еслибы мы стали продолжать, то долго-бы не кончили подобныя указанія; но остановимся еще на одномъ только случаѣ, показывающемъ очевидную неравномѣрность взысканія сравнительно съ другими подобными проступками. За оскорбленіе полицейскаго и другого служителя или сторожа словесной обидой, можетъ быть назначенъ арестъ не свыше одного мѣсяца или денежное взысканіе (ст. 31, пун. 1); за нанесеніе-же обиды дѣйствіемъ несостоящему съ обидчикомъ въ родствѣ по восходящей линіи, если къ тому данъ былъ поводъ самимъ обиженнымъ — арестъ не свыше 14 дней или денежное взысканіе (ст. 133). Представимъ для курьеза весьма обыкновенный у насъ случай: полицейскій прибилъ оскорбившаго его словомъ и присужденъ къ денежному взысканію. Въ отмщеніе за это (вѣдь не папа-же, стражъ сей!) вызвалъ, во

время исполненія службы, дерзостью это лицо на оскорбленіе словомъ, и того приговариваютъ къ аресту, оставляя вызвавшаго его на это полицейскаго безъ наказанія, такъ-какъ онъ за дѣйствія, совершенныя при исполненіи службы, несетъ отвѣтственность только по опредѣленію своего начальства, которое за подобные пустяки никогда не наказываетъ. Или стражъ, стоя у будки, сначала побранился, а потомъ подрался съ частнымъ лицомъ: того арестовываютъ, а будочникъ остается безнаказаннымъ. Вотъ оборотная сторона усиленной отвѣтственности за оскорбленіе служащаго и полной безотвѣтственности его самого за дѣйствія, совершенныя имъ во время исполненія службы. И подобныя явленія у насъ такъ обыденны, что сплошь и рядомъ служащій, желая избѣжать отвѣтственности за оскорбленіе частнаго лица, ссылается, что это сдѣлано имъ во время исполненія службы. Казалось-бы, что за чудакъ, который самъ хлопочетъ объ увеличеніи отвѣтственности, а дѣло легко объясняется, если вспомнимъ, что для привлеченія его за дѣйствія совершенныя при исполненіи службы необходимо согласіе начальника, который никогда не выдастъ его для какой-то неизвѣстной личности и по-

тому оставитъ безъ наказанія или сдѣлаетъ выговоръ въ родѣ того: *стоило связываться со всякою дрянью*!

Всматриваясь въ длинную таблицу проступковъ, за которые опредѣлено уставомъ денежное взысканіе или арестъ, мы не колеблясь предпочли-бы первое послѣднему, чтобы установить тѣмъ болѣе замѣтную грань между проступками, совершенными съ сознаніемъ ихъ преступности, и тѣми, которые происходятъ отъ незнанія или оплошности. И особенно, когда отъ рѣшенія, такимъ образомъ, вопроса дѣлается большое сбереженіе отъ совершенно непроизводительной затраты на такое множество новыхъ мѣстъ заключенія и, вмѣстѣ съ тѣмъ, высшее изъ наказаній — лишеніе свободы, дѣлаясь менѣе частымъ, стало-бы отъ того болѣе позорнымъ.

Еще вопросъ: чѣмъ замѣнить денежное взысканіе въ случаѣ несостоятельности лица, къ тому присужденнаго? Очевидно, при высказанномъ нами взглядѣ на лишеніе свободы и стремленія законодателя отмѣнить заключеніе за долги, развѣ только, въ крайности, арестомъ. Ранѣе всего слѣдовало-бы дать нѣсколько-мѣсячный или годовой срокъ для внесенія штрафа, затѣмъ подвергнуть продажѣ

имущество, предложить отработать на общественныхъ работахъ или тюремныхъ мастерскихъ, наконецъ, подвергнуть домашнему аресту, и развѣ при второй подобной несостоятельности подвергнуть аресту въ особомъ помѣщеніи тюрьмы на болѣе льготныхъ, противъ арестантовъ, условіяхъ и не опорочивая названіемъ содержащагося въ тюрьмѣ. Все-таки это будетъ крайностью и исключеніемъ, не потребующимъ такого количества помѣщеній, какъ нынѣ, и арестъ выйдетъ болѣе гарантированнымъ отъ неудобствъ и злоупотребленій.

Обратимся теперь къ самому уставу о содержащихся по приговорамъ мировыхъ судей и ихъ съѣздовъ. Уставъ этотъ или временныя правила, какъ названы они въ Высочайше утвержденномъ мнѣніи государственнаго совѣта 4 іюля 1866 года, отличаются отъ устава тюрьмы очень немногимъ, а именно: «заключенные содержатся въ собственной одеждѣ и лишь только остающимся подъ арестомъ болѣе 3 дней отпускается, въ случаѣ необходимости, бѣлье» (ст. 13). Очевидно, подобное исключеніе сдѣлано въ виду краткости срока содержанія въ пріютахъ (до 3 мѣсяцевъ). Дозволеніе желающимъ носить собственное

платье—совершенно справедливое и раціональное облегченіе ни къ чему не ведущаго стѣсненія другихъ тюремъ; но невыдача казеннаго платья тѣмъ, кто пожелалъ-бы имъ воспользоваться, едва-ли удобна даже въ санитарномъ отношеніи, не говоря уже о прочихъ соображеніяхъ, такъ-какъ у многихъ, особенно чернорабочихъ, платье бываетъ сильно затаскано, осыпано насѣкомыми, остатками глины, извести и т. п., что можетъ причинить не мало горя и неудобствъ сосѣдямъ и способствовать неопрятности самого помѣщенія, обративъ его въ зловонную яму. И потому намъ кажется удобнѣе было-бы остановиться на дозволеніи, всѣмъ безъ исключенія арестованнымъ оставаться въ собственной одеждѣ, не допуская неопрятности, и только желающимъ и неопрятнымъ выдавать казенное, какъ предложено это нами и для всѣхъ вообще тюремъ. «Въ случаѣ смерти или тяжкой болѣзни родителей, супруговъ, дѣтей и родныхъ, братьевъ и сестеръ заключенныхъ, попечителю, а за отсутствіемъ его и надзирателю помѣщенія, дозволено отпускать ихъ на срокъ не свыше 3 дней, каковая отлучка не зачитается въ назначенный приговоромъ срокъ ареста». Подобное нововведеніе въ тю

ремномъ уставѣ заслуживаетъ полнаго сочувствія и можно только пожалѣть, что оно поставлено въ такія тѣсныя рамки; отчего-бы дозволеніе это не распространить и для другихъ родственниковъ и близкихъ людей? Вѣдь наказаніе этимъ не ослабляется, а между тѣмъ возможно-ли общими указаніями очертить кругъ близкихъ людей, потеря которыхъ или тяжкая болѣзнь отзовется, быть можетъ, значительно тяжелѣе потери брата. И наконецъ, въ случаѣ смерти, трехдневный срокъ достаточенъ для отдачи послѣдняго долга покойному. Но отчего-бы, въ случаѣ тяжкой болѣзни, не дозволить освобожденіе изъ-подъ ареста и на болѣе продолжительный срокъ, и особенно когда болѣзнь клонится къ смерти; неужели нравственно человѣка, пробывшаго три дня у постели умирающаго, взять подъ арестъ въ самую торжественную и ужасную минуту и не пустить потомъ на похороны потому, что онъ былъ уже уволенъ изъ пріюта на 3 дня; потеряло-ли-бы правосудіе, еслибы арестъ отсрочился еще на нѣкоторое время? «Лицъ, о которыхъ производится дознаніе, дозволено отпускать не иначе, какъ подъ особымъ надзоромъ (15), по письменному разрѣшенію попечителя или участковаго

мирового судьи». Въ ограниченіи этомъ высказалось постоянное стѣсненіе, дѣлаемое закономъ подслѣдственнымъ передъ осужденными арестантами. Если отбывающему наказаніе довѣряютъ въ томъ, что онъ вернется его окончить, практично-ли недовѣрять тому, который, быть можетъ, будетъ оправданъ, и, наконецъ, имѣлъ-бы, въ силу закона, право находиться во время производства дѣла на свободѣ и только вслѣдствіе непредставленія обезпеченія находится въ пріютѣ? Если эта гарантія принята противъ тѣхъ, кому, можетъ быть, приговоромъ опредѣлено тюремное заключеніе, то слѣдовало-бы и исключеніе допустить только для нихъ а не всѣхъ вообще подслѣдственныхъ. Наконецъ, можно было бы отпускать ихъ подъ надзоромъ родственниковъ или знакомыхъ; если со сторожемъ, такъ безъ всякой, по крайней мѣрѣ, офиціальной обстановки, такъ-какъ прогулка подъ стражею едва-ли не оскорбительнѣе самого ареста.

Нельзя также не отнестись сочувственно къ разрѣшенію заключеннымъ ежедневной прогулки, въ предѣлахъ принадлежащаго пріюта двора или сада,—хотя, впрочемъ, это не новость въ тюремномъ уставѣ, такъ-какъ

и содержащимся въ тюрьмѣ, взамѣнъ кратковременнаго ареста, дозволено, съ разрѣшенія тюремнаго начальства, прогуливаться на открытомъ мѣстѣ (ст. 203 уст. о содерж. подъ страж.). Слѣдовательно, заслуга временныхъ правилъ въ распространеніи этого права на всѣхъ вообще заключенныхъ—заслуга, впрочемъ, весьма важная.

Остальныя правила для содержащихся въ пріютѣ тѣ-же, что и въ тюрьмѣ; уставъ не избѣжалъ даже ошибки всѣхъ прочихъ тюремныхъ уставовъ, предоставивъ попечителю право подвергать осужденныхъ за неповиновеніе и неисполненіе установленныхъ правилъ денежному взысканію не свыше 15 р. или заключенію въ комнатѣ безъ свѣта (!) на время не свыше сутокъ (ст. 22). За самовольныя-же отлучки изъ помѣщеній, виновныхъ опредѣлено подвергать наказаніямъ, означеннымъ въ 63 ст., съ тѣмъ, чтобы слѣдуемое имъ за новый проступокъ наказаніе, если оно состоитъ въ арестѣ, исполнялось по окончаніи срока ареста за первоначальный проступокъ.

ГЛАВА VII.

Тюремные комитеты.

Филантропическое дѣйствіе тюремныхъ обществъ коммисія предположила отдѣлить отъ офиціальнаго и отвѣтственнаго управленія мѣстами заключенія (§ 148), учредивъ, взамѣнъ общества попечительнаго о тюрьмахъ и губернскихъ тюремныхъ комитетовъ, благотворительныя тюремныя общества въ разныхъ пунктахъ государства (§ 149). Цѣлью этихъ обществъ она поставила: 1) устройство и украшеніе храмовъ въ мѣстахъ заключенія; 2) снабженіе мѣстъ заключенія иконами; 3) пособіе школамъ и библіотекамъ; 4) бесѣду съ заключенными при содѣйствіи лицъ духовнаго званія или другихъ заслуживающихъ полнаго довѣрія по своимъ убѣжденіямъ и роду жизни; 5) учрежденіе пріютовъ для дѣтей заключенныхъ; 6) пособіе нуждающимся семействамъ преступниковъ, содержимымъ въ центральныхъ мѣстахъ заключенія; 7) патронатство надъ выпущенными изъ домовъ судебныхъ, арестныхъ, смирительныхъ и исправительныхъ; 8) сообщеніе тюремному начальству о желательныхъ улучшеніяхъ въ

мѣстахъ заключенія (§ 152). Для существленія этого рода новой дѣятельности означенныхъ обществъ, коммисія признала справедливымъ передать имъ суммы настоящихъ тюремныхъ комитетовъ и ихъ отдѣленій, какъ собранныя для мѣстныхъ потребностей добровольными пожертвованіями и съ опредѣленною цѣлью, и потому отчужденіе ихъ къ другимъ цѣлямъ было бы, по ея мнѣнію, несправедливымъ (пр. § 154).

Дѣятельность существующихъ тюремныхъ комитетовъ и ихъ отдѣленій очерчена уставомъ о содержащихся подъ стражею (XIV) гораздо шире предлагаемыхъ коммисіею новыхъ тюремныхъ обществъ. Къ главнымъ предметамъ комитетовъ отнесено, кромѣ предлагаемаго коммисіею для тюремныхъ обществъ: 1) внутреннее устройство мѣстъ заключеній со всѣми необходимыми для здоровья арестантовъ удобствами и подраздѣленіями ихъ по полу, званію, возрасту и роду преступленій; 2) постоянное наблюденіе за правильнымъ размѣщеніемъ арестантовъ; 3) продовольствіе ихъ пищею; 4) наблюденіе за содержаніемъ мѣстъ заключеній въ исправномъ состояніи; 5) попеченіе о тюремныхъ больницахъ и о пользованіи больныхъ

арестантовъ; 6) опеченіе объ одеждѣ, бѣльѣ, обуви арестантовъ и другихъ потребностяхъ во время ихъ содержанія; 7) исправленіе ихъ нравственности; 8) попеченіе о скорѣйшемъ разрѣшеніи участи заключенныхъ; 9) попеченіе о пересылаемыхъ по этапу арестантовъ; 10) выкупъ заключенныхъ за долги людей разнаго званія; кромѣ того, 54 статьею того же устава комитетамъ вмѣнено наблюдать: 1) чтобы со стороны тюремнаго смотрителя соблюдаемы были установленныя правила по надзору за порядкомъ и благочиніемъ между арестантами; 2) чтобы назиданіе заключенныхъ въ правилахъ христіанскаго благочестія и доброй нравственности было исполняемо неупустительно; 3) чтобы въ установленное время было соблюдаемо богослуженіе; 4) чтобы арестанты говѣли; 5) были снабжены книгами св. писанія и духовно-нравственнаго содержанія; чтобы праздники проводились въ благочестивыхъ чтеніяхъ, бесѣдахъ и молитвѣ; 6) чтобы обвиненные судомъ немедленно отдѣлялись отъ сообщества съ прочими арестантами, дабы духовный отецъ наединѣ приготовилъ ихъ назиданіемъ къ достойному принятію св. тайнъ и къ перенесенію заслуженнаго наказанія съ христіанскою покорностію

и раскаяніемъ. Наконецъ, (ст. 55) къ особой заботливости комитетовъ отнесено занятіе арестантовъ, по мѣстнымъ удобствамъ, приличными работами и рукодѣліемъ, съ нѣкоторымъ вознагражденіемъ, если работы производятся для тюрьмы и арестантовъ.

Нельзя не замѣтить огромной разницы въ дѣятельности комитетовъ и проектируемыхъ коммисіею обществъ не только въ размѣрѣ круга ихъ дѣйствій, но и самомъ характерѣ ея. Комитеты имѣютъ цѣлью заботу о самихъ арестантахъ, о всемъ касающемся ихъ матеріальныхъ нуждъ и нравственнаго исправленія; они являются естественными защитниками несчастныхъ въ случаѣ притѣсненій ихъ начальствомъ и наблюдаютъ, чтобы на собранныя ими деньги арестантамъ дѣйствительно улучшали жизнь и доставляли средства къ нравственному исправленію посредствомъ благочестивыхъ бесѣдъ, чтеній и соблюденія богослуженія. Дѣятельность же проектируемыхъ обществъ вскользь лишь касается самихъ заключенныхъ доставленіемъ пособія на школы, библіотеки и бесѣды и заботою о выпущенныхъ на волю; главною же цѣлію коммиссія ставитъ имъ заботу объ устройствѣ и украшеніи хра-

мовъ въ мѣстахъ заключенія и заботу о семействахъ преступниковъ, — цѣль дѣйствительно высокая, но не имѣющая никакой почти связи съ тюрьмою, тогда какъ сборы и добровольныя приношенія комитетовъ предназначались для улучшенія тюремной жизни и участи самихъ арестантовъ, такъ что, слѣдуя выводамъ коммисіи, суммы комитетовъ, какъ сообранныя съ другой опредѣленной цѣлью, передавать новымъ обществамъ было-бы несправедливо (§ 154). Съ другой стороны, забота о семействахъ преступниковъ, разсыпанныхъ по цѣлой губерніи, едва-ли возможна для обществъ, имѣющихъ мѣстопребываніе въ губернскихъ и областныхъ городахъ, потому во-первыхъ, что большинство этихъ семействъ, по отдаленности своего мѣстожительства, не будутъ имѣть возможности обращаться въ общества, особенно при ихъ непостоянныхъ собраніяхъ, и, во-вторыхъ, какія основанія будутъ имѣть общества для оцѣнки бѣдности и безпомощности обращающихся къ нимъ за пособіемъ? Подобная забота гораздо ближе касается приходскихъ попечительствъ, городскихъ, сельскихъ и, наконецъ, мѣстныхъ благотворительныхъ обществъ, и потому съ этою цѣ-

лію едва-ли найдется много вкладчиковъ въ кружки проектируемыхъ обществъ. На украшеніе храмовъ также всякій скорѣе пожертвуетъ въ свою приходскую церковь, на кладбище, гдѣ похоронены близкіе ему, или въ монастыри, прославившіеся благочестіемъ, мощами или чудотворными иконами. Съ этою цѣлію, наконецъ, существуютъ особые сборы съ благословенія епархіальнаго начальства; да и всякій ли согласится даже жертвовать и на пособіе школамъ, и библіотекамъ, не зная навѣрно, благоугодно ли будетъ тюремному начальству заняться этимъ дѣломъ, и какъ оно его поведетъ? — Коммисія такъ стѣснила и въ этомъ дѣлѣ проектируемыя общества, что даже бесѣду съ заключенными дозволила имъ при содѣйствіи лицъ духовнаго званія или другихъ заслуживающихъ полнаго довѣрія (по чьей оцѣнкѣ?) по своимъ убѣжденіямъ и роду жизни (§ 152, п. 4). Очевидно, что при такой слѣпой, непрактичной и обидной (на случай, если непризнаютъ вкладчика, желающаго лично содѣйствовать дѣлу просвѣщенія, заслуживающимъ полнаго довѣрія) дѣятельности проектируемыхъ обществъ, вкладчиками въ ихъ кружки будутъ только люди, привыкшіе подавать безъ разбору всякому

просящему, и потому, надо полагать, общества эти умрутъ при самомъ зарожденіи. — Что же вынудило коммисію къ произнесенію такого ужаснаго приговора надъ такимъ высокохристіанскимъ учрежденіемъ, какъ попечительные о тюрьмахъ комитеты, просуществовавшіе у насъ болѣе 50 лѣтъ? Коммисія говоритъ, что «тюрьмы находятся въ крайне неудовлетворительномъ положеніи: зданія ихъ ветхи, грязны, непомѣстительны и неудобны; въ нихъ замѣчается полное отсутствіе правильнаго размѣщенія арестантовъ по категоріямъ, недостатокъ въ нравственномъ ихъ назиданіи и несоблюденіе установленной дисциплины; при потворствѣ одному, другой терпитъ чрезмѣрное стѣсненіе и лишенъ возможности удовлетворять самымъ насущнымъ потребностямъ» (§ 148). Постройка зданій къ предмету вѣдомства комитетовъ, по существующимъ законамъ, не относится, слѣдовательно и упрекъ въ томъ, что «зданія ветхи, непомѣстительны и неудобны» — къ нимъ не относится. Охраненіе дисциплины ввѣрено непосредственно тюремному начальству; на обязанность комитетовъ — думаемъ, въ меньшей мѣрѣ, чѣмъ на губернское начальство и прокурорскій надзоръ — возложено лишь наблю-

деніе за тѣмъ, чтобы со стороны смотрителя соблюдаемы были установленныя правила по надзору за порядкомъ и благочиніемъ между арестантами (ст. 54, п. 1); слѣдовательно и упрекъ за несоблюденіе сего справедливѣе отнести къ смотрителямъ и даже къ губернскому начальству и прокурорскому надзору, чѣмъ къ комитетамъ, — тѣмъ болѣе, что отъ губернскаго начальства зависитъ назначеніе и увольненіе смотрителей, которые и во время исполненія этой обязанности даже числятся въ штатѣ младшихъ чиновъ полиціи. «Законъ не даетъ смотрителю нрава несчитать себя отвѣтственнымъ за безпорядки по порученному ему завѣдыванію тюрьмою», какъ то указываетъ коммисія (пр. § 149); въ лицѣ комитета онъ учреждаетъ только лишній — по счету, а не въ смыслѣ безполезности—надзоръ надъ смотрителемъ, и потому не думаемъ, чтобы на замѣчаніе, сдѣланное смотрителю губернскимъ начальствомъ, онъ осмѣлился дѣйствительно отвѣтить, что «со стороны комитета не сдѣлано никакихъ распоряженій, не смотря на его настоянія» (пр. § 149), въ виду одного уже того, что предсѣдатель тюремнаго комитета губернаторъ, начальникъ, отъ котораго онъ всецѣло зави-

сить, и самыя почетныя мѣста въ немъ занимаютъ главные представители мѣстной администраціи: архіерей, губернскій предводитель дворянства, вице-губернаторъ, предсѣдатели губернскихъ присутственныхъ мѣстъ, прокуроръ, инспекторъ врачебной управы и городской голова (ст. 38). Смотритель можетъ позволить себѣ подобную ложь только относительно частныхъ людей и притомъ людей, не знающихъ, что отнесено уставомъ къ прямымъ обязанностямъ комитета, и въ чемъ онъ является наблюдающимъ за дѣйствіями смотрителя. Даже самое размѣщеніе арестантовъ, не смотря на положительное требованіе закона, въ дѣйствительности болѣе зависитъ отъ прокурорскаго надзора, который всегда имѣетъ возможность подкрѣпить свои требованія необходимостью въ видахъ правосудія.

Коммисія допустила возможность сложить съ начальниковъ мѣстной администраціи обязанность предсѣдателей тюремныхъ обществъ (§ 151) и ограничить отношенія судебной власти и прокурорскаго надзора къ тюрьмамъ «Судебными уставами» (§ 175). Вопросъ, значитъ, въ томъ, кому практичнѣе поручить наблюденіе за правильнымъ размѣщеніемъ

арестантовъ, продовольствіемъ ихъ и одеждою, содержаніемъ мѣстъ заключенія въ исправности и исполненіемъ всѣхъ правилъ, предписанныхъ въ законѣ для тюремъ: тюремнымъ ли комитетамъ (или обществамъ — дѣло не въ названіи), или какому либо особому учрежденію въ лицѣ высшаго для цѣлой Имперіи начальства и, какъ представителей его, мѣстнымъ начальникамъ и смотрителямъ тюремъ? Главный инспекторъ тюремной части въ Имперіи (должность, проектируемая коммисіею) (§ 156) и губернскіе и областные инспектора (§ 164), какъ лица, живущіе вдали отъ тюрьмы, не могутъ видѣть ежедневныхъ безпорядковъ, отступленій отъ закона и особенно хозяйственныхъ злоупотребленій, какія могутъ дозволить себѣ смотрители тюремъ, а арестанты, какъ вполнѣ зависимые отъ смотрителя, едва-ли рискнутъ на него жаловаться; да и жалоба сама собою опровергнется состояніемъ тюрьмы во время инспекторскаго смотра, о каковыхъ у насъ, какъ извѣстно, знаютъ задолго впередъ и, значитъ, имѣютъ возможность приготовить все какъ быть надлежитъ. Да и наконецъ, что мѣшаетъ инспектору, назначившему смотрителемъ своего человѣка и получающему съ него, быть

можетъ, извѣстный гонораръ *), обратить претензію арестантовъ въ бунтъ, какъ это сплошь и рядомъ бываетъ въ настоящее время? Коммисія опасается «завѣдываніе хозяйствомъ и порядокъ содержанія арестантовъ поручить тюремному обществу, такъ какъ эти предметы, по своей важности, не могутъ быть ввѣрены попеченію частныхъ, не отвѣтственныхъ передъ правительствомъ лицъ,—тѣмъ болѣе, что при возникновеніи проектируемыхъ ею производительныхъ тюремъ должны ожидаться доходы, указывающіе на необходимость строгой отчетности и отвѣтственности со стороны тюремнаго управленія» (пр. § 148). Но положительные законы не позволяютъ согласиться съ коммисіею, чтобы люди, которымъ поручено завѣдываніе чьимъ бы то ни было хозяйствомъ и надзоръ за охраненіемъ какого либо порядка, могли быть неотвѣтственными передъ закономъ и правительствомъ за упущенія и особенно за злоупотребленія по своей должности потому только, *что они служатъ по доброй волѣ и не*

*) При составленіи устава, практичнѣе имѣть въ виду едва возможное зло, нежели излишнею щепетильностью допустить осуществленіе чего либо похожаго на него.

получаютъ за это никакого вознагражденія (пр. §149), при подобномъ толкованіи, и предводители дворянства, члены земскихъ управъ, почетные мировые судьи, почетные попечители разныхъ благотворительныхъ учрежденій, частныя лица, коимъ ввѣрено на сохраненіе имущество, и тысячи другихъ людей могли бы безнаказанно растрачивать всякую попавшуюся имъ сумму. Такъ ли это? Что же значатъ безчисленныя процессы послѣдняго времени противъ растратившихъ общественныя суммы? Да наконецъ, развѣ члены проектируемыхъ тюремныхъ учрежденій будутъ служить, такъ же какъ солдаты, *не по собственной волѣ*? Или, можетъ быть, для нихъ существуетъ какое либо особое наказаніе, которому нельзя подвергнуть членовъ комитета—напримѣръ, удаленіе отъ службы? Мы думаемъ, что въ отношеніи членовъ комитета, какъ мѣстныхъ жителей, эта мѣра выходитъ еще болѣе тяжкою, чѣмъ для людей заѣзжихъ, которые, съ перемѣною мѣстожительства, скроютъ и позоръ своихъ дѣйствій.

Комитеты удобнѣе чиновниковъ, назначаемыхъ инспекторомъ, уже и потому, что, при дѣятельности ихъ, за хозяйствомъ будетъ слѣдить и тюремная администрація;

слѣдовательно, повѣрка его будетъ возможнѣе, особенно при вѣроятномъ соревнованіи между этими двумя учрежденіями.

Съ предпочтеніемъ правительственныхъ чиновниковъ комитетамъ, въ силу предполагаемой въ нихъ коммисіею большой подготовки къ означенной дѣятельности, также едва ли возможно согласиться. Отъ тюремныхъ начальниковъ, какими создаетъ ихъ коммисія, требуются четыре совершенно различныя дѣятельности: административная, хозяйственная, судейская и воспитательная; какъ бы человѣкъ ни былъ хорошо подготовленъ, но предположить въ немъ спеціалиста по четыремъ совершенно разнымъ отраслямъ знанія гораздо труднѣе, чѣмъ допустить присутствіе 4-хъ и болѣе спеціалистовъ по означеннымъ отраслямъ управленія въ комитетѣ, состоящемъ изъ людей, посвятившихъ свою дѣятельность, такъ же какъ и эти чиновники, тюремному дѣлу. Да наконецъ, въ настоящее время какъ-то странно и представить себѣ судью, продовольствующаго подсудимыхъ.

Мы не будемъ отвергать нынѣшняго плачевнаго состоянія тюремныхъ комитетовъ, но и не согласимся съ коммисіею, что оно происходитъ отъ отягченія ихъ лишнею, несоотвѣт-

ствующею цѣли ихъ учрежденія дѣятельностію. Главный недостатокъ нынѣшнихъ комитетовъ заключается въ составѣ ихъ, въ которомъ нѣтъ ни одного члена, получающаго жалованье и имѣющаго непремѣнную обязанность безпрерывныхъ занятій. Кромѣ того, самыя почетныя мѣста въ немъ занимаютъ высшіе представители мѣстной администраціи, которые, по сложности своихъ занятій, не имѣютъ времени серьезно заниматься дѣлами комитета и въ то же время люди настолько важные, что не потерпятъ, чтобы кто нибудь посмѣлъ заниматься помимо ихъ, и поэтому во многихъ городахъ комитеты вовсе не собираются лѣтъ по десяти и болѣе. При широкой гласности по управленію тюремъ, о чемъ мы поговоримъ впослѣдствіи, мѣстныя власти будутъ имѣть полную возможность слѣдить за каждымъ опредѣленіемъ комитета, убѣдиться, какъ оно примѣняется на дѣлѣ и во-время принять законныя мѣры, въ случаѣ уклоненій отъ уставовъ, и потому совершенное устраненіе ихъ отъ обязанностей директоровъ не представило бы никакого затрудненія для администраціи и вмѣстѣ облегчило бы собранія комитетовъ и придало бы дѣйствіямъ ихъ болѣе энергіи и самостоятельности. Въ

замѣнъ же представителей администраціи, правительство и земство могли бы назначать по нѣскольку дѣятельныхъ директоровъ съ обезпеченнымъ содержаніемъ и непремѣнною обязанностію ежедневныхъ занятій; кругъ же дѣятельности комитетовъ, такъ широко очерченный для нихъ законодателемъ, лишній разъ только заставляетъ признать высоко-нравственное, истинно-христіанское значеніе нашего законодательства.

Если дополнить очерченную дѣйствующимъ уставомъ дѣятельность комитетовъ, возложеннаго инструкціею Высочайше утвержденному попечительству надъ с.-петербургскою исправительною тюрьмою отъ 14 августа 1871 г. на патронатство обязанностью заботиться объ устройствѣ быта арестантовъ по выпускѣ изъ тюрьмы, то необходимо обязать непремѣнно устроить при каждой тюрьмѣ школу, возложить попечительство объ устройствѣ частныхъ дѣлъ арестантовъ и защиту на судѣ подсудимыхъ, разрѣшая иногда издержки для найма адвокатовъ, такъ какъ безплатная защита присяжныхъ повѣренныхъ и особенно неимѣніе вовсе защитниковъ, какъ это сплошь и рядомъ случается въ провинціи, ставитъ правосудіе и самихъ подсуди-

мыхъ гораздо въ худшее положеніе, чѣмъ было при прежнихъ судахъ, гдѣ по крайней мѣрѣ не было рьяныхъ обвинителей, такъ неподражаемо создающихъ преступленія изъ несуществующихъ признаковъ.

Если такимъ образомъ расширить благотворительную дѣятельность комитетовъ, приведя ихъ посредствомъ добавленія дѣятельными членами въ дѣйствіе, то цѣль этого истинно-христіанскаго учрежденія — забота объ участи заключенныхъ—вполнѣ бы осуществилась.

Выше мы старались выяснить значеніе *существующихъ тюремныхъ комитетовъ* и проектируемыхъ коммисіею *благотворительныхъ тюремныхъ обществъ*, какъ мѣстныхъ учрежденій; посмотримъ на сколько тѣ и другія могутъ способствовать введенію въ дѣло содержанія арестантовъ цѣлаго государства единства, послѣдовательности и строгой системы, насколько могутъ служить законодателю представленіями о желаемыхъ улучшеніяхъ по тюремному вѣдомству? Существующіе тюремные комитеты и отдѣленія суть органы состоящаго при министерствѣ внутреннихъ дѣлъ, подъ особымъ покровительствомъ Его Императорскаго Величества,

общества попечительнаго о тюрьмахъ, которому ввѣрено главное попеченіе о всѣхъ мѣстахъ заключенія гражданскаго вѣдомства и забота объ улучшеніи какъ нравственнаго, такъ и физическаго состоянія содержащихся въ оныхъ арестантовъ (ст. 15). Для осуществленія означенныхъ цѣлей, общество получаетъ въ свое распоряженіе отпускаемыя на содержаніе заключенныхъ и тюремъ деньги (ст. 28); объ оборотахъ этихъ суммъ, а равно и о другихъ дѣйствіяхъ комитетовъ и отдѣленій, вице-президенты представляютъ президенту общества (министру внутреннихъ дѣлъ) годовые отчеты (ст. 92 и 93), изъ которыхъ составляется общій отчетъ и, по разсмотрѣніи въ совѣтѣ общества, подносится президентомъ Государю Императору (ст. 94). Могущія встрѣтиться неразрѣшаемые уставомъ общества вопросы, или требующіе особаго соображенія представленія комитетовъ и вообще дѣла особой важности, какъ напримѣръ новые проекты или предположенія, относящіеся къ усовершенствованію системы тюремнаго заключенія и нравственнаго исправленія арестантовъ, или улучшенію хозяйственной части отчетности и порядка управленія по вѣдомству Общества Попечительнаго о

Тюрьмахъ и прочія, передаются по резолюціямъ президента, на разсмотрѣніе совѣта, составляемаго по особымъ отъ него приглашеніямъ, изъ находящихся въ столицѣ вице-президентовъ и членовъ комитета, по усмотрѣнію президента (ст. 64).

Что же предлагаетъ коммисія взамѣнъ этого стройнаго полувѣковаго учрежденія, имѣющаго все необходимое для осуществленія высокой цѣли законодателя—улучшенія матеріальнаго и нравственнаго положенія арестантовъ,—учрежденія, облеченнаго даже правомъ ходатайства объ улучшеніи и измѣненіи существующихъ законовъ? — Разбросанныя по разнымъ пунктамъ государства общества, не имѣющія между собою никакой связи и потому немогущія даже преслѣдовать общія цѣли,—*общества, уставъ которыхъ* (по мнѣнію коммисіи) *не можетъ даже помѣщаться въ государственныхъ узаконеніяхъ, какъ уставъ общества попечительнаго о тюрьмахъ и подлежитъ разсмотрѣнію и утвержденію, какъ всѣ правила для частныхъ обществъ* (пр. § 153), обществамъ этимъ коммисія дозволяетъ только мечтать объ улучшеніяхъ въ мѣстахъ заключенія, предоставляя, впрочемъ, и право *сообщать* о своихъ желаніяхъ *тюремному начальству* (п. 8-й

§ 152). Болѣе коммисія ничего не говоритъ объ этихъ тюремныхъ кружечкахъ и потому оставимъ и мы ихъ въ покоѣ; проектируемая коммисіею тюремная администрація, навѣрно, сама не замѣдлитъ осмѣять ихъ въ первые же годы по возникновеніи. Коммисія графа Соллогуба, укажетъ отчетъ, сокрушая общество попечительное о тюрьмахъ, мудро предугадала неспособность нашего общества къ какой бы то ни было цѣлесообразной и самостоятельной дѣятельности. — Коммисія отдѣлила отъ дѣятельности тюремныхъ обществъ все, что было имъ не подъ силу, указала высокія филантропическія цѣли (сборъ подаяній) и они не смогли даже и съ этимъ немногимъ справиться: одни исключительно занялись украшеніемъ храмовъ, другія—снабженіемъ тюремъ иконами, третьи—завалили тюрьмы безполезными книгами, четвертыя—надоѣли неосуществимыми мечтами и проч. и проч.

Недовѣряя, впрочемъ, частнымъ благотворительнымъ обществамъ, коммисія, взамѣнъ общества попечительнаго о тюрьмахъ, предположила образовать въ составѣ одного изъ высшихъ государственныхъ установленій *отвѣтственное центральное тюремное управленіе* (§ 155), состоящее изъ главнаго инспектора по

тюремной части, совѣта главнаго управленія и канцеляріи (§ 156); главное управленіе общ. попеч. о тюрьмахъ также состоитъ изъ президента (министръ внутреннихъ дѣлъ), совѣта при немъ (ст. 33) и канцеляріи, въ которой производятся всѣ дѣла по части президента и дѣла по совѣту (ст. 49). — Предметы вѣдомства проектируемаго главнаго управленія тѣ же, что и общества попечительнаго о тюрьмахъ, съ прибавленіемъ инспекторской части, которая впрочемъ отнесена существующими уставами къ обязанности президента общества, какъ министра внутреннихъ дѣлъ. — Совѣтъ состоитъ подъ предсѣдательствомъ главнаго тюремнаго инспектора (§ 158) и въ порядкѣ государственныхъ учрежденій пользуется всѣми правами совѣтовъ министерскихъ, и по дѣламъ его вѣдомства глав. тюр. инспекторъ не можетъ испрашивать непосредственныхъ разрѣшеній высшаго начальства безъ предварительнаго заключенія совѣта (§ 159). Во всѣхъ же прочихъ случаяхъ, касающихся собственно администраціи, тюремное вѣдомство подчиняется прямымъ распоряженіямъ главнаго инспектора, подъ надзоромъ высшаго его начальства (§ 160).

При поверхностномъ взглядѣ можетъ по-

казаться, что проектируемый коммисіею совѣтъ будетъ самостоятельнѣе состоящаго нынѣ при президентѣ общества, такъ какъ въ проектѣ не говорится, что совѣтъ состоитъ при инспекторѣ, мало того § 159 прямо указываетъ, что по дѣламъ вѣдомства совѣта, главный тюремный инспекторъ не можетъ испрашивать непосредственныхъ разрѣшеній высшаго начальства безъ предварительнаго заключенія совѣта; но ограниченія эти сдѣланы въ силу того, что самъ инспекторъ-то дѣйствуетъ подъ надзоромъ высшаго своего начальства (§ 160); неизвѣстно только: какихъ дѣлъ министра? — такъ какъ коммисія, *не имѣя въ виду основаній, по которымъ тюремная часть въ различныхъ европейскихъ государствахъ отчислялась къ тому или другому вѣдомству, затруднилась высказать мнѣніе относительно того государственнаго учрежденія, въ вѣдѣніи котораго тюремная часть у насъ должна сосредоточиваться* (пр. § 158).

Оставимъ и мы вопросъ этотъ открытымъ такъ же, какъ и вопросъ объ организаціи главнаго тюремнаго управленія съ его мѣстными агентами (губернскими и областными тюремными инспекторами). пока невыяснимъ, чѣмъ должны быть ближайшіе тюремные начальники

въ отношеніи къ арестантамъ? для чего постараемся сначала выяснить: существуютъ-ли въ тюремной жизни какія либо особыя отношенія, могущія создать проступки или преступленія, непредвидѣнные общими уголовными законами для обыкновенной жизни въ обществѣ, и если да, то необходимо ли взысканіе за нихъ предоставить тюремному начальству, или возможно подчинить вѣдѣнію общихъ судебныхъ мѣстъ?

ГЛАВА VIII.

Отношеніе тюремнаго начальства къ осужденнымъ.

Изъ всѣхъ существующихъ у насъ тюремныхъ уставовъ, къ несчастію, въ одномъ только уставѣ рабочаго дома (ст. 303) перечислены проступки, подлежащіе взысканію по опредѣленію начальства, проступки эти редактированы такъ:

1) «Взятіе безъ позволенія какой либо чужой вещи, безъ намѣренія утаить или присвоить оную», хотя подобное дѣяніе и возможно, что бы лишить, напримѣръ, хозяина временно или навсегда принадлежащей ему вещи, спря-

тать забытую кѣмъ нибудь вещь, чтобы, попугавъ разиню, возвратить или просто посмѣяться надъ страхомъ и прочее въ этомъ родѣ и при такомъ мотивѣ проступокъ выдетъ дѣйствительно слишкомъ ничтожнымъ для судебнаго, да и всякаго другаго преслѣдованія; но подобные случаи возможны скорѣе между шаловливыми дѣтьми, чѣмъ людьми осужденными въ рабочій домъ и, наконецъ, они такъ трудно отличимы отъ воровства, что болѣе чѣмъ, что либо другое требуютъ разсмотрѣнія опытнаго и безпристрастнаго судьи, дабы подъ такимъ дѣтскимъ предлогомъ не могло скрываться наглое воровство.

2) «Утайка чужихъ вещей съ цѣлію присвоить ихъ себѣ»—къ присвоенію и утайкѣ чужой собственности. Уложеніе о наказаніяхъ (Раздѣлъ XII, глава IV) относитъ: а) присвоеніе черезъ подлогъ или иного рода обманы, чужаго недвижимаго имѣнія (отдѣленіе 1) преступленія едва ли возможныя въ тюремной жизни и наказуемыя, по ссылкѣ 1677 на 1690—1694 ст. Ул. о Нак., лишеніемъ всѣхъ правъ состоянія и ссылкою въ Сибирь на поселеніе; или же лишеніемъ всѣхъ особенныхъ, лично и по состоянію присвоенныхъ правъ и преимуществъ и ссылкою въ Сибирь

на житье, или отдачѣ въ исправительныя арестантскія роты по 4 степени 31 статьи (ст. 1690 и 1691 Улож. о Нак.), или же по 5) степени (1692 и 1693 ст. Улож. о Нак.), или же по пятой степени (ст. 1696 и 1693 ул. о Нак.) и одною степенью выше (1694 ст.).

б) Присвоеніе ученой и художественной собственности (отд. 3) также едва ли возможно въ тюремной жизни;

и наконецъ в) присвоеніе или растрату чужаго движимаго имущества, наказанія за что полагаются тѣже, что и за мошенничество, а именно, если похищено на сумму свыше 300 р. сер.—ссылка въ Сибирь на житье или арестантскія роты въ первый разъ по 5, второй—по 4 и третей—по 1 степени 31 ст. Улож. о Нак. и, на сумму менѣе 300 руб. сер.—заключеніе въ тюрьмѣ на время отъ 3 мѣсяцевъ до одного года. Тогда какъ высшія наказанія, допускаемыя уставомъ рабочаго дома: тѣлесное наказаніе въ количествѣ 35 ударовъ, соотвѣтствуетъ, на основаніи 3 пун. 81 ст. Улож. о Нак., тюремному заключенію отъ 2 до 4-хъ мѣсяцевъ и переводъ въ низшій разрядъ съ продолженіемъ срока заключенія и работъ—заключенію отъ 10 дней (для осужденныхъ въ рабочій домъ, на 2 мѣс. (до 4 мѣсяцевъ)

(для заключенныхъ на 2 года);—такъ какъ сронъ заключенія и работъ увеличиваются сотвѣтственно сроку, на который арестантъ былъ осужденъ въ рабочій домъ, считая по 5 дней на каждый мѣсяцъ заключенія (ст. 306).

Наконецъ, такъ какъ утайка, сама по себѣ, понятіе общее и составляетъ преступленіе, характезирующіеся способомъ перехода вещи отъ хозяина къ утаившему ея, безъ чего и самое преступленіе немыслимо; то, если допустить, что уставъ даетъ понятію этому болѣе широкое толкованіе, то и въ такомъ случаѣ, характиризуетъ способомъ перехода въ руки утаившаго вещь, это будетъ: кражею, если она была похищена тайно; мошенничествомъ—если выманена подъ какимъ либо вымысломъ; если взята подъ закладъ—преступленіемъ по обязательству займа, ввѣрена для сохраненія или же опредѣленнаго употребленія—присвоеніемъ чужаго движимаго имущества и проч.—всѣ преступленія, предвидѣнныя Уставомъ о нак. нал. Мир. Судьями или Улож. о наказаніяхъ; причемъ, принимая даже количество утаеннаго цѣною менѣе 300 руб. сер., будетъ подлежать: кража—тюремному заключенію отъ 3 до 6 мѣс. (ст. 169 Уст. о нак. нал. Мир. Суд.), мошенничество отъ 1 до 3 мѣс.

(ст. 173 и 174 того же устава), преступленіе по обязательству займа—отъ 3 мѣс. до 1 года (ст. 177 того же уст.) и т. д.; всѣ, почти превышаютъ, значитъ, наказательныя средства тюрьмы.

3) «Умышленная порча вещей, принадлежащихъ тюрьмѣ или другимъ арестантамъ» и 4) «обиды дѣйствіемъ безъ обдуманнаго заранѣе намѣренія», прямо предвидѣны Уставомъ о наказ. налагаемыхъ мировыми судьями.

5) «Маловажныя нарушенія установленнаго порядка, какъ несоблюденіе опрятности, тишины и такъ далѣе» и 6) «Воспрещенныя сношенія, особливо съ заключенными въ томъ мѣстѣ женщинами», безъ всякой натяжки могутъ быть отнесены къ 29 ст. Уст. о нак. нал. мир. суд., какъ неисполненіе законныхъ распоряженій, требованій или постановленій правительственныхъ или полицейскихъ властей, смотря потому, отъ кого они послѣдовали.

7) «Ослушаніе приказаніямъ смотрителя, приставовъ, надзирателя и надзирательницъ, имѣетъ значеніе ослушанія приказаніямъ соотвѣтствующихъ полицейскихъ чиновъ, обязанности которыхъ они въ тюрьмѣ исполняютъ.

8) Побѣгъ изъ тюрьмы предвидѣнъ Улож. о Наказаніяхъ: слѣдовательно и покушеніе къ нему или недонесеніе о таковомъ покушеніи должны подлежать разсмотрѣнію на общемъ основаніи законовъ.

9) «Покушеніе на подкупъ служителей для послабленія надзора»—преступленіе, котораго почти нельзя доказать; такъ какъ подобныя дѣянія совершаются безъ свидѣтелей и матеріальныхъ слѣдовъ послѣ себя неоставляютъ. На практикѣ, по всей вѣроятности, обвиненія основываются на голословномъ показаніи служителя. Да и чѣмъ собственно можетъ выразиться это покушеніе? допустимъ даже что самъ начальникъ, или кто другой, засталъ случайно арестанта, когда тотъ уже протянулъ служителю руку съ деньгами или какою нибудь вещью, хотя подобный случай почти не бывалое исключеніе; но развѣ даже и въ такомъ случаѣ, можно утвердительно сказать, что это было покушеніе на подкупъ? Развѣ не можетъ быть, что онъ передавалъ вещь или деньги на сохраненіе, для обмѣна или покупки? Чтоже, однако помѣшаетъ служителю, если онъ неуспѣлъ еще принять передаваемаго, обвинить арестанта въ покушеніи на подкупъ, къ которому онъ неподавалъ съ своей стороны никакого повода;

и если принялъ, сказать, что сдѣлалъ это для большаго обличенія? При такой постановкѣ, по крайней мѣрѣ, представляется еще сомнительнымъ: взялъ ли бы онъ предложенное, или, взявши, не представилъ ли начальству, какъ улику? Тогда какъ обвиненіе въ покупкѣ, или принятіи отъ арестанта чего либо на сохраненіе, послужило бы служителю прямымъ обвиненіемъ. — Чаще бываетъ просто попытка узнать: приметъ ли служитель подарокъ, чтобы, предлагая его, не попасть въ просакъ. — Развѣ не можетъ быть и въ подобномъ случаѣ ошибки со стороны слишкомъ щекотливаго аргуса, который и простой разговоръ о томъ, какъ въ другихъ тюрьмахъ берутъ сторожа съ арестантовъ подарки за послабленія, можетъ принять за обидное для себя покушеніе на его честь. Что мѣшаетъ, наконецъ, при безъ-наказанности за обвиненіе, вымогать служителю съ арестантовъ взятки угрозою обвинять ихъ въ покушеніи на подкупъ, хотя и совершенно невинныхъ въ этомъ?

Обращаясь за тѣмъ къ 382 ст. XV тома Улож. о нак. — единственной статьѣ, угрожающей ликодателямъ, мы едва-ли ошибемся, сказавъ, что покушеніе къ подкупу слу-

жителей для послабленія надзора, по общему смыслу нашего закона, ненаказуемо; — такъ какъ въ статьѣ этой прямо перечислены случаи и ясно обрисованъ характеръ подкупа, подлежащій отвѣтственности, а именно: «склоненіе состоящихъ на службѣ государственной и общественной похитить, скрыть, истребить или же въ чемъ либо измѣнить одну или нѣсколько изъ принадлежащихъ къ дѣламъ бумагъ: или же сдѣлать другой сего или иного рода подлогъ;» между тѣмъ принятіе подарка по дѣлу или дѣйствію, касающемуся до обязанностей по службѣ, даже и безъ всякаго въ чемъ либо нарушенія сихъ обязанностей — предвидѣно (ст. 372 Ул. о Нак.). Предвидѣно также и смягченіе наказанія вопреки судебному приговору, при исполненіи онаго (ст. 457 Улож. о Нак.); но о наказаніи за подкупъ на это—не упомянуто.

Намъ кажется гораздо практичнѣе, вмѣсто угрозы наказаніемъ за покушеніе къ подкупу, устранить возможность къ послабленію надзора не только со стороны служителей, но и всего вообще начальства; а этого тѣмъ легче достигнуть, чѣмъ менѣе острожная жизнь будетъ зависить отъ произвола отдѣльныхъ лицъ, не допуская ни какихъ иск-

люченій, поощреній и всякихъ другихъ привилегій для исправляющихся и наказанія безъ суда провинившихся. И когда арестанты убѣдятся, что вся жизнь ихъ заключена въ тѣсныя, точно опредѣленныя закономъ рамки, что начальникъ, какъ не желай онъ сдѣлать кому либо облегченіе или отягченіе опредѣленнаго судомъ наказанія, не имѣетъ на это никакой возможности; тогда покушенія на подкупъ сами собой искоренятся. Пока же служитель будетъ играть роль донощика, всегда найдется начальникъ, который захочетъ слушать его доносы, придавая имъ безспорное значеніе и тѣмъ дастъ возможность гнусному шпіону вымогать у арестантовъ ихъ послѣдніе убогіе гроши и обвиненія въ покушеніи на подкупъ будутъ возбуждаться именно противу тѣхъ, кто не желаетъ или не можетъ подкупить. Впрочемъ, мы сказали, не желаетъ, развѣ розги и голодъ не заставятъ рѣшиться на это каждаго, у кого есть чѣмъ смягчить произволъ, котораго никто и ничто кромѣ этого не въ силахъ остановить.

И такъ всѣ изъ перечисленныхъ до сихъ поръ проступковъ и преступленій рабочаго дома предусмотрѣны Уложеніемъ о Наказаніяхъ или Уставомъ о Наказаніяхъ Налагае-

мыхъ Мировыми Судьями, или же могутъ быть отнесены къ таковымъ; при чемъ многія изъ нихъ какъ: кража и мошенничество, если утайку распространять и на нихъ; присвоеніе чужаго имущества или умышленная порча его и прочія требуютъ отъ судьи слишкомъ большой опытности, чтобы разборъ ихъ подчинить усмотрѣнію некомпетентнаго въ дѣлѣ суда тюремнаго начальства. Наказанія за всѣ почти эти преступленія значительно превышаютъ власть, предоставленную уставомъ начальству, такъ чтобы пришлось увеличить ея до заключенія въ тюрьмѣ на годъ, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ и при болѣе тѣсномъ толкованіи понятія объ утайкѣ, и того болѣе», иначе вышло-бы, что заключенные почти ненаказуемы за содѣланныя въ тюрьмѣ преступленія; тогда какъ, по силѣ 131 ст. Улож. о Нак. повтореніе того-же преступленія или учиненіе другого послѣ суда и наказаніе за первое служитъ къ числу обстоятельствъ, увеличивающихъ вину и наказаніе.

Часто, при взысканіяхъ за неисполненіе приказаній начальства, — приказаній, быть можетъ, и не совсѣмъ согласныхъ съ уставомъ, начальникъ является лицомъ заинтересованнымъ и потому не настолько спокой-

нымъ, чтобы остаться вполнѣ справедливымъ. При ссорахъ арестантовъ, между собою, онъ опять является человѣкомъ предубѣжденнымъ, считающимъ однихъ кроткими и хорошими, другихъ строптивными и безпокойными; слѣдовательно не можетъ почитаться, и въ этомъ случаѣ, совершенно безпристрастнымъ. Да наконецъ, если бы онъ и пожелалъ быть вполнѣ справедливымъ къ двумъ совершившимъ одно и тоже преступное дѣяніе; но одинъ изъ нихъ, оказался бы изъ заключенныхъ въ рабочій домъ на два мѣсяца, а другой на два года; то, на основаніи 306 ст. устава, первому долженъ былъ-бы увеличить срокъ заключенія и работъ на 10 дней, а второму, быть можетъ виновному менѣе перваго, на 4 мѣсяца (по 5 дней за мѣсяцъ заключенія ст. 306). — Или, одного наказать розгами, а другого посадить въ уединенную комнату. Вотъ до чего могутъ довести и доводятъ исключенія въ видахъ предполагаемаго усиленія власти начальника, что, на самомъ дѣлѣ, много уменьшаетъ значеніе его въ глазахъ осужденныхъ, возбуждая въ нихъ ропотъ и ожесточеніе. Подобную вопіющую несправедливость можно исправить только полнымъ изъятіемъ изъ власти тюремнаго начальства всѣхъ до одно-

то проступковъ и преступленій съ подчиненіемъ ихъ вѣдѣнію общихъ судебныхъ мѣстъ и лицъ.

Кромѣ исчисленныхъ выше общихъ, такъ сказать, для тюремной жизни и жизни на свободѣ, преступленій и проступковъ, въ уставѣ рабочаго дома указаны еще два вытекающіе изъ условій быта тюрьмы съ обязательной работою: 1) «нерадѣніе къ исполненію урочной работы» и 2) «ложныя показанія о болѣзни». — Что слѣдуетъ подразумѣвать подъ понятіемъ о нерадѣніи распространяя его и на лѣнивыхъ, не доработывающихъ урока? какъ это дѣлаетъ уставъ. — Одну-ли неуспѣшность въ работѣ, то-есть невыполненіе заданнаго урока, или и дурное небрежное выполненіе его? Не растягиваемо-ли понятіе это до неоправданія надеждъ начальства, которое считало себя въ правѣ ожидать отъ извѣстнаго арестанта не одной хорошей — урочной работы, но и постояннаго излишка и подлежитъ ли, наконецъ, сверхъ урочная работа тѣмъ-же требованіямъ, какъ и урочная? — Работа въ домѣ обусловлена уставомъ не однимъ урокомъ; но и обязательнымъ занятіемъ въ продолженіи всѣхъ назначенныхъ для нея часовъ. Соединеніе этихъ

двухъ требованій, дѣлаетъ значеніе урока какъ бы второстепеннымъ, низводя до простаго указанія, что меньшее количество работъ почитается лѣнью и неуспѣшностію. При подобномъ выводѣ, слѣдовательно, и излишняя работа должна подчиняться однимъ условіямъ съ урочною, то-есть успѣвшій окончить, напримѣръ, урокъ въ пять рабочихъ часовъ, въ остальные пять, долженъ сдѣлать столько же сверхъурочной. Но не говоря уже о томъ, что торопившійся урокомъ, чтобы заработать себѣ хоть что нибудь лишнее, быть можетъ утомился отъ этой торопливости и потому имѣетъ необходимость отдохнуть, или работать тише; какое справедливое основаніе имѣло бы тогда особое вознагражденіе за сдѣланное сверхъ урока, если это поставлено уставомъ въ непремѣнную обязанность, неисполненіе которой влечетъ за собою наказаніе?—А если отнять и это ничтожное вознагражденіе, чѣмъ заставятъ тогда работать лучше и скорѣе, развѣ каждый не сталъ бы растягивать, въ такомъ случаѣ, работу, какъ разъ на всѣ рабочіе часы. Изъ чего, кромѣ урока, можно вывести вѣрныя основанія скорости работъ, гдѣ мѣрка большей или меньшей продолжительности отдыховъ? когда одинъ привыкъ

отдыхать часто, но недолго, другой одинъ разъ, но болѣе продолжительно.

Но, если работу обусловить однимъ урокомъ, тогда сверхъ урочная, не имѣя принудительнаго характера и не поддержанная новымъ заработкомъ, могла бы обратиться въ обязанность только не отлучаться во все остальное время рабочихъ часовъ изъ мастерской. На чемъ справедливѣе и практичнѣе остановиться при выборѣ между двумя не вполнѣ соединимыми требованіями на урокъ или безпрерывности работъ? Думаемъ, на урокѣ, такъ какъ, въ такомъ случаѣ, наказаніе за нерадѣніе, по отношенію къ количеству работы, можно было бы основать на болѣе прочныхъ и удобныхъ для контроля началахъ. Медленность, лѣнь, частыя или продолжительныя остановки и тому подобное понятіе слишкомъ растяжимыя и безказательныя, тогда какъ не выполненіе урока безспорно. Могутъ, правда, встрѣтиться оправдательные мотивы и въ этомъ случаѣ, но для нихъ можно предвидѣть исключенія, требуя со стороны неисправнаго доказательствъ, что онъ находился въ положеніи, для котораго допущены исключенія на томъ общемъ основаніи, по которому каждый долженъ доказать

свои доводы и возраженія въ виду положительнаго невыполненія требуемаго отъ него уставомъ. Ставъ на такихъ прочныхъ практическихъ началахъ, возможно было бы такъ же практично покончить и съ наказаніемъ, замѣнивъ его принятымъ въ нашемъ рабочемъ быту штрафомъ, который, согласно требованіямъ наказанія, долженъ заключаться въ отработаніи, за всякій не выполненный урокъ, день, два, наконецъ, три лишнихъ дня, продолжая тѣмъ время своего заключенія не по произволу начальства, а потому что не выполнилъ еще опредѣленнаго судомъ наказанія, которое предполагалось при опредѣленномъ, въ каждую недѣлю, числѣ рабочихъ часовъ. Незачетъ того дня, въ который онъ хотя и производилъ работу, но не выполнилъ всего что требовалось, а также и прибавляемый за это излишекъ слишкомъ хорошо извѣстны нашимъ рабочимъ, чтобы возбудить сомнѣніе въ справедливости подобной мѣры. Тогда, правда, сверхъурочная работа могла бы серьезно существовать только при вознагражденіи полнымъ заработкомъ, но что же теряетъ отъ этого тюрьма изъ дѣйствительно принадлежащаго ей?

Невозможна была бы эксплоатація труда

вымученнаго голодомъ и розгами; но развѣ законъ обязываетъ осужденныхъ въ работу; онъ разсчиталъ, что можетъ и долженъ сдѣлать арестантъ и болѣе этого ни кому не далъ права требовать съ него.

Могло бы, однако же, случиться, что многіе, не смотря на заработокъ, не захотѣли все-таки продолжать работы сверхъ урока, затруднивъ тѣмъ конвой и начальство излишнимъ присмотромъ за собою или отдѣльнымъ отъ другихъ отправленіемъ въ казарму; но и это можно было бы устранить, обязавъ окончившихъ уроки арестантовъ оставаться на работѣ до окончанія опредѣленнаго для нея времени. Если бы и случилось, что кто нибудь, обязанный такимъ образомъ оставаться на работѣ, предпочелъ заработку ничего недѣланіе, то подобное положеніе долго продолжаться не могло бы, потому что сидѣть безъ дѣла и при томъ сидѣть чинно, какъ подобаетъ въ публичномъ мѣстѣ и тамъ, гдѣ всѣ работаютъ, скучнѣе чѣмъ самому работать. Наконецъ, въ проектируемой тюрьмѣ съ земледѣльческими работами подобные случаи могли бы встрѣчаться развѣ при зимнихъ работахъ, такъ какъ полевыя работы производятся дѣлыми партіями, гдѣ пахарю, жнецу

или косцу, самимъ неудобно отставать отъ товарищей: вязка сноповъ, мѣтаніе копенъ, свалка, нагрузка и переноска хлѣба, молотьба его и проч.—все работы настолько одинаковыя почти для каждаго, что при артельномъ выполненіи, когда всякій недоработокъ лениваго падаетъ на остальныхъ, навѣрное можно обойтись безъ особаго вмѣшательства начальства, такъ какъ возбудить общую нелюбовь товарищей гораздо хуже всякаго наказанія. Да, наконецъ, общая жалоба товарищей терпящихъ отъ неуспѣшности лѣниваго, провѣренная начальствомъ, могла бы быть наказана указаннымъ штрафомъ.

Нерадѣніе къ работѣ въ смыслѣ небрежной отдѣлки ея или порчи слѣдуетъ обусловить мотивомъ порчи: если это сдѣлано съ умысломъ, то дѣйствіе сіе будетъ составлять, какъ указано выше, проступокъ предусмотренный Уставомъ о нак. нал. мир. суд. и потому начальство имѣетъ право привлечь виновнаго въ этомъ къ суду, на правахъ стороны потерпѣвшей отъ его проступка. Если же порча произошла не прямо отъ вины работавшаго и тюремное начальство, однако же, не желаетъ принять происшедшій отъ этого убытокъ на счетъ тюрьмы, оно имѣло бы

право предложить арестанту пополнить убытокъ изъ рабочихъ денегъ или обратиться съ своею претензіею къ суду, который имѣетъ возможность гораздо правильнѣе и безпристрастнѣе опредѣлить, на сколько виноватъ въ этомъ арестантъ, которому сплошь и рядомъ даютъ работы не по силамъ или такія, о коихъ онъ не имѣлъ до того никакого понятія. «Ложныя показанія о болѣзни» можно отличить отъ справедливыхъ только послѣ правильнаго медицинскаго освидѣтельствованія, но и при категорическомъ заявленіи доктора о здоровьѣ едва ли всегда справедливо обвинить во лжи человѣка, быть можетъ, только мнительнаго, боязливаго, придавшаго большое значеніе утомленію, упадку духа и другимъ психическимъ явленіямъ и потому, думаемъ, было бы справедливѣе, послѣ подобнаго отзыва доктора, предложить снова арестанту отправиться на работу и если онъ тогда его не исполнитъ, или же будетъ уличенъ въ явной лжи, возбудить противъ него судебное преслѣдованіе.

Намъ, быть можетъ, возразятъ, что случаи подобныхъ разбирательствъ будутъ слишкомъ часты, гдѣ же возиться съ ними тюремному начальству, обвиняя передъ судомъ каждаго

провинившагося арестанта, что это, наконецъ, уменьшило бы и самое значеніе начальства. Все подобное и даже болѣе говорилось, да и теперь еще говорится, сторонниками бывалыхъ полицейскихъ разбирательствъ, однако же это не помѣшало измѣнить порядокъ и развѣ полиція стала отъ того пользоваться меньшимъ уваженіемъ? думаемъ, напротивъ, а отъ полиціи также требуется часто явки на судъ, а вѣдь полицейская служба едва ли менѣе безпрерывна чѣмъ служба тюремнаго начальства. Да наконецъ, въ данномъ случаѣ, можно было бы обойтись и безъ требованія къ суду. Мировыя судьи могли бы являться въ тюрьму по очереди, разъ или два въ недѣлю, въ вечернее время, когда тюремныя работы уже окончены и творить тамъ судъ скорый и правый, не прерывая обыкновеннаго теченія тюремной жизни, что было бы удобно и въ видахъ осмотра испорченныхъ вещей, опроса свидѣтелей и вообще разбора дѣла на мѣстѣ и вмѣстѣ съ тѣмъ, дало бы имъ случай осматривать и самыя тюрьмы; а арестантамъ послужило бы хорошей школой. Въ проектируемыхъ же центральныхъ тюрьмахъ, если тамъ по близости не было мировыхъ судей, можно было бы при

главномъ управленіи составить особый судъ изъ независимыхъ отъ начальства и не смѣняемыхъ судей, которые соединяясь въ извѣстные періоды года въ одну коммисію, разбирали бы дѣла подсудныя общимъ судебнымъ мѣстамъ, а въ остальное время, также въ опредѣленные дни, разъѣзжали по тюрьмамъ для исполненія обязанностей мировыхъ судей.

И такъ въ тюремной жизни нѣтъ, какъ мы видѣли, проступковъ и преступленій требующихъ исключенія изъ общей подсудности и для преслѣдованія ихъ, если полная возможность воспользоваться общими судебными учрежденіями; остается вопросъ: уменьшилось ли бы значеніе тюремнаго начальства въ глазахъ арестантовъ съ отнятіемъ у него права наказывать ихъ? Мы уже говорили, что полиція, лишившись права чинить судъ и расправу, не только не потеряла своего значенія въ обществѣ, но стала, скорѣе, пользоваться съ тѣхъ поръ еще большимъ уваженіемъ; тюремное начальство, по надзору надъ арестантами, исполняетъ въ тюрьмѣ туже роль, что полиція въ обществѣ; такъ же не компетентно въ дѣлѣ суда какъ и полиція, но еще болѣе, заинтересовано въ возбуждаемыхъ имъ пре-

слѣдованіяхъ являлись, чаще всего, судьею въ собственномъ дѣлѣ по разбору претензій на дурную пищу, плохую топку и прочее въ этомъ родѣ. Даже и въ дѣлахъ не касающихся лично тюремной администраціи начальнику трудно быть безъ пристрастнымъ судьею, онъ слишкомъ близко знаетъ арестантовъ, видя ихъ и въ тѣ минуты физическаго утомленія, когда не всякій умѣетъ владѣть собою, слыша, подъ часъ ихъ сужденія и даже ночной бредъ; слѣдовательно имѣетъ много чисто личныхъ причинъ однихъ ненавидѣть, другимъ благоволить. Ему трудно забыть, при случаѣ, кто изъ нихъ терпѣливо переноситъ холодъ и голодъ и кто обовсемъ наровитъ заявить претензію. Съ другой стороны, при нищенскомъ содержаніи и такой же почти зависимости отъ своего начальства, смотрителю не всегда приходится являться передъ арестантами грознымъ командиромъ могущимъ какъ командиръ, напримѣръ, арестантскихъ ротъ, безъ всякой вины, бить, сѣчь, брить головы и заковывать въ кандалы всякаго, кто ему не подушѣ, увеличивая тѣмъ сроки заключенія на 6 мѣсяцевъ. Ему и самому не рѣдко приходится, въ глазахъ этихъ забитыхъ людей, униженно вымаливать пощаду у грознаго

начальника хоть ради несчастной жены и дѣтей, то есть приходится являться такимъ же ничтожнымъ и безправнымъ существомъ, какъ и они передъ его деспотической и ничѣмъ не ограниченной волей. Могутъ ли арестанты и послѣ подобныхъ минутъ униженія ихъ притѣснителя питать къ нему должное уваженіе, не захочетъ ли онъ и самъ сторицею выместить на нихъ свой стыдъ и униженіе? А между тѣмъ безъ нравственнаго вліянія начальника на арестантовъ не мыслимо исправленіе ихъ ни при какихъ посторонникъ мѣрахъ и затратахъ; по этому подобныя отношенія слѣдуетъ измѣнить до основанія. Смотрителя вмѣстѣ съ прочими служащими при тюрьмѣ, необходимо обезпечить вполнѣ достаточнымъ содержаніемъ, освободить отъ непосредственной зависимости отъ губернатора, губернскаго правленія, исправника и другихъ полицейскихъ чиновниковъ, оставивъ тѣмъ чиновникамъ право осмотра тюремъ и возбужденія, въ случаѣ найденныхъ безпорядковъ и отступленій отъ устава законнаго преслѣдованія посредствомъ суда или тюремныхъ комитетовъ.

Увольненіе чиновниковъ отъ службы, даже временное удаленіе отъ должности, слѣдуетъ

допустить по приговору суда или комитетовъ, а отнюдь не отдѣльныхъ личностей, подчинивъ, однако же ихъ общему порядку отвѣтственности передъ закономъ, то-есть допустивъ возбужденіе преслѣдованія противъ нихъ по иниціативѣ начальства, слѣдователей, прокурорскаго надзора и лицъ, потерпѣвшихъ отъ преступленія по мимо всякихъ, въ такомъ случаѣ, соображеній начальства. При такомъ только порядкѣ честный и уважающій законы человѣкъ, рѣшится взяться за эту тяжелую обязанность, требующую много разносторонней и утомительной дѣятельности и хорошей подготовки. Но для того чтобы и подобный человѣкъ всегда могъ являться умѣлымъ и безпристрастнымъ, непремѣнно слѣдуетъ отдѣлить отъ дѣятельности его все, что такъ или иначе можетъ колебать въ глазахъ арестантовъ авторитетъ его въ опытности, честности и безпристрастіи. Такъ, ни кто изъ начальниковъ отнюдь не долженъ быть поставщикомъ, пріемщикомъ или расходчикомъ по предметамъ содержанія арестантовъ. Торги на поставки могутъ производиться при попечительныхъ о тюрьмахъ комитетахъ или губернскихъ правленіяхъ. Пріемки должны производиться, при депутатахъ отъ арестант-

скихъ артелей, однимъ или двумя очередными членами комитета; не такъ чтобы ни кому изъ нихъ неприходилось исполнять этой обязанности болѣе одного раза въ годъ. Сохраненіе предметовъ заготовляющихся въ большомъ количествѣ, должно быть поручено особому чиновнику, неимѣющему никакихъ начальническихъ отношеній къ арестантамъ и наконецъ расходываніе практичнѣе всего предоставить самимъ арестантамъ, на принятыхъ въ настоящее время въ войскахъ, артельныхъ началахъ. Перечисляя всѣхъ участвующихъ въ довольствованіи арестантовъ, мы ни разу не упомянули о ихъ начальникахъ отнюдь не изъ недовѣрія къ нимъ, а съ цѣлію оградить репутацію ихъ отъ малѣйшей тѣни сомнѣнія и тѣмъ дать имъ больше силы и энергіи для прекращенія и преслѣдованія могущихъ случиться при этомъ злоупотребленій. При предлагаемомъ порядкѣ начальникъ былъ-бы лицомъ не заинтересованнымъ въ благородной экономіи въ свою пользу и потому ему, какъ обезпеченному и независимому человѣку, ничто не помѣшало-бы честно и настойчиво хлопотать объ интересахъ людей просящихъ у него законной защиты. Кормятъ арестантовъ дурно,

начальникъ имѣетъ возможность, безъ шуму и крику, предоставить имъ право избрать другого артельщика или усилить надзоръ надъ прежнимъ, перемѣнить кашевара или хлѣбопека; плохи матеріалы—не принять ихъ или обратиться въ комитетъ съ ходатайствомъ о перемѣнѣ; холодно въ камерахъ, ниже положеннаго числа градусовъ, потребовать отъ коммисара новой топки. Словомъ, всякую законную претензію арестантовъ, всякую недодачу имъ чего либо, или недоброкачественную выдачу, начальникъ долженъ узаконить своимъ ходатайствомъ, такъ чтобы искатели бунтовъ потеряли возможность энергическими расправами надъ грабимыми арестантами прикрывать злоупотребленія начальниковъ-кормилицъ. Подобная роль начальника, возвысивъ его въ глазахъ тѣхъ объ интересахъ которыхъ онъ будетъ заботиться, могла-бы вмѣстѣ съ тѣмъ, уменьшить возможность безгрѣшныхъ доходовъ, бунтовъ и оскорбленій начальства. Но если-бы при предлагаемой независимости и устраненіи отъ нечестныхъ соблазновъ оставить начальнику право наказывать арестантовъ; то едва-ли несчастнымъ не пришлось отъ того хуже настоящаго, потому что деспотъ, гордый своею

честностію и не зависимостію легче всего можетъ обратиться въ тирана, способнаго въ самой обыкновенной человѣческой слабости видѣть преступленіе, требующее безпощадной строгости. Жестокость тирана и даже простыя ошибки добраго начальника, одинаково оттолкнули бы отъ нихъ арестантовъ и даже честность ихъ по хозяйству, они не приписали бы, въ такомъ случаѣ, ни чему иному кромѣ невозможности быть безчестными. Только съ устраненіемъ обоихъ золъ, новое тюремное начальство, могло бы явиться въ глазахъ арестантовъ истиннымъ представителемъ закона полагающаго главною задачею наказанія — исправленіе осужденныхъ; чѣмъ сильнѣе увлекся бы начальникъ этой благотворной высокочеловѣческой дѣятельностію, тѣмъ болѣе принесъ бы пользы осужденнымъ и цѣлому обществу.

На преступленіе опасно смотрѣть, какъ на болѣзнь воли, потому что это не устраняетъ необходимости и законности наказанія; но цѣль наказанія, въ такомъ случаѣ, должна клониться лишь къ излѣченію преступной воли т. е. исправленію, а не къ униженію и безполезнымъ мученіямъ. Человѣку, поставленному въ положеніе дикаго звѣря,

котораго всякій сторожъ безнаказанно можетъ дразнить желѣзнымъ прутомъ, трудно выйти изъ клѣтки ягненкомъ. — Какъ съ физически страждущимъ нужно-быть нѣжнымъ, ласковымъ и терпѣливымъ и, въ тоже время, настойчивымъ при исполненіи предписаній врача; такъ и съ нравственно больнымъ необходимо быть кроткимъ и ласковымъ; сочувствовать и нравственно поддерживать въ немъ малѣйшее проявленіе раскаянія, теплымъ словомъ стараться образумить ошибающихся; словомъ, всегда быть добрымъ человѣкомъ, сочувствующимъ несчастію и вѣрующимъ въ возможность исправленія; но вмѣстѣ, ни на шагъ не отступающимъ отъ требованій закона. Даже и составляя актъ о новомъ преступленіи кого либо изъ заключенныхъ, начальникъ долженъ вести себя съ достоинствомъ человѣка исполняющаго священную волю закона, а не безнаказаннымъ чиновникомъ, могущимъ дать дѣлу то или другое направленіе. При чемъ опытный, и любящій начальникъ могъ бы воспользоваться правомъ наставника, не оскорбляя провинившагося, объяснить ему и его товарищамъ справедливость требованія закона, наказывающаго въ огражденіе ихъ же собственнаго интереса.

Подобнымъ обращеніемъ начальникъ могъ бы на столько расположить къ себѣ арестантовъ, что они навѣрно стали бы обращаться къ нему даже въ частныхъ своихъ нуждахъ и онъ могъ бы помочь имъ практическимъ совѣтомъ, доставить возможность научиться мастерству, сбывать работу, обучиться грамотѣ, отрекомендовать на мѣсто по выходѣ изъ тюрьмы, способствовать свиданію и перепискѣ съ родными, друзьями и покровителями и вообще заботиться о нихъ какъ о кліентахъ лишенныхъ возможности устраивать свои дѣла лично. Вотъ роль, которую, по нашему мнѣнію, должно исполнять тюремное начальство относительно арестантовъ и для подобной истинно-христіанской дѣятельности, горячо вѣримъ, нашлось бы много честныхъ и образованныхъ людей, особенно если ихъ достаточно обезпечить матеріальными средствами и возможной въ чиновничьемъ быту независимостію. Для того же, чтобы излишней мягкостію обращенія, они не ослабили карательной силы наказанія, правительство и общество могли бы наблюдать за точнымъ исполненіемъ предписанныхъ закономъ правилъ о содержащихся посредствомъ губернаторовъ, предсѣдателей окруж-

ныхъ судовъ и судебныхъ палатъ, ихъ прокуроровъ, мировыхъ судей, гласныхъ земскихъ управъ и другихъ инспекторовъ отъ земства и правительства. Съ предоставленіемъ имъ права сообщать о всѣхъ замѣченныхъ ими безпорядкахъ и отступленіяхъ отъ устава — комитетамъ или возбуждать законное преслѣдованіе, безъ права впрочемъ, отрѣшенія чиновниковъ отъ занимаемыхъ ими должностей. Наконецъ, съ цѣлію изученія тюремнаго вопроса и вмѣстѣ, чтобы освѣтить эти мрачныя катакомбы посредствомъ самой широкой гласности, слѣдуетъ допускать во всѣ отдѣленія тюрьмы каждаго кто пожелаетъ. Желающихъ навѣщать заключенныхъ слѣдуетъ также допускать въ пріемную тюрьмы во все свободное отъ занятій арестантовъ время дня и при томъ безъ перегородокъ и шпіоновъ, чтобы отнюдь не ослаблять прежнихъ связей заключенныхъ съ обществомъ, въ которое имъ предстоитъ вернуться по окончаніи сроковъ заключенія.

При такомъ широкомъ контролѣ надъ тюрьмами думаемъ, можно было бы обойтись безъ губернскихъ и областныхъ инспекторовъ (§ 164) и особенно въ виду предположенія коммисіи *пріурочить впослѣдствіи арестное*

наказаніе къ смирительнымъ домамъ въ видѣ особаго отдѣленія (прим. § 66), ибо какъ тогда въ цѣлой губерніи остался бы одинъ много два смирительныхъ дома и нѣсколько не большихъ этаповъ. Практично ли для надзора надъ ними учреждать особыхъ инспекторовъ съ управленіями и канцеляріями? Это значило бы имѣть въ одной тюрьмѣ двухъ директоровъ, изъ которыхъ старшій (инспекторъ) не занимался бы дѣломъ, считая себя слишкомъ важнымъ для того, что можно потребовать отъ младшаго; а младшій потому что за заслуги его главная награда достается не ему, да и не вину взглянуть снисходительнѣе, чтобы не обидѣть инспектора. Что же касается предложенія коммиссіи объ учрежденіи главной инспекціи надъ тюрьмами всей имперіи для введенія въ дѣло содержанія арестантовъ единства послѣдовательности и строгой системы, и наконецъ для обсужденія законодательныхъ работъ и соображеній касающихся до устройства тюремной части (пр. § 156), то мысль эта заслуживаетъ полнаго сочувствія; но въ подробностяхъ и этотъ проектъ требуетъ нѣкоторыхъ измѣненій: такъ пріюты для находящихся подъ слѣдствіемъ, какъ не имѣющіе значенія тюремъ и требую-

щія особой организаціи и иного подряда управленія, практичнѣе подчинить надзору министерства юстиціи.

Остальныя тюрьмы, какъ мы высказывали уже не разъ, должны преслѣдовать одни и тѣ же наказательныя цѣли и подчиняться одному общему уставу и потому общій инспекторскій надзоръ надъ ними можно сосредоточить въ независимомъ ни отъ какого министерства центральномъ тюремномъ управленіи, въ составѣ, пожалуй указанномъ коммисіею (§ 158) съ главнымъ инспекторомъ въ главѣ. И такъ какъ существующимъ законодательствомъ, проектируемымъ уставомъ коммисіи и нашимъ проектомъ принимаются три главные разряда тюремъ: 1) безъ обязательной работы, 2) съ обязательной обыкновенной и 3) обязательной каторжной работою, которыя въ силу этого дѣленія имѣютъ свои спеціальныя особенности: по устройству, ведѣнію хозяйства, усовершенствованію и сбыту работъ; иной порядокъ вознагражденія за труды и разныя средства при устройствѣ быта арестантовъ по освобожденіи изъ тюрьмы, то практичнѣе всего главное управленіе надъ тюрьмами всей имперіи подраздѣлить на три отдѣла, подчинивъ ту-

бернскія (безъ обязательной работы) тюрьмы непосредственному завѣдыванію главнаго инспектора, а центральныя земледѣльческія вмѣстѣ съ колоніями и каторжныя, особымъ главнымъ директорамъ, которые должны считаться товарищами главнаго инспектора какъ предсѣдателя центральнаго тюремнаго управленія. Главный инспекторъ, вмѣстѣ съ центральнымъ управленіемъ долженъ находиться въ Петербургѣ, а главные директора земледѣльческихъ и каторжныхъ тюремъ въ раіонѣ расположенія этихъ тюремъ и ежегодно на извѣстный срокъ, являться въ главное центральное управленіе для участія въ составленіи всеподданнѣйшаго отчета по тюремной части въ цѣлой Имперіи, обсужденія законодательныхъ измѣненій и дополненій, составленія инструкцій для тюремъ и вообще для обсужденія главныхъ вопросовъ тюремной жизни, составленія смѣтъ расходамъ, провѣрки отчетовъ и назначенія чрезвычайныхъ ревизій. — На эти ежегодныя собранія главнаго тюремнаго управленія должны командироваться представители мѣстныхъ тюремныхъ комитетовъ, если комитеты найдутъ это необходимымъ, члены отъ министерствъ: внутреннихъ дѣлъ, юстиціи, финансовъ, 2 отдѣленія соб-

ственной Его Императорскаго Величества канцеляріи, главнаго медицинскаго управленія, ученыя юристы и другія лица по Высочайшему соизволенію.

ГЛАВА IX.

Дѣятельность тюрьмы по исправленію нравственности осужденныхъ.

Забота объ исправленіи нравственности арестантовъ должна составлять главную задачу тюремнаго устава; къ несчастью, наши уставы отнеслись къ этому дѣлу поразительно легко, между прочимъ и безъ всякаго опредѣленнаго направленія. Коммисія графа Соллогуба невключила даже этого вопроса въ программу своихъ занятій. Одинъ только уставъ с.-петербургскаго исправительнаго заведенія порадѣлъ по этой части подъ привлекательнымъ высоконравственнаго обѣщанія возвратить осужденныхъ полезными самимъ себѣ, семейству и обществу (ст. 326). Онъ заботливо обдумалъ программу всей жизни арестантовъ, просидѣвъ ее часъ за часомъ, съ пробуж-

денія до отхода ко сну, стараясь поставить въ извѣстныя рамки не только возможныя дѣйствія, но даже направить мысль, заставить говорить о томъ только, что считается нравственнымъ, неразвращающимъ (ст. 442). Порядокъ и дисциплину довелъ до того, что даже и работы, между прочимъ, опредѣлилъ избирать такія, которыя пріучали-бы арестантовъ къ порядку, правильному употребленію времени, подчиненности и повиновенію (ст. 471). — Но, увлекаясь внѣшностью, Уставъ не только ничего не сдѣлалъ для нравственнаго исправленія осужденныхъ, но всячески старался подавить въ нихъ и то, что было теплаго и свѣтлаго до поступленія въ этотъ мертвый пріютъ исправленія. Какъ старый ветеранъ, утратившій въ служеніи дисциплинѣ всякія симпатіи къ семьѣ, обществу, труду, свободѣ и другимъ завѣтнымъ надеждамъ и стремленіямъ человѣчества, быть можетъ даже и незнавшій ихъ. Уставъ всѣми силами старался подавить личность низвести человѣка — это гордое существо, тщеславящееся надъ всѣмъ міромъ своей могущей волею и творческимъ, всеобъемлющимъ умомъ — до значенія машины.

Обѣщаясь возвратить осужденнаго полез-

нымъ семьѣ, онъ всѣми силами старается разлучить его съ нею, дозволяя видѣться только съ родителями, дѣтьми, родными братьями, сестрами и супругами и то въ продолженіи одного только часа въ мѣсяцъ, съ тѣмъ, что бы онъ наступилъ не ранѣе трехъ недѣль послѣ предыдущаго свиданія (ст. 596 и 697). Свиданіе съ остальными родственниками, не исключая дѣда и роднаго дяди, будь они хоть опекунами осужденнаго, ни въ какомъ случаѣ не допускается; тогда какъ въ рабочемъ домѣ, который не обѣщалъ возвратить содержащихся въ немъ «полезными самимъ себѣ и семейству», арестантамъ высшаго разряда дозволяется имѣть свиданіе съ родными безъ всякаго исключенія въ праздникъ Рождества Христова, первые три дня Пасхи и первое воскресеніе каждаго мѣсяца (ст. 281); слѣдовательно и арестантамъ низшаго разряда четырьмя днями болѣе лучшихъ смирительнаго дома и притомъ безъ перегородокъ и въ такіе торжественные дни, какъ Свѣтлый Праздникъ и Рождество Христово, когда свиданіе имѣетъ особое значеніе. Въ образцовомъ же исправительномъ заведеніи легко можетъ случиться, что не дозволятъ свиданія въ эти дни потому, что не прошло мѣсяца съ по-

слѣдняго свиданія. Да и самое свиданіе уставъ съумѣлъ такъ отвратительно обставить, что оно не въ состояніи вселить въ несчастныхъ иного чувства, кромѣ справедливаго негодованія къ безцеремонности и наглости начальства, съ какою оно врывается въ тотъ тѣсный семейный кругъ, куда недопускаютъ даже дѣда и дядю. Горячо, впрочемъ, вѣримъ, что человѣчество не пало еще такъ низко, чтобы нашлось много такихъ, у кого хватило бы духу стать между отцомъ и дочерью, мужемъ и женой въ ихъ задушевной бесѣдѣ или раздѣлить ихъ рѣшеткою, и потому надѣемся, что свиданія эти происходятъ не при той обстановкѣ, какой желалъ пекущійся о пользѣ семьи уставъ. Если-же ему удалось этого достигнуть, то считайте, несчастные родственники, погибшимъ для себя каждаго, попавшаго въ это исправительное заведеніе: это могила, которая не вернетъ прошлаго!

Итакъ, о семьѣ уставъ говоритъ случайно или, не желая идти въ разрѣзъ съ возврѣніями на нее закона и общества, быть можетъ, даже и съ цѣлію сдѣлаться чрезъ то популярнѣе; но нельзя не видѣть, что въ сущности онъ добивается полнаго отчужденія осужденнаго отъ семьи, потому, что не понять того,

что дозволеніе видѣться только съ самымъ тѣснымъ кругомъ родныхъ въ продолженіи одного часа въ мѣсяцъ чрезъ рѣшетку и при такомъ назойливомъ надзорѣ, равносильно полному запрещенію свиданія; не понять, опять-таки, что разлученіе скорѣе способно охладить, чѣмъ привязать къ семьѣ, еще труднѣе. Да, наконецъ, запретивъ видѣться съ родными, Уставъ и не упоминаетъ болѣе о семьѣ, какъ будто вовсе забылъ объ обѣщаніи возвратить осужденнаго полезнымъ семейству. Но лучше позаботился онъ и о другомъ своемъ обѣщаніи: «сдѣлать осужденныхъ полезными самимъ себѣ», съ этою цѣлію онъ заставляетъ ихъ читать молитвы передъ и послѣ завтрака, обѣда и ужина (ст. 431, 432, 433, 443, 444, 446, 447 и 449); послѣ утренней молитвы: тропарь и кондакъ тому святому, которымъ освященъ день (ст. 437). Предписываетъ водить ихъ наканунѣ всѣхъ воскресныхъ, праздничныхъ и торжественныхъ дней къ вечернѣ и всенощной (ст. 454), а въ самые праздники и еще два дня въ недѣлю,— къ обѣднѣ и вечернѣ (ст. 465). Далѣе на всѣ службы каждую среду и пятницу великаго поста всю страстную и святую недѣли (ст. 462), обязывая при этомъ непремѣнно всѣхъ го-

вѣтъ (ст. 460). Воскресные, праздничные и торжественные дни положено проводить такъ, какъ навѣрно непроводятъ ихъ ни въ одномъ монастырѣ: по совершеніи утренней молитвы арестантовъ собираютъ въ столовую (въ ознаменованіе торжества завтракать не даютъ) для чтенія и слушанія, по назначенію священника приличныхъ мѣстъ изъ священнаго писанія и другихъ церковныхъ книгъ, которое продолжается до обѣдни, послѣ которой слѣдуетъ приличное поученіе (ст. 455 и 457); такъ что съ 5-ти часовъ утра до окончанія обѣдни съ проповѣдью, то-есть часовъ до 12, арестанты, стоя и не евши, молятся и слушаютъ поученія. Послѣ обѣда вечерня (ст. 458), домашнія работы, снова чтеніе священнаго писанія (ст. 459) и за тѣмъ обыденныя дневныя молитвы. Ну, есть ли физическая возможность человѣку, работавшему цѣлую недѣлю, бодро и съ наслажденіемъ слушать въ продолженіи цѣлаго дня божественное слово? Не можетъ ли случиться, что, вмѣсто ожидаемаго просвѣщенія и наставленія, это оттолкнетъ на всегда отъ храма Божьяго, такъ что, по выходѣ на волю, несчастные будутъ бѣгать этого лучшаго мѣста успокоенія? Да если бы кто и увлекся подобнымъ образомъ

провожденія праздниковъ; допустимъ даже, что, слушая постоянно поученія и чтеніе однихъ только душеспасительныхъ книгъ, онъ исправился до возможности продолжать жизнь безъ пороковъ, но безъ поддержки другихъ полезныхъ и необходимыхъ знаній куда-бы годился онъ, слушавшій объ однихъ только отшельническихъ спасеніяхъ? Развѣ исправительное заведеніе старается развить въ немъ охоту къ труду, силу для борьбы съ нуждой и лишеніями? Напротивъ, безцѣльными и мучительными работами и собачьей дрессировкой оно старается убить стремленія ко всему честному и трудовому. Развѣ имъ объясняютъ въ этомъ развращающемъ омутѣ, что люди и государство считаютъ дурнымъ и безнравственнымъ, что запрещается закономъ подъ страхомъ наказанія, въ чемъ заключается гражданская доблесть, — словомъ, развѣ учатъ ихъ тому, чего никто изъ нихъ, да и по всей вѣроятности и ихъ начальниковъ, не знаетъ, но незнаніемъ не имѣетъ права оттовариваться? Открываютъ-ли: какъ живутъ и думаютъ честные люди? Не только нѣтъ, но если-бы кто и самъ захотѣлъ объ этомъ узнать, то встрѣтилъ-бы со стороны начальства неопреодолимыя препятствія, ибо

по уставу заведенія грамотѣ положено обучать только малолѣтнихъ (ст. 479); книги дозволено читать не иначе какъ съ разрѣшенія попечителя (ст. 518) и подъ такимъ бдительнымъ контролемъ, что даже книги, дозволенныя уже одному, не могутъ быть передаваемы другому безъ новаго разсмотрѣнія и дозволенія попечителя (ст. 519) и, во всякомъ случаѣ, книги не могутъ быть другого содержанія, какъ священное писаніе и другія духовныя, такъ же заключающія въ себѣ поучительныя наставленія въ нравственности, законы гражданскіе, исторію, путешествія и тому подобное. Повѣсти-же, сказки, романы, театральныя сочиненія и тому подобныя вовсе запрещены (ст. 520).

Содержащіеся въ исправительномъ заведеніи по большей части мало или вовсе безграмотны; если и попадаются иногда съ кое-какой подготовкою, то подготовка эта, за самымъ рѣдкимъ исключеніемъ, едва-ли идетъ далѣе уѣзднаго училища. Какія-же историческія книги можно читать при такомъ умственномъ развитіи и болѣе чѣмъ скудномъ запасѣ знанія? Да и дозволили-бы еще чтеніе, напримѣръ, Шлоссера, Бокля, Маколея и другихъ подобныхъ авторовъ? Съ другой стороны,

кто изъ среды подобной арестантамъ смирительнаго дома захочетъ читать учебникъ исторіи, да и что изъ него можно почерпнуть, кромѣ хронологій. Кто будетъ читать законы гражданскіе, да и пойметъ ли мудрость ихъ безъ теоріи права, а если-бы кто и могъ и захотѣлъ изучить эту теорію, рискнулъ ли бы попечитель дозволить арестанту критически относиться къ законамъ? Остаются, значитъ, біографіи, сирѣчь, исчисленія, какихъ россійскихъ императорскихъ и иныхъ государствъ орденовъ былъ какій великій мужъ кавалеромъ, какія великія чины получалъ онъ еще въ малыхъ лѣтъ и какой являлъ собою примѣръ доблестной жизни; остаются путешествія, нужно полагать, самаго плохого свойства, такъ какъ въ губернскихъ городахъ не во всѣхъ даже имѣются библіотеки, а уже о качествѣ тѣхъ, гдѣ таковыя существуютъ, и говорить нечего. Чему же можно научиться изъ біографій и плохихъ путешествій, да безъ научной подготовки, даже и изъ хорошихъ? И много ли найдется охотниковъ читать ихъ? Вы дѣйствительности, по всей вѣроятности, какъ по вышеназваннымъ причинамъ, такъ и по трудности доставать книги, умственная дѣятельность и не найдетъ далѣе священнаго

писания и другихъ духовныхъ поученій, что, въ связи съ великими монастырями стоянiями, въ самомъ счастливомъ случаѣ можетъ образовать монаха, тогда какъ цѣль заведенія возвратить заключенныхъ полезными сельскому и обществу.

Отчего бы не дозволить заключеннымъ чтеніе романовъ, театральныхъ и тому подобныхъ сочиненій? Развѣ въ большинствѣ ихъ не отражаются жизнь и стремленіе людей и общества, въ которомъ осужденные жили прежде и должны жить послѣ освобожденія? Что можетъ сильнѣе хорошей театральной пьесы или повѣсти и романа пробудить въ человѣкѣ совѣсть и указать ему честный взглядъ на жизнь и людей, и особенно въ человѣкѣ, который слишкомъ малоразвитъ для того, чтобы понять тутъ самую мысль, выраженную въ серьезной, философской формѣ? Развѣ въ большинствѣ подобныхъ сочиненій не торжествуетъ добродѣтель также, какъ и въ книгахъ церковнаго и нравственнаго содержанія? Да если добродѣтель и является тамъ источникомъ страданій, какъ часто случается и въ дѣйствительной жизни и въ житіяхъ св. отцовъ, развѣ добываемая не дѣлается отъ того сильнѣе? Сколько чистыхъ

слезъ и горячаго сочувствія вызываетъ въ читающихъ борьба съ нуждой и поронами — борьба скромная, незамѣтная и потому мало цѣнимая въ обыденной жизни, которая въ сочиненіи превращается талантомъ автора въ великій общечеловѣческій подвигъ борьбы съ тьмой и заблужденіями. И чѣмъ поразительнѣе выходитъ торжество порока, тѣмъ сильнѣе онъ возмущаетъ противъ себя, чѣмъ болѣе достается ему матеріальныхъ выгодъ, тѣмъ замѣтнѣе дѣлается тлѣнность и непрочность ихъ и завиднѣе и прочнѣе независящее отъ случайностей спокойствіе честной души.

Дѣйствіе подобнаго чтенія уже и потому сильнѣе проповѣди на заданную, казенную тему, что къ нему приступаютъ безъ ожиданія услышать безсердечное наставленіе, а подчасъ и намекъ не въ бровь, а прямо въ глазъ. Тамъ сцена за сценой незамѣтно увлекаетъ сочувствіемъ къ невинной жертвѣ порока и благороднымъ негодованіемъ къ ея мучителю, такъ что приговоръ является ранѣе, чѣмъ успѣютъ замѣтить сходство своихъ дѣйствій съ тѣми, которые теперь такъ возмутили душу.

Еще Шекспиръ подмѣтилъ то потрясаю-

щее дѣйствіе, какое производятъ на порочную душу театральныя представленія: устами Гамлета (2 сц. 2 д.) онъ говоритъ:

Гмъ! Слышалъ я не разъ преступныхъ душу
Такъ глубоко искуство поражало,
Когда они глядѣли на актеровъ,
Что, признавались они въ злодѣйствахъ.
Убійство нѣмо, но оно порою
Таинственно, но внятно говоритъ
. . . . . .
Злодѣю зеркаломъ пусть будетъ представленье
И совѣсть скажется и выдастъ преступленье

(Стр. 32, перев. русск. писат. изд. Некрасова и Гербеля).

Если боятся дозволить чтеніе романовъ, повѣстей и театральныхъ пьесъ, какъ развлеченіе, могущее ослабить карательное значеніе наказанія, такъ развѣ помимо книгъ, нельзя, находясь въ душной и смрадной камерѣ смирительнаго дома, носиться мыслью въ мірѣ самыхъ необузданныхъ непоходящихъ на тюремную жизнь фантазій? Какой уставъ въ силахъ помѣшать этому, а развѣ результатъ будетъ не тотъ-же? Какая тюрьма устроитъ предъ творческой силой человѣческой мысли?

Не къ одному, впрочемъ, чтенію относится уставъ съ такою нетерпимостью: онъ упорно

старается подавить все способное возбудить душу, облагородить чувства. Строго запрещаетъ пѣніе и игру на какомъ-либо инструментѣ (ст. 525). (Хотя въ 524 ст. сказано: пѣсни, но, судя по общему духу Устава, надо полагать, что подъ этимъ подразумѣвается всякое свѣтское пѣніе, потому что если повѣсти и романы признаны имъ безъ нравственными, то арія, романсы и проч., какъ поющія о томъ-же, едва-ли могутъ заслужить исключеніе).

Тщеславясь своимъ исправительнымъ значеніемъ, которое справедливѣе назвать развращающимъ, Уставъ строго гонитъ все, что помимо предвидѣнаго имъ могло-бы пробудить совѣсть или хотя-бы наталкнуть на мысли о прошломъ: строго запрещаетъ разсказывать другъ другу о поведеніи своемъ и причинахъ отдачи въ заведеніе (ст. 523), тогда какъ откровенный, задушевный разговоръ скорѣе сотни проповѣдей начальническихъ поученій подѣйствовалъ-бы, быть можетъ, на душу, готовую къ раскаянію.

Вотъ что сдѣлалъ для нравственнаго исправленія арестантовъ образцовый Уставъ подъ увлекательно-нравственной вывѣской, способенъ-ли онъ своимъ дидактическимъ на

правленіемъ возвратить осужденныхъ полезными самимъ себѣ, семейству и обществу? Послѣ подобнаго образцоваго устава, нельзя не отнестись сочувственно къ остальнымъ за ихъ равнодушіе къ исправленію арестантовъ, потому что лучше не сдѣлать по этому ничего, чѣмъ развратить тысячи людей до полной негодности къ продолженію честной жизни.

Уставъ арестанскихъ ротъ, — какъ скромный и честный воинъ, отъ души вѣрующій, что порученныхъ ему разбойниковъ ничѣмъ такъ хорошо неисправишь, какъ палкой, — не напуская на себя модныхъ илюзій и не мудрствуя лукаво, кротко и кротко говоритъ: «начальству роты вмѣняется въ обязанность заботиться о нравственномъ исправленіи арестантовъ» (ст. 1045).

Для сего при ротѣ состоитъ священникъ въ качествѣ духовнаго отца и наставника роты (ст. 1051). Ежедневно, утромъ и вечеромъ, читается молитва передъ всѣмъ собраніемъ арестантовъ, тѣми изъ нихъ, которые, будучи грамотны, удостоены къ тому отцомъ духовнымъ (ст. 1052). Въ праздничные дни арестанты водятся въ церковь къ литургіи (ст. 1053). Великимъ постомъ говѣютъ (ст. 1054)

Для возбужденія и поддержанія въ арестантахъ стремленія къ исправленію, имъ отъ времени до времени читается наставленіе объ обязанностяхъ христіанина и подданнаго, о степеняхъ наказаній и постепенномъ облегченіи участи раскаивающагося въ своей винѣ преступника, указывая, когда нужно, на статьи законовъ, коими опредѣляются сіи облегченія для арестантовъ, отличающихся хорошимъ поведеніемъ «(1057). Болѣе уставъ арестанскихъ ротъ ничего не предписываетъ для исправленія; но, несмотря на краткость и скромность его въ этомъ дѣлѣ, нельзя не согласиться, что еслибы въ роту случайно попались добросовѣстные и знающіе начальникъ и священникъ, которые съумѣли-бы объяснить арестантамъ обязанности христіанина и подданнаго, то принесли бы этимъ дѣлу исправленія осужденныхъ несравненно болѣе с.-петербургскаго исправительнаго заведенія съ его хвастливо-нравственными обѣщаніями.

Но, понятно, на практикѣ и въ арестантскихъ ротахъ ничего подобнаго не бываетъ; самъ уставъ *наставленія объ обязанностяхъ христіанина и подданнаго* предписываетъ въ такой необязательной формѣ «*отъ времени до*

времени» (ст. 1057), что при неумѣніи и лѣни начальства, странно и ожидать, чтобы это когда-нибудь соблюдалось. Если-же и бываетъ, то, по всей вѣроятности, ограничивается простымъ перечнемъ ужастной таблицы наказаній; устрашеніемъ нелюбимыхъ или напоминаніемъ о власти ротнаго начальства казнить и миловать кого пожелаетъ. Кому неизвѣстны ненависть и презрѣніе, съ какимъ относится всевозможное начальство къ законамъ, не только ограничивающимъ его власть, но даже недающимъ разгулу полному произволу». Я знать не хочу вашихъ законовъ, говорится въ такомъ случаѣ оскорбленнымъ пашою, — я знаю и вамъ знать совѣтую одинъ дисциплинарный уставъ и то, что я начальникъ, и потому могу дѣлать все, что захочу». У которыхъ не разъ, быть можетъ, срывалось съ устъ нѣчто въ родѣ знаменитаго изреченія командира, славнаго саженными ногами: «все прощу, воровство прощу, кашля во фронтѣ не прощу»! Чего можно ожидать отъ подобныхъ толкователей закона, а гдѣ сыщешь лучшихъ за 200—300 руб. въ годъ?

Уставы тюрьмы и рабочаго дома еще менѣе хлопочатъ о нравственномъ исправленіи

осужденныхъ: они предписали водить ихъ въ праздники къ обѣднѣ и постомъ заставлять говѣть и затѣмъ махнули рукою на эту тонкую штуку, потому—не изъ чего хлопотать!

Не смотря однакоже на такую грустную незаботливость нашихъ тюремныхъ уставовъ о нравственномъ исправленіи арестантовъ, въ двухъ изъ нихъ, именно арестантскихъ ротъ и инструкціи попечительству надъ новою с.-петербургскою исправительною тюрьмою, разбросано не мало намековъ, изъ которыхъ въ общемъ легко было бы составить хорошую программу для исправленія, расширивъ, разумѣется, и дополнивъ эти намеки и поставивъ вопросъ этотъ главнымъ, а не второстепеннымъ, какъ было до сего, стремленіемъ тюрьмы. Разумѣется, успѣхъ возможенъ лишь при болѣе умѣлыхъ начальникахъ и общей передѣлкѣ уставовъ, потому, что деспотизмъ съ просвѣщеніемъ также не могутъ ужиться, какъ мракъ со свѣтомъ.

Обученіе арестантовъ грамотѣ и мастерствамъ слѣдуетъ развить до самыхъ широкихъ размѣровъ, не жалѣя на это средствъ, такъ какъ образованіе, вмѣстѣ съ будущимъ обезпеченіемъ будущности арестантовъ, самое надежное средство къ исправленію. Не

смотря, однако же, на всю громадную пользу обученія, мы далеки отъ мысли предлагать обученіе обязательнымъ для каждаго, такъ какъ оно могло бы обратиться тогда въ ненавистное и безцѣльное мученіе, потому что не наказаніями же подгонять взрослаго человѣка къ занятію грамотой, когда онъ самъ не хочетъ учиться.

Но если нельзя каждаго заставить поневолѣ что либо заучивать, то вполнѣ возможно наставлять его разсказами и объясненіемъ религіи, законовъ и нѣкоторыхъ элементарныхъ свѣдѣній о природѣ, человѣкѣ и тому подобномъ. Для чего можно было бы ежедневно въ продолженіи 2—3 часовъ собирать всѣхъ арестантовъ въ классъ, гдѣ знакомить ихъ съ евангеліемъ, законами, толкуя доступнымъ для нихъ языкомъ о характерѣ и безнравственности преступленій и справедливости налагаемыхъ за нихъ наказаній, отнюдь, впрочемъ, не дозволяя дѣлать намековъ на нихъ самихъ и ихъ положеніе. Водить по праздникамъ къ обѣднѣ, а наканунѣ и ко всенощной, стараясь составить изъ нихъ хоръ пѣвчихъ, для чего можно было бы обучить желающихъ пѣнію. Стараться развить въ нихъ охоту къ чтенію, допуская чтеніе

всѣхъ книгъ, безъ всякаго контроля. Устраивать, если возможно, спектакли. Словомъ, не упускать ни одного изъ средствъ смягчить и образовать ихъ нравственно и, по возможности, такъ, чтобы образованіе не вышло насильственнымъ и навязчивымъ, а какъ бы само собою дѣйствовало на умъ и чувства. Мнѣ замѣтятъ, быть можетъ, не слишкомъ ли много я предлагаю для людей порочныхъ, когда большинство обыкновенныхъ гражданъ ни о чемъ подобномъ не имѣетъ даже понятія. На это отвѣчу, что отъ всей души желалъ бы распространить подобное образованіе рѣшительно на всѣхъ, и глубоко вѣрю, что рано или поздно займется заря надъ всей нашей необъятной, полунощной страной и тогда большинство вертеповъ, извѣстныхъ нынѣ подъ именемъ остроговъ, обратится въ благотворительныя заведенія или вовсе исчезнетъ съ лица земли. Но пока этого и не случилось, справедливо ли оставлять безъ просвѣщенія тѣхъ, кого можно вернуть на путь истинный? Если они порочны, тѣмъ настоятельнѣе необходимость вернуть ихъ въ общество исправленными и примиренными, а тѣмъ болѣе, когда на это и непотребовалось бы особыхъ издержекъ и затрудненій: помѣще-

нія подъ школы и театръ готовы, люди праздны, такъ что отрывать отъ занятія ихъ и не придется; грамотѣ научились бы другъ отъ друга или отъ дешевыхъ учителей: евангелію отъ священника—наставникъ тоже недорогой. Такъ что порядочныхъ издержекъ могли бы стоить два, три учителя, толкующіе законы и другія необходимыя знанія, да два, три мастера. Театръ могъ бы устроиться домашними средствами, то есть почти ничего не стоилъ бы; библіотеки могли бы завестись постепенно и отчасти при помощи пожертвованій, въ которыхъ у насъ никогда не бываетъ недостатка, и особенно въ такомъ полезномъ дѣлѣ. Да наконецъ, при принятіи проектируемыхъ тюремъ, издержки на нихъ сократились бы болѣе чѣмъ въ половину противъ настоящихъ и потому не грѣхъ бы было уступить часть сбереженія на улучшеніе быта заключенныхъ и ихъ нравственное образованіе.

ГЛАВА X.

Устройство тюремъ и содержаніе въ нихъ осужденныхъ.

Раздѣливъ тюремное заключеніе, какъ наказаніе исправительное, на два рода: 1) съ обязательной работой и 2) безъ нея, слѣдуетъ во всемъ, некасающемся различія, проистекающаго изъ этого дѣленія, подчинить ихъ одному общему уставу. Тюрьмы съ обязательной работой, какъ сказано выше, удобнѣе всего расположить въ мѣстности малонаселенной и вполнѣ удобной для сельскаго хозяйства, ссылая туда арестантовъ изъ всѣхъ губерній, что, при нынѣшнемъ развитіи судоходства и желѣзныхъ дорогъ, не представляло бы особаго затрудненія. Тюрьмы эти слѣдуетъ соединить подъ именемъ центральныхъ въ одной мѣстности, подчинивъ надзоръ за ними одному общему управленію. Такимъ образомъ, число арестантовъ мѣстныхъ тюремъ уменьшилось бы почти на половину; отдѣливъ отъ нихъ находящихся подъ слѣдствіемъ въ особые пріюты, остальныхъ можно было бы соединить въ одну тюрьму для цѣлой губерніи, устроивъ ея верстахъ въ 5—10 отъ губернскаго города. Рас-

положеніе за городомъ удобнѣе, во-первыхъ, въ гигіеническомъ отношеніи и во-вторыхъ — въ матеріальномъ, ибо за городомъ земля стоитъ дешевле и потому при ней легче устроить огороды и другія хозяйственныя заведенія. Соединеніе же арестантовъ цѣлой губерніи въ одной тюрьмѣ важно въ видахъ однообразія въ содержаніи, улучшенія матеріальнаго и нравственнаго быта ихъ, болѣе правильнаго и бдительнаго надзора за тюрьмой и возможности пользоваться лучшими начальниками, учителями и опытными мастерами. Прежнія тюрьмы частію можно было бы передѣлать для пересыльныхъ и подслѣдственныхъ арестантовъ, а излишекъ продать, употребивъ вырученный за него капиталъ на улучшеніе остающихся тюремъ.

Зданію тюрьмы практичнѣе всего давать форму правильнаго восмиугольника, четыре стороны котораго, черезъ одну, будутъ составлять 3-хъ этажные каменные флигеля и остальные четыре—желѣзный рѣшетчатый заборъ для свободнаго притока воздуха. Четырехугольникъ и всякій другой замкнутый многоугольникъ стѣсняетъ слишкомъ дворъ, образуя изъ него пространство, неосвѣжаемое притокомъ свѣжаго воздуха. Зданія въ

формѣ лучистыхъ звѣздъ, на подобіе черригильской тюрьмы, и, въ видѣ развернутаго вѣера, какъ предлагалъ Бентамъ, открыты только съ одной стороны и притомъ, вмѣсто одного удобнаго для прогулокъ арестантовъ двора, образуютъ нѣсколько узенькихъ, стѣсненныхъ высокими флигелями полосокъ.

Камеры для помѣщенія арестантовъ должны быть высоки, свѣтлы и просторны, съ большими рѣшетчатыми окнами, выходящими на внутренній дворъ. Зданіе всего удобнѣе въ 3 этажа; въ нижнемъ должны помѣщаться: караулъ, квартиры тюремной прислуги, погреба, кухни. цейгхаузы, мастерскія, канцеляріи и проч. хозяйственныя и административныя заведенія; во 2 и 3 этажахъ камеры для арестантовъ. Въ главномъ изъ 4-хъ флигелей—церковь и лазаретъ, которые непремѣнно слѣдуетъ имѣть при каждой тюрьмѣ, столовая и квартиры: директора, доктора, священника и другихъ начальниковъ, имѣющихъ повседневныя отношенія къ арестантамъ. Всѣ арестантскія камеры и хозяйственныя помѣщенія должны выходить окнами непремѣнно во дворъ и имѣть одну желѣзную, въ верхней части рѣшетчатую, дверь, ведущую въ корридоръ, который, отдѣляя камеру отъ на-

ружной стѣны, идетъ во всю длину флигеля, имѣя отъ $1\frac{1}{2}$ до 2 саженей ширины и освѣщаясь готическими рѣшетчатыми окнами въ наружной стѣнѣ. Къ корридору съ обѣихъ концовъ должны примыкать башни съ готическими, рѣшатчатыми окнами: одна для ватерклозетовъ, а другая для умыванія, чищенія или смазыванія сапогъ и приведенія въ порядокъ платья.

При тюрьмѣ слѣдовало бы имѣть садъ и огородъ. Всѣ камеры, корридоры ватерклозеты и другія помѣщенія должны быть хорошо вентилированы и содержаться чисто и опрятно. Стѣны внутри оштукатурены и окрашены масляной краской, что дорого въ началѣ, при послѣдующихъ же годовыхъ ремонтахъ едва ли много будетъ дороже клеевой краски, но, безспорно, лучше ея въ гигіеническомъ отношеніи. Полы удобнѣе всего имѣть цементные или асфальтовые, не требующіе почти ремонта и не боящіеся мытья. Если бы комнаты устроить со сводами, что при значительной высотѣ и хорошей вентиляціи не сдѣлало бы ихъ душными, то можно было бы во всемъ зданіи избѣжать дерева и тѣмъ застраховать его отъ огня и времени. Арестанты должны размѣщаться въ камерахъ какъ

можно просторнѣе и не въ особенно большомъ количествѣ. Въ тюрьмѣ не должно оставаться пустыхъ камеръ и лучше во всѣхъ размѣстить просторнѣе, добавляя впослѣдствіи прибывающими. Женское и дѣтское отдѣленія, гдѣ нѣтъ особыхъ дѣтскихъ пріютовъ, должны помѣщаться въ отдѣльномъ корридорѣ. Въ камерахъ отнюдь ни днемъ, ни ночью не слѣдуетъ допускать параши или урыльника, въ чемъ при такихъ корридорахъ и клозетахъ, охраняемыхъ постоянно часовыми, не было бы и надобности, такъ какъ побѣгъ изъ корридора и клозета былъ бы такъ же невозможенъ, какъ и изъ самой камеры; для чего караулъ удобнѣе всего размѣщать такъ, чтобы половина его находилась на гауптвахтѣ, а остальные, въ составѣ всѣхъ смѣнъ каждаго поста, въ корридорахъ, образуя изъ себя какъ бы особые маленькіе посты. Въ каждой камерѣ и клозетѣ долженъ безотлучно находиться дежурный сторожъ, отвѣчающій за чистоту и порядокъ. Изъ каждой камеры караульныхъ постовъ и клозетовъ должны быть проведены на гауптвахту, въ квартиру директора и комнаты служителей звонки съ проволоками, проходящими въ стѣнахъ, такъ чтобы при малѣйшемъ безпорядкѣ директоръ, караулъ

и служителя могли бы явиться во время для прекращенія безпорядка.

Камеры ни днемъ, ни ночью не должны запираться, какъ для входа въ нихъ во всякое время агентовъ комитета, такъ и для устраненія дракъ и буйства, столь частыхъ въ настоящихъ тюрьмахъ, гдѣ господствующій силачъ бьетъ всѣхъ и каждаго для вящшаго страха, и даже вырваться некуда, тогда какъ изъ открытой камеры можно выбѣжать или дать знать сторожамъ. Это удобно также и для того, чтобы арестанты могли прохаживаться по корридору, который отъ лѣстницы долженъ быть запертъ.

Размѣщать по камерамъ слѣдуетъ не по категоріямъ преступленій, а, насколько это возможно, по возрастамъ и особенно по профессіямъ и образу предшествовавшей жизни, чтобы опытный и бывалый преступникъ не такъ легко могъ увлекать и развращать слабодушныхъ или случайно совершившихъ преступленіе, тщеславясь предъ ними, какъ представитель общаго имъ всѣмъ преступленія. Одинаковость положенія, приравнивая всѣхъ, заставляетъ скорѣе умолкнуть совѣсть. Тогда какъ не одинъ случайный воръ, услыша разсказъ разбойника, какъ отъ карманнаго во-

ровства тотъ дошелъ до грабежа и убійства, испугается открывающейся передъ нимъ пропасти и обуздаетъ свою слабую волю. Могутъ замѣтить, что возможенъ и противуположный исходъ, что неопытный и колеблющійся воръ, увлекаемый опытнымъ злодѣемъ, скорѣе дойдетъ до положенія, изъ котораго возвратъ будетъ невозможенъ. Но если это и можетъ случиться, то съ самымъ незначительнымъ меньшинствомъ; большинство же навѣрно отвернется отъ наглеца, тщеславящагося своими преступленіями, и, можетъ быть, даже протестомъ ослабитъ вредное впечатлѣніе его растлѣвающей философіи. Люди, соединенные вмѣстѣ при разныхъ условіяхъ, постараются скорѣе ослабить предъ другими значеніе своей преступности—разумѣется, кромѣ задушевной, очищающей бесѣды съ другомъ; будутъ стыдиться преступленія, захотятъ быть и казаться нравственнѣе, чѣмъ есть на самомъ дѣлѣ. Тогда какъ раздѣленные по категоріямъ преступленій, они волей или неволей сплотятся какъ бы въ особую корпорацію, будутъ стараться отличиться передъ другими камерами особымъ духомъ. Грабители будутъ глумиться надъ карманниками; обзывая ихъ обидными прозвищами; тѣ, преклоняясь предъ

ихъ удалью, постараются отыскать и въ своемъ промыслѣ нѣчто подходящее. И такъ, грабитель, оставаясь все время заключенія въ сообществѣ грабителей, привыкнувъ къ этому названію, какъ отличающему его отъ другихъ, отучившійся стыдиться своего преступленія и выучившій въ защиту его все, что можетъ придумать разнузданная безнравственность, вернется въ общество болѣе страшнымъ грабителемъ, пройдя, такъ сказать цѣлый курсъ разврата. Воръ вернется болѣе смѣлымъ воромъ; мошенникъ — болѣе ловкимъ и мудрымъ мошенникомъ и т. д. Соединенные по категоріямъ преступленій, люди, жившіе до того работою, и особенно робкіе крестьяне, охладѣютъ къ труду, встрѣчая постоянныя насмѣшки тѣхъ, которые привыкли жить легкими наживами и преступленіемъ, — которые, кстати и некстати, стараются глумиться надъ трудомъ, вѣрованіями, патріархальными привязанностями и всѣмъ, до того святымъ въ честной жизни. И робкій работящій крестьянинъ начнетъ избѣгать и даже стыдиться труда, позабудетъ объ обязанностяхъ къ семьѣ, привыкнетъ, лежа на койкѣ, выслушивать по цѣлымъ днямъ разудалые разсказы мазуриковъ и не замѣ-

тить, какъ самъ сдѣлается мазурикомъ. Тогда, какъ размѣщеніе по роду жизни и занятій будетъ, напротивъ, поддерживать связь не съ преступниками одной категоріи, а съ тѣмъ обществомъ, изъ котораго они временно отторгнуты и куда должны вернуться по исполненіи наказанія. Воспоминанія о прошломъ и особенно у крестьянъ, у которыхъ такъ сильно развита патріархальная семейная жизнь, чаще будутъ вызывать слезы о семьѣ, свободной жизни и обо всемъ лучшемъ прежнемъ, и тѣмъ усилятъ тяжесть настоящаго и усилятъ именно въ томъ направленіи, которое непосредственно вытекаетъ изъ лишенія свободы. И эта связь съ прошлымъ, только временно отдѣленнымъ, кромѣ желанія исправиться, заставитъ трудиться и въ тюрьмѣ, чтобы поддержать семью, невинно несущую его позоръ и лишившуюся поддержки, быть можетъ, единственнаго кормильца. Размѣщенія по образу жизни и занятіямъ настолько слѣдуетъ держаться, чтобы помѣщать, по возможности, вмѣстѣ родныхъ, земляковъ и вообще ближе держаться желанія самихъ заключенныхъ, что, кромѣ серьезной нравственной пользы, уменьшитъ число ссоръ, оскорб-

леній другъ друга и другихъ тюремныхъ повседневныхъ безпорядковъ.

Помѣщенія, какъ сказано выше, должны быть просторны, чисты, свѣтлы, сухи и хорошо вентилированы; меблировка должна состоять изъ желѣзныхъ кроватей съ часто-провѣтриваемыми соломенниками и простыхъ, но чистыхъ и прочныхъ, столиковъ и табуретовъ. Пища простая, но здоровая и питательная; бѣлье и платье дешевое, но чистое, удобное и неимѣющее никакихъ характеристическихъ отличій, похожее на обыкновенный костюмъ небогатаго городскаго класса. Многіе, быть можетъ, скажутъ, что подобная тюрьма покажется жившему до того въ лачугѣ крестьянину или мѣщанину дворцемъ, но во-первыхъ, и настоящій острогъ, эта зловонная яма, дворецъ въ сравненіи съ крестьянской избой, и, во-вторыхъ, крестьянская изба, не смотря на всю ея убогость и неудобства, не можетъ имѣть на здоровье крестьянина такого пагубнаго вліянія, какъ даже и проектируемая тюрьма съ вентиляціонными усовершенствованіями, ибо на свободѣ, находясь постоянно на работѣ, крестьянинъ большею частію только ночью бываетъ дома, остальное время проводитъ на воздухѣ, а лѣтомъ такъ и

спитъ даже на дворѣ; тогда какъ въ тюрьмѣ, наоборотъ, онъ все время въ камерѣ, въ заперти. Крайность можетъ заставить жить человѣка и въ ямѣ или шалашѣ; но общество не имѣетъ права даже преступниковъ содержать такъ, чтобы они отъ того болѣли и умирали,— это по меньшей мѣрѣ отразилось-бы на немъ самомъ эпидеміями. И, наконецъ, чистота, хорошій воздухъ, удобство расположенія и неизысканная, но питательная пища могли-бы благотворно повліять на людей, неимѣвшихъ объ этомъ прежде никакого понятія, и, быть можетъ, измѣнить даже нѣсколько характеръ будущей ихъ жизни. Мы горячо вѣримъ въ возможность устроить тюрьму такъ, чтобы она не только не развращала осужденныхъ, какъ это бываетъ нынѣ, но исправляла, довоспитывала до способности сдѣлаться честнымъ гражданиномъ.

Пища должна состоять изъ щей съ мясомъ или рыбой, хлѣба и кваса въ обѣдъ и жидкой кашицы въ ужинъ, въ такомъ количествѣ, какое кто можетъ съѣсть; въ воскресенье и праздничные дни каша съ масломъ и пироги. Утромъ хорошо-бы давать желудковый, ячменный и ржаной кофе съ хлѣбомъ, который при дешевизнѣ нашей на

эти продукты, обошелся-бы почти въ ничто; между тѣмъ, составляя легкій и весьма питательный напитокъ, могъ-бы войти въ повсемѣстное употребленіе въ народѣ, что при скудности пищи нашего крестьянскаго люда, принесло-бы ему великую пользу. Болѣе государство не имѣетъ возможности, да и не обязано дать арестанту, и это для большинства ихъ было-бы лучше домашняго; но найдется достаточно и такихъ, для кого подобная пища будетъ серьезнымъ ограниченіемъ, и нѣсколько даже такихъ, которые не вынесутъ ея. Чтобы устранить подобное неудобство, отягчающее участь однихъ болѣе другихъ, но и не нарушить, въ то-же время, общаго равенства арестантовъ, можно было-бы желающимъ дозволить улучшать пищу на свой счетъ, а болѣе разслабленнымъ и вообще всѣмъ тѣмъ, для кого признаютъ это необходимымъ доктора, измѣнить общее положеніе и на казенный счетъ.

Здѣсь кстати разсмотрѣть вопросъ объ арестантахъ, извѣстныхъ въ настоящее время подъ именемъ благородныхъ, которые по существующимъ нынѣ правиламъ, пользуются въ тюрьмахъ особымъ помѣщеніемъ, одеждой и пищей. Допустить подобныя исклю-

ченія въ тюремномъ уставѣ въ высшей степени несправедливо и неполитично, это значитъ—виновныхъ въ одномъ и томъ же наказывать неравномѣрно; съ другой стороны, какъ сказано выше, что для одного составляетъ роскошь, для другого моглобы быть равносильно голоду, къ чему судъ его не приговаривалъ. Мы полагаемъ, что дозволеніе улучшать пищу на собственный счетъ или по предписанію доктора, не нарушая въ принципѣ равномѣрности наказанія, лучше всего могло бы примирить эти затрудненія, прировнявъ къ другимъ участь тѣхъ, для кого казенная пища невыносима, ибо кто не можетъ ея улучшить на собственной счетъ и на чье здоровье она не производитъ вреднаго вліянія, тотъ, значитъ, выноситъ ее и, по всей вѣроятности, и прежде не имѣлъ лучше. Наконецъ удобнѣе допустить для такихъ особый частный сборъ, чѣмъ выдѣлять ихъ какъ привеллигированныхъ по закону, по смыслу котораго однимъ изъ увеличивающихъ вину обстоятельствъ служитъ именно «болѣе высокое положеніе преступника и степень его образованія «ст. 129 Улож о Нак.).

Что касается отдѣленія привилегированныхъ въ особыя камеры, то, какъ въ прин-

ципѣ принято почти полюбовное размѣщеніе, это не было-бы привилегіею, а обыкновеннымъ распорядкомъ; но камеры, мебель, бѣлье и платье, понятно, должны быть у нихъ совершенно такія-же какъ у остальныхъ арестантовъ.

Хроническихъ больныхъ слѣдуетъ также помѣщать отдѣльно отъ здоровыхъ. Относительно платья и бѣлья слѣдуетъ держаться общаго правила, выдавая всѣмъ, безъ всякихъ исключеній, одинаковое: дешевое, но чистое, опрятное безъ всякихъ особенностей; дозволить, въ то-же время, каждому носить и свое, съ соблюденіемъ строгой опрятности и съ обязанностію смѣнять, такъ-же какъ и казенное, не менѣе двухъ разъ въ недѣлю. Каждому должно быть выдано толстаго сѣраго сукна одѣяло, простыня и шерстью набитая подушка съ наволокою. Каждую недѣлю всѣхъ арестантовъ должны водить въ баню, устроенную въ тюремномъ дворѣ.

Защитники нынѣшнихъ тюремъ замѣтятъ быть можетъ, что въ подобной тюрьмѣ будетъ лучше, чѣмъ въ больницѣ или богадѣльнѣ, и потому въ желающихъ поступить туда не будетъ отбою.

Но если больницы и богадѣльни наши дѣй-

ствительно не лучше даже и настоящихъ тюремъ не по одному устройству, но и по обращенію съ больными, запрещенію посѣщать ихъ и прочимъ ни къ чему не ведущимъ стѣсненіямъ, то не практичнѣе-ли желать измѣненія ихъ къ лучшему, чѣмъ все остальное приравнивать и соразмѣрять съ ними. Наконецъ, при составленіи тюремнаго устава, никогда не слѣдуетъ забывать, что тюремное заключеніе должно состоять исключительно въ лишеніи свободы, и чѣмъ менѣе будетъ въ немъ мучительнаго, оскорбляющаго и неодинаково дѣйствующаго, что не вытекаетъ непосредственно изъ свойства лишенія свободы, тѣмъ дѣйствительнѣе будетъ достигаться главная цѣль наказанія. Въ нынѣшнихъ тюрьмахъ, при систематическомъ глумленіи надъ арестантами, при матеріальныхъ ограниченіяхъ и всякихъ ненужныхъ стѣсненіяхъ, лишеніе свободы, въ прямомъ значеніи этого слова, остается почти незамѣтнымъ. Положеніе дѣйствительно выходитъ невыносимѣе, но неравномѣрно для каждаго и даже неодинаково во всѣхъ тюрьмахъ. Личное вліяніе начальства до того сглаживаетъ, затираетъ основную идею заключенія, что тюрьма выходитъ мѣстомъ, гдѣ богатому лучше бѣднаго не по од-

ному содержанію но, и по обращенію съ нимъ начальства, возможности видѣться съ родными и т. п.; льстецу лучше прямодушнаго,— учрежденіемъ, для котораго постановленія суда на столько мало значатъ, что кромѣ улучшенія и отягченія участи осужденнаго, оно можетъ даже сократить или увеличить срокъ его заключенія. Подобная, такъ сказать, наносная, незаконная несправедливость не исправляетъ, а, напротивъ, ожесточаетъ; не преклоняетъ предъ неумолимымъ, но вмѣстѣ и безпристраннымъ закономъ, а возбуждаетъ противъ общества, представителями котораго являются предъ ними эти деспоты-притѣснители. Арестанты видятъ, что многаго можно избѣжать и въ другихъ тюрьмахъ избѣгаютъ, значитъ: или законъ не имѣлъ этого вовсе въ виду, или онъ такъ ничтоженъ, что не можетъ заставить себя уважать, и они являются жертвами ничѣмъ не стѣсняемаго произвола тюремнаго начальства. Наконецъ, мало-ли бываетъ случаевъ и въ настоящее время, что арестантъ, побывавъ разъ въ тюрьмѣ, не боится попасть въ нее опять; но справедливо-ли выводить изъ этого, что положеніе тамъ настолько хорошо, что нужно ухудшить его! Человѣкъ, къ счастію его, можетъ сжиться

совсѣмъ и вездѣ; даже тамъ. гдѣ общество считаетъ его какъ бы умершимъ, напр., въ каторгѣ—и тамъ онъ умѣетъ, не только помириться съ своимъ положеніемъ, но даже заявить свои претязанія, выясниться такъ, что знайте его подъ однимъ только номеромъ, безъ человѣческаго имени, и вы никогда не смѣшаете номера 7-го съ 8-мъ.

Больной, томившійся нѣсколько лѣтъ въ тяжкой болѣзни, долго не выноситъ потомъ свѣжаго воздуха; солнце рѣжетъ ему глаза; о лихорадочномъ томленіи онъ вспоминаетъ, какъ о чемъ-то нѣжившемъ, пріятно разслаблявшемъ, и съ безпокойствомъ задумывается при мысли снова попасть въ шумъ и движеніе. Правда, до такого состоянія доходятъ рѣдко; не чаще, думаемъ, можетъ дойти человѣкъ и до того, чтобы снова желать въ неволю, какъ-бы позолочена ни была эта неволя. Если-же онъ дошелъ до такого положенія, такъ ухудшайте его, какъ хотите, онъ съ умѣетъ помириться со всѣмъ, чтобы снова подышать тѣмъ убивающимъ, зловоннымъ воздухомъ, слушать растлѣвающіе разсказы, бранить казенныя щи, наѣдаясь ими до тошноты, бѣсить начальство, получая за это несмѣтное количество розогъ, дѣйствующихъ на него, вслѣд-

ствіе привычки къ нимъ и загрубѣлости, какъ возбуждающее средство.

Отбросьте изъ устава все, невытекающее непосредственно изъ лишенія свободы, устраните произволъ и безнаказанную грубость начальства, недопуская никакихъ исключеній и различія между арестантами, кромѣ опредѣленныхъ судомъ сроковъ, дозволивъ, въ тоже время, каждому улучшать матеріальное свое положеніе, пока это ненарушитъ идеи лишенія свободы, и тогда только выяснится, чего имъ всѣмъ недостаетъ, чтобы жить, какъ жилось въ былое время, какъ живутъ и теперь ихъ друзья и родные. Тогда только,—лучшій даръ небесъ, для всѣхъ равная и всѣмъ одинаково дорогая свобода! — поймутъ несчастные затворники, чего лишило ихъ преступленіе. Тогда только совѣсть, этотъ неподкупный судья, напомнитъ имъ, что, оскорбляя себѣ подобнаго или цѣлое общество, нарушая ихъ права, они посягали на свободу другихъ и потому, по всей справедливости заслужили наказаніе. Поймутъ также, какая ужасная пропасть раздѣляетъ ихъ посягательства отъ лишенія свободы, налагаемаго на нихъ обществомъ. Отсутствіе всего оскорбляющаго и мучительна-

го ясно покажетъ имъ, что они въ рукахъ кроткаго, равнаго, для всѣхъ и вѣрующаго въ возможность исправленія, но, въ то-же время, и непреклоннаго закона, а не во власти злобствующаго мстителя, выбивающаго око за око и зубъ за зубъ, а если можно то и сторицею. Оцѣнивъ свободу, преступникъ пойметъ потерю ея и, понявъ нравственность и высокое значеніе закона, преклонится предъ нимъ съ уваженіемъ, и тогда общество можетъ смѣло принять примиреннаго, раскаявшагося члена своего, безъ боязни за будущее.

Въ тюрьмѣ человѣкъ, отторгнутый отъ всей прежней обстановки физическаго труда и заботъ, отъ всей, такъ сказать, матеріальной жизни, весь отдается духовной; отъ того заключенные дѣлаются такими разговорчивыми и любятъ слушать разсказы другихъ. Въ тюрьмахъ, имѣющихъ притѣснительный характеръ, пользующихся всѣмъ, чтобы мучать и отравлять жизнь заключенныхъ, жертвы, со всѣмъ пыломъ страстей, разжигаемыхъ безвыходностью и беззащитностью положенія, предаются ненависти противъ притѣснителей. Все человѣчество, несидящее за рѣшоткою тюрьмы, дѣлается ихъ

врагомъ; они сочувствуютъ только преступленію, которое такъ ужасно преслѣдуется обществомъ; въ товарищахъ своихъ видятъ жертвъ какой-то выдуманной добродѣтели. Вотъ отъ чего они рукоплещутъ пороку, радуются гибели добродѣтели; всѣ способности направляютъ во вредъ обществу, глумятся надъ нимъ, обдумывая планы будущихъ преступленій, развращаясь до полной негодности къ продолженію честной жизни.

Воспользуйтесь-же этимъ возбужденнымъ состояніемъ, смягчите отверженныхъ кротостію и участіемъ, вложите въ души ихъ слова надежды и любви—и эти неукротимые звѣри опять примутъ образъ и подобіе Божіе.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

стр.

Глава I. Краткое сравненіе дѣйствующихъ нынѣ тюремныхъ уставовъ 3

» II. **Раздѣленіе тюремнаго заключенія на роды** 44

» III. **Тюрьмы съ обязательной работою.** 66

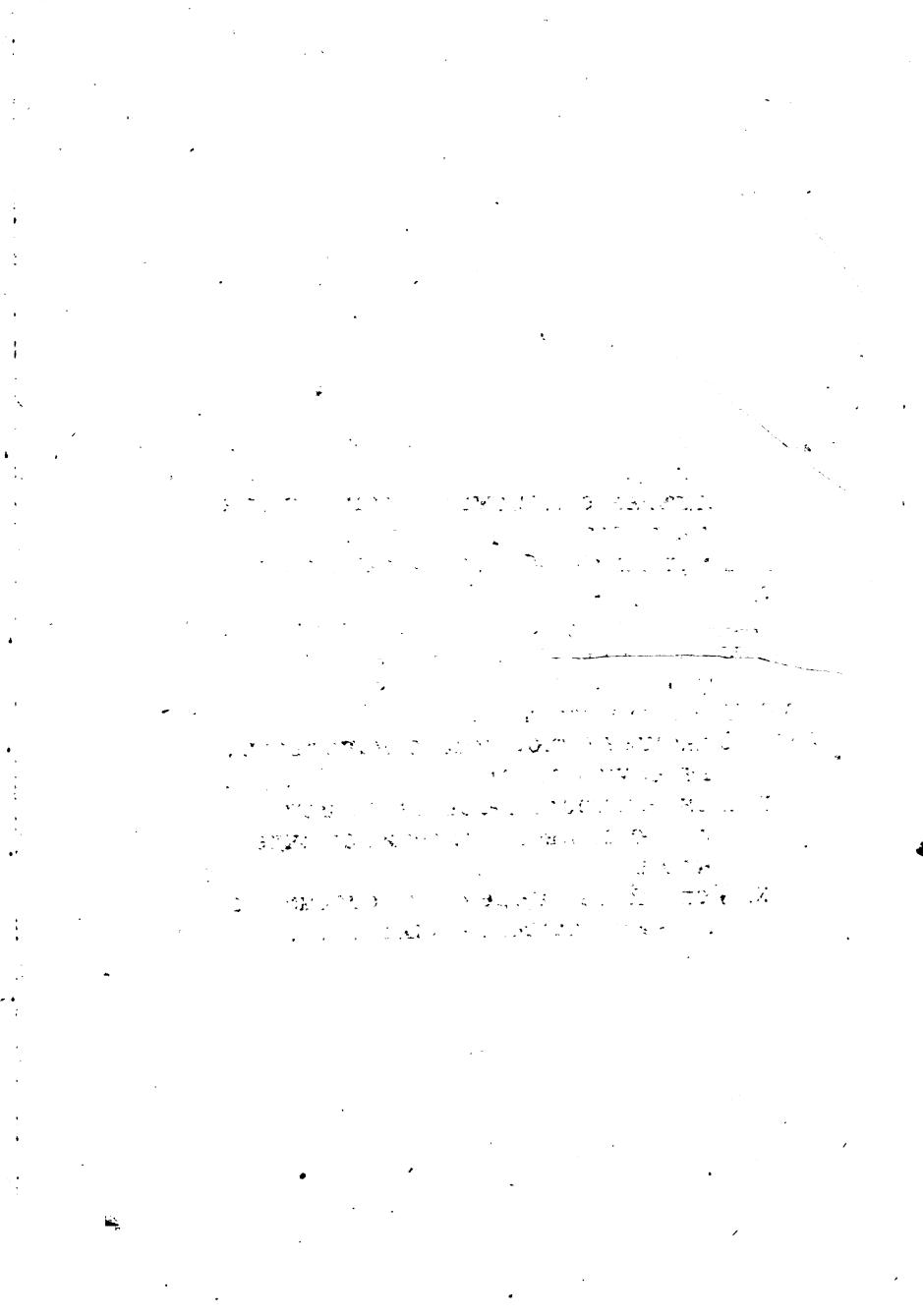
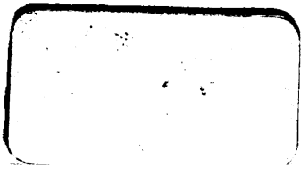
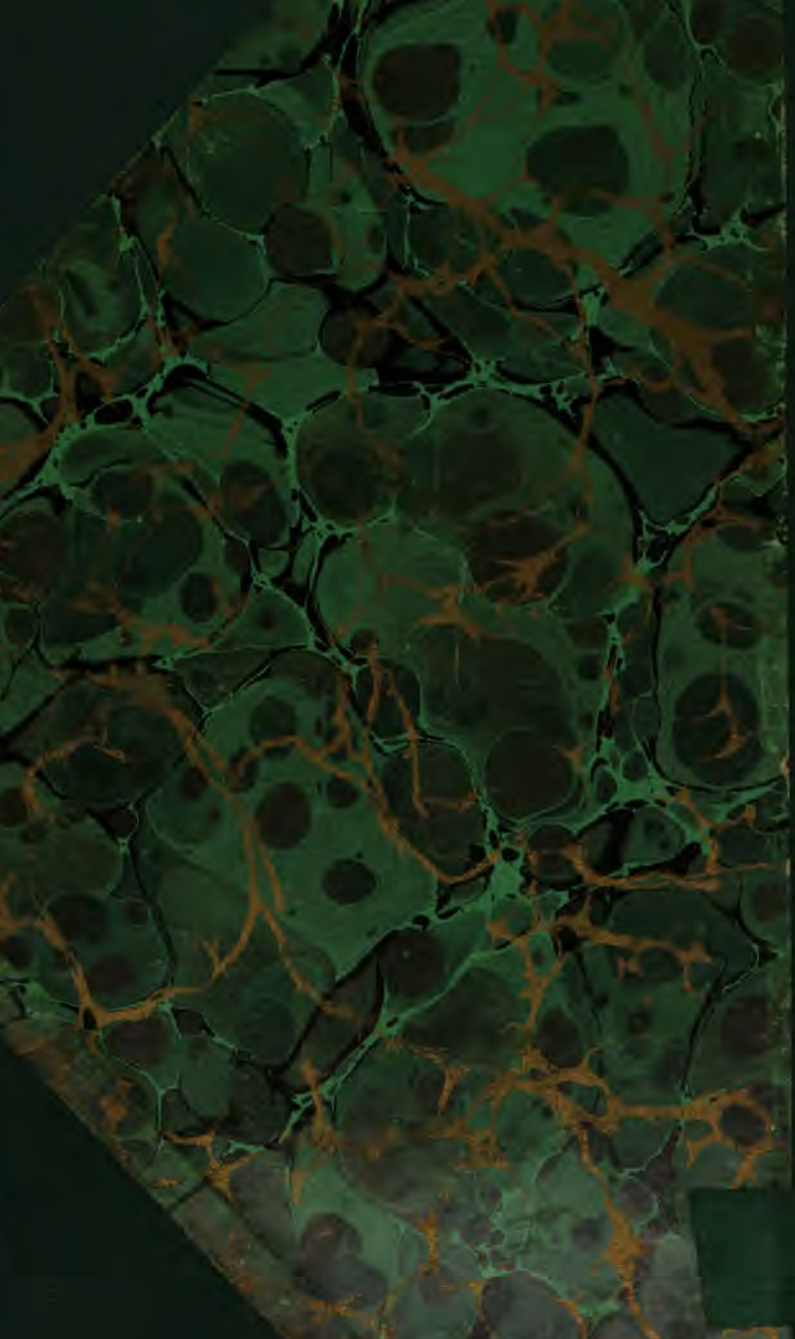
» IV. Каторжныя тюрьмы 89

» V. Пріюты для состоящихъ подъ слѣдствіемъ . . 104

» VI. Мѣста заключенія по приговорамъ мировыхъ судей 124

» VII. Тюремные комитеты 159

» VIII. **Отношеніе тюремнаго начальства къ осужденнымъ** 180

» IX. **Дѣятельность тюрьмы по исправленію нравственности осужденныхъ** 212

» X. **Устройство тюремъ и содержаніе въ нихъ осужденныхъ** 232